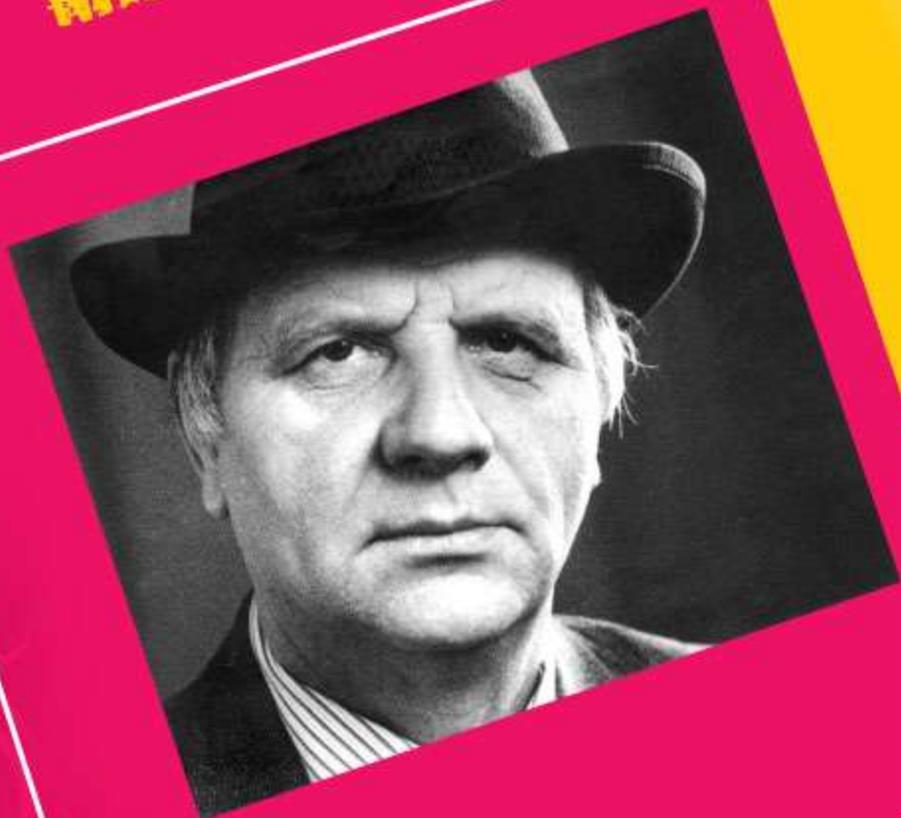


Пётр Козин

ЖАР

МАЛМНОВЫЙ



Пётр Козин

ЖАР
МАЛИНОВЫЙ

Орёл



Издатель Светлана Зенина
2009

ББК 84(2р)6
К80

Козин П. Д.
К 80 **Жар малиновый / П. Д. Козин.** — Орёл : С. В. Зенина, 2009. — 264 с. : ил.

«Жар малиновый» — девятая книга известного орловского поэта и прозаика Петра Козина. Она является составной частью недавно вышедшей в свет его поэтической энциклопедии «Русская баня». Их объединяет общие тема и идея борьбы за гигиену, ибо здоровье людей, как подчеркивает автор — это национальное богатство страны.

Драма героев повести Петра Козина сопряжена с драмой всеобщего кризиса капитализма, элементы которого присущи и современной России.

Более оптимистично вырисовывается судьба бывших русских офицеров Гареева и Цуканова — героев «Записок грибника и рыбака», которые обрели радость жизни в общении с природой.

Сергей Шмелев в своих новых «Сказах о Петре Козине» продолжает знакомить читателей с жизнью и творчеством писателя и друга.

ББК 84(2р)6

© П. Д. Козин, 2009
© Издатель Зенина С. В., 2009

СЛОВО О БАНЕ



Недавно вышла в свет необычная книга орловского поэта и прозаика Петра Козина «Русская баня». Это подлинная «поэтическая энциклопедия». Автор собрал сведения о пользе для здоровья банного увлечения со всего света белого. От людей ученых и разумных. И, разумеется, от поэтов, самой отзывчивой части человечества. Всех собрал и всех в рифму вставил, чтобы читалось и запоминалось легко.

Теперь перед нами его прозаическое произведение, повесть «Жар малиновый». В ней рассказывается об учителе биологии Иване Даниловиче Ракитине, который, по выходу на пенсию, в течение трех лет работал в двух орловских банях. И который вел дневник обо всех приключениях случившихся с ним, а затем передал их автору для опубликования.

Сам Петр Козин человек с опытом и немалым. Учитель истории и обществоведения, по образованию, он, как и герой его повести, Ракитин, в суетные годы нашего российского бытия неожиданно стал банщиком в Орле. Авторитетный учитель, директор школы, автор нескольких интересных книг в стихах и прозе, он не постеснялся взять в руки веник и швабру. Его цель, хоть как-то умножить свою жалкую учительскую пенсию, чтобы порадовать подарками дочь и внуков.

Основную идею содержания раскрывает, приведенная автором в эпилоге произведения формулировка греческого философа Платона: «Сооружение бань — обязанность государства». Мы разделяем огорчение Петра Козина, что в Орле, на смену дешевым общественным моечным заведениям пришли, пусть даже более роскошные, но дорогие, частные бани.

Впрочем, читатели повести «Жар малиновый», смогут сами определить для себя важность темы, поднятой автором.

В. М. КАТАНОВ,
член Союза писателей РФ,
первый лауреат Всероссийской литературной
премии «За Отечествоведение» имени Карамзина,
заслуженный работник культуры РФ.

ПРОЛОГ

Любознательный читатель! Перед вами сочинение Ивана Ракитина. Понятно, вы непременно, заинтересуетесь: а кто же такой этот Ракитин? Где он родился, жил?

Скажу прямо: сегодня его уж нет на свете — тело предано земле, а душа, вероятно, в раю, ибо вел он скромную, трудовую, а значит, праведную жизнь. В самый канун 2009 года Ракитин был сражен вторым инсультом — не выдержали сердце и мозг. Он стал одной из многочисленных жертв, так называемых, демократических преобразований.

Родился же Ваня Ракитин летом 1940 года, в глубинной орловской деревушке с благозвучным названием — Ракитино, в крестьянской семье. Род пошел от места жительства, а сама деревня обязана именем, конечно же, русским раkitам, заповившим берега огромного оврага, разделявшим селение на две равные части. Десятки мощных раkit с внушительными дуплами.

Нет надобности распространяться, о трудностях и невзгодах, что выпали на долю «детей войны». Пионер — тимуровец, комсомолец, коммунист. Таковы приметы биографии. Блестяще окончив среднюю школу, а затем педагогический институт, стал Иван Данилович Ракитин учителем биологии в сельской школе

Мне довелось познакомиться с ним в редакции районной газеты «Болховская новь» осенью 1968 года. В ту пору я работал директором Сурьянинской школы, писал корреспонденции и частенько заглядывал сюда, к приятелям — журналистам. Селькором и начинающим поэтом числился там и Иван Ракитин. И он, и я были женаты, имели дочерей. После моего переезда на постоянное жительство в Орел, я вскоре увидел там Ракитина.

В центральной бане встретил Ивана Даниловича. Бывший учитель работал банщиком.

— На пенсии? — спросил я с удивлением, — а со школоу как?

— Ушел. Осточертело — лицемерить, лгать, приспособливаться, — ответил сердито Ракитин, — в стране — хаос. Дети рас-

пущены. Сеятели «доброе, светлого, вечного» превратились в обычных обывателей. На уме одно — деньги. И, правда, как без них жить? Пенсия с гулькин нос. Сами с женою кое-как, внуки растут, помочь надо. Заводы, фабрики закрыты. Куда податься? Сплошная безработица! Невольно добрым словом Советскую власть помянешь. В сторожа и то устроиться можно лишь по знакомству. Вот так я и оказался в обществе пара, голых тел и душистых веников.

— А как же стихи? Ведь одно время, помню, тебя поэтический мэтр похваливал. Книгу не помог выпустить?

— Как же, держи карман шире, поможет он. Пока его поишь, кормишь, да преданно в рот глядишь — хвалит, лебезит. Заикнешься о реальной помощи, так он нагло процитирует: «талантам надо помогать, а бездари пробьются сами». Ты, де, графоман — не выставляйся, не высовывайся. Люди звереют. Особенно в области искусства. Не случайно, в 60-е годы, на экранах страны, шел фильм «Люди и звери». Идея в том, что в душе каждого человека живет зверь, но самый страшный из них — заяц. Действительно, не окажись русские люди в 90-е, по-заячьи, глупыми и трусами, то не пришлось бы нам сегодня жить в таком беспробудном порабощении и угнетении.

— Круто, но по существу верно, — соглашаюсь я.

— Это также верно, как и то, что наш великий Гоголь несправедливо взял в прототипы своего Хлестакова умного и порядочного человека.

— Ты о ком? — заинтересовался я

— О Павле Свиньине, издателе журнала «Отечественные записки». Ведь в нем печатались с большим удовольствием, наряду с Гоголем и такие классики, как Некрасов и Белинский.

— С этого места поподробнее, — попросил я приятеля.

— Пожалуйста. Свиньин — прекрасный художник и литератор. Он окончил Благородный пансион в Москве, Академию художеств в Петербурге, плавал переводчиком на эскадре адмирала Сенявина. Побывал в плену у англичан, стал академиком за картину «Отдых после боя Итальянского графа Суворова». Его акварели американского цикла изданы в США в 1930 и в 1953 годах. Русский

музей в Ленинграде приобрел два альбома Свинына, в которых встречаются зарисовки с республиканского генерала Франции Моро, упокоенного в России фельдмаршалом, с коим он дружил, и его имения Моррисвиль. Опубликовал несколько повестей.

— Здорово! — не сдержал я своего восхищения перед высокими познаниями скромного биолога, — действительно Гоголь со своим прототипом «Ревизора» дал маху или, скорее всего, сделал это преднамеренно.

— Именно, с умыслом, по известному принципу: ради красного словца, не пожалеют и отца. К счастью, ты не из таких «щелкоперов проклятых».

— Ха-ха-ха! — не сдержал смеха, — я — то, причем?

— Притом, что есть у меня к тебе серьезное дело.

— Извини, но баня не располагает к серьезным разговорам.

— Согласен. Тогда встретимся у меня.

— Нет, уж лучше ты ко мне приезжай, на 5-ое Августа. Я давно тебе собираюсь свою книгу подарить.

— Это будет кстати. Ведь о книге, только уже моей, и пойдет речь.

— Никак написал?

— Вроде того.

— Тогда до скорой встречи! — я направил свои стопы в моечное отделение, подведомственное Ракитину.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Лишь в 2004-м, как-то по весне, я увидел, на пороге квартиры ладную фигуру бывшего учителя, ныне банщика. В руках он держал видавший виды, потертый портфель.

— Молодец, что пришел, — говорю.

— Я-то пришел, а ты, почему в баню не заглядываешь?

— Хожу, но в другую обитель. Чаше жена в ванне моет. Так дешевле.

— Вот-вот. Именно, из-за таких несостоявшихся клиентов, как ты, мы и находимся в долгах, как в шелках.

— Да, это же закон капитализма. Когда ты, этой истиной успел овладеть?

— Овладеть, не значить знать.

— Вот, держи, — Ракитин вынул из портфеля объемистую рукопись, отпечатанную на машинке, — изучай плод мой — «Записки банщика». Как прочтешь, так свое мнение выскажешь. Я беллетрист плохой, но не писать не могу, хотя отлично знаю, что мой труд света не увидит. Ни мастерства, ни денег, ни связей с издателями.

— Хорошо, оставь, прочту.

— И еще вот что. Мои банные записки я продолжу, до увольнения, а ты из них, если хочешь, сделай повесть. У тебя лучше получится. Я не вытяну, Да и здоровье не очень...

— Но, это не честно.

Когда Ивана Даниловича не стало, я еще раз прочитал его записки. Заголовок для повести взял из песни о русской бане народного артиста России, экс-губернатора Алтая Михаила Евдокимова.

Часть первая

ТИХАЯ ОБИТЕЛЬ

Глава первая

ВХОЖДЕНИЕ В БАНЮ

*Ах, баня, баня, баня,
Ты — добрая маманя...
(из песни).*

В заштатно-скромном, двухэтажном особнячке, зажатом, с одной стороны трамвайными, а с другой — железнодорожными путями, под сенью берез и каштанов, по соседству с помещениями сборного пункта областного военкомата, размещались моечные и прочие залы городской бани № 5 — одного из филиалов предприятия «Банное прачечное хозяйство». Сокращенно — БПХ. Банька стояла на отшибе от шумных улиц и перекрестков, оттого называли ее уважительно — ласково: Тихая обитель.

Впрочем, если верить пословице, то и «в тихом озере, сами знаете, что водятся». Не все было спокойно и в этой светло—лучезарной баньке. Порою, кипели страсти, перехлестывал пар, и чадили перегревшиеся трубы. В этом я убедился, когда оказался в тяжелом финансовом положении и решил сменить работу. В школе получал не более семисот рублей. А тут...

— Иди к нам, — сказал Алексей Иванович Тихонов, работник бани.

— Сколько буду получать? — спросил.

И услышав, что не менее полутора тысяч, согласился мигом.

Птицей удачи, а вернее моим протеже неожиданно стала моя былая соседка по квартире, кассир бани Соколова Анжела Викторовна. Передаю наш диалог, состоявшийся 21 февраля 2002 года, когда я ненароком заглянул в баньку, дабы погреться, да побаловаться «березовым — духмяным» веничком.

- Как муж? — вежливо интересуюсь я.
- Володя-то! Здоров — шоферит.
- Сынишке твоему, Вадиму, сколько стукнуло?
- Во второй класс ходит. 4 и 5-ки из школы приносит.
- Молодец! — серьезно похвалил я мальчишку.

Вскоре был на приеме у заведующей. Сорокалетняя, облаченная в полуспортивный костюм блондинка, охотно согласилась принять меня на работу, и неожиданно спросила:

— Говорят, стихи пишете?

Я понял, что обо мне у заведующей уже был разговор с моей соседкой.

— Стихи — вздор! Ими сыт не будешь. Как любит повторять мой приятель, поэт Николай Круглов: «Меня поэзия не кормит, она лишь поит иногда». Я же не пью, мне деньги нужны — внукам помочь надо!

Больше вопросов не было. Заведующая взглядом указала место за столом, где лежал чистый бумажный лист, подала авторучку и строго распорядилась: «Пишите!». И начала диктовать:

« Генеральному директору МУП БПХ Ковалеву Игорю Федоровичу — прошу принять рабочим бани № 5 с 22 февраля 2002 года».

Написал я заявление и подпись, как положено, поставил в самом низу: «Ракитин».

Взяла моя новая начальница заявление и с подчеркнутой важностью, сказала: «Не мешкая, отправляйтесь в отдел кадров. Это на третьем этаже. Завтра же, в семь утра, на работу».

В отделе кадров все обошлось без излишних формальностей. Лазарева Светлана Борисовна, симпатичная дама бальзаковского возраста, быстро оформила необходимые мне документы и предложила зайти к Генеральному директору Ковалеву — за визой.

Шефом предприятия оказался плотный и, на первый взгляд, добродушный мужчина, лет пятидесяти. Вежливо ответив на приветствие, он осведомился:

— В какую баню?

— В пятую, — ответил я.

— Вот и хорошо, — кивнул он крупной головой, и ручка в его твердой руке медленно поползла по углу приказа.

Чудо из чудес! На обдумывание и принятие решения, на контакты с тремя начальниками, на переходы и переезды, то — есть, на весь процесс трудоустройства у меня ушло три часа. Это рекордно — малый срок!

Произошел именно тот случай, когда я оказался в положенное время в нужном месте. Однако, как заметил мудрый Сенека: «Не считай счастливым того, кто зависит от счастья».

При вхождении в баню первым сильным впечатлением был человек, которого называли Нарциссом.

Нарцисс — в древнегреческой мифологии — юноша — красавец, который увидел свое отражение в воде, влюбился в себя и так зачах, что превратился в цветок того же названия. Именно таким самовлюбленным красавцем оказался на моем пути 38-летний рыжеволосый электрик, майор запаса Бурков Игорь Сергеевич. Высокий, стройный, по-военному подтянутый, с неизменной хитринкой в глазах: то задумчиво-серьезный, то с обаятельной улыбкой на устах он в течение долгой 16-часовой рабочей смены фланировал по коридорам и залам. Чаще всего, без дела, но с напускной озабоченностью и занимался лишь тем, что «возбуждал, улыбки дам».

После увольнения «за пьянку» банщика Андрея Голубцова, он в течение полутора месяца, по совместительству, исполнял его, на первый взгляд, несложные обязанности. Заведующая баней Уланова и бригадир Алисова определили Буркова в мои наставники на период прохождения двух — месячного испытательного срока. Учитывая, что он по возрасту годился мне в сыновья, я называл его, наряду со всеми просто по имени.

Обладал он и педагогическими способностями. Да и как им не быть? Ведь после окончания специального отделения Тамбовского высшего военно-авиационного училища, будучи молодым офицером, он вдосталь покомандовал воинскими подразделениями, то в палисадах Вологды, то на Кубе. Смекалка и находчивость,

помогли ему, быстро вырасти в чинах. В неполные двадцать восемь, он был уже майор.

Родился он и вырос в Малоархангельске. Юная его супруга была на десять лет моложе. Узнав, что я увлекаюсь рыбалкой и летней порою посещаю его родные водоемы, Игорь обещал устроить мой мотоцикл в гараже своей мамы Бурковой Галины Алексеевны. Но вышла незадача: 63-летняя пенсионерка наотрез отказалась, сославшись на активность воров и слабые запоры. Да и сам он перестраховался. Пообещал помощь лишь ради красного словца. Бывает с ним такое. Уверял, к примеру, сделать ключ по представленному образцу, но слова не сдержал. Наладить свет в кладовке, что входило в его должностные обязанности, и то не захотел. Отмахнулся: «Там розетку надо менять, а зачем мне это?».

— Вам надо найти общий язык с клиентами, — менторски советовал мне, — они, как правило, жители частного сектора Привокзалки и Выгонки. Контингент постоянный. С микрорайона навещают цыгане — молдавские и азиатские. Подружись с их баронами.

Для цыган закон не писан. «Шумною толпою» вваливаются в баню, по-хозяйски устраиваются за служебным столом банщика и закатывают «пир», загородив собой проходы. Русские, с завистью взирают на их пышные пиршества, урезонить боятся, а гнев выражают уже по выходу из дверей. И срывают зло чаще всего на работника бани.

Что делать? И придумал я, перед цыганским нашествием, едва они загалдят в коридоре, стал заваливать стол всевозможным бархлом: шапками, куртками, простынями. Они зайдут, глянут на гору хлама, выругаются по-своему и меняют дислокацию — усаживаются на дальних скамьях — вешалках.

Пережив стоически одно из «нашествий» во главе с сыном барона — Славой, я своего, наконец, добился. Бригадир Алисова поддержала меня.

Доходчиво и наглядно я объяснил господам-цыганам, что своим грубым поведением они невольно разжигают национальную рознь, И, что это может привести к непредсказуемым конфликтам.

Молодой, но авторитетный цыган по имени Герман первым понял меня, осознав, что это не просто прихоть уязвленного банщика, а объективная истина. Вслед за ним мою аргументацию по достоинству оценили и другие представители «свободного народа». Лед тронулся... Упреки типа: «ты не умеешь жить!», «не видишь своей выгоды!» прекратились уже после того, как они наглядно убедились, что сам я — человек трезвый и обходительный. «Цыганская проблема» была снята. Поручкой тому поведение самого барона, который по приходу в баню, вежливо здоровается, усаживается в укромное место и старается, как можно реже отвлекать докучливыми просьбами.

Эта первая реальная победа сделала меня известным и даже популярным в «банном коллективе».

Мой же наставник был явно обескуражен таким поворотом дел. Он не верил в удачу и при удобном случае попытался все испортить. Как-то раз, я уехал за зарплатой. Игорь подменял меня. И что же? Он вновь посадил цыган за служебный стол, а сам, дождавшись моего прихода, стал наблюдать за моей реакцией: выгоню или не выгоню? Я видел, как он загадочно улыбался, перешептываясь с дежурившими женщинами, и решил не давать ему повода для торжества.

Зайдя в раздевалку, я вежливо сказал: «Сегодня можете сидеть, но мусора, чтобы не было!».

— Спасибо, Иван Данилович! Все уберем! — на этом инцидент был исчерпан. В другой раз цыгане уже на особое положение не претендовали.

Майор не преминул отчитать меня:

— Ты, Данилович, взимаешь, за веник, с клиента, три рубля, — сказал он, — тем самым ломаешь установленный мною порядок. Моя установка: брать — по пятерке, а то и десять рублей, если веник свежий. Тебе известно, что в нашем киоске, веники — безлистные и хилые, а продаются по 14 рублей? Поставляют же их доверенные лица того же Ковалева — им лишь бы, где и что урвать.

В данном случае я принял точку зрения моего наставника, установив твердую цену — пять рублей. Но и тут внес свою поправку:

брат по десятке за ранее использованный материал отказался.

Замечу, учитывая мой бывший статус учителя и возраст, дабы прослыть человеком культурным, Бурков называл меня по имени-отчеству и на «Вы». Но, когда он бывал, не доволен мною, то переходил на «ты». Меня это нисколько не расстраивало, ибо я не страдал, подобно ему, манией величия.

— Данилович! — слышу менторский голос своего наставника, — ты зря принес из дому свои электрические лампочки. Понимаю, что тебе нужен свет в туалете и кладовой! Этого делать не надо! Уланова у нас — консервативная заведующая, а это ее, а не твой долг заботиться о лампочках и прочем... Кстати, я разделяю твои предложения по усовершенствованию сливных труб в моченом отделении. Я сам об этом думал, но решил и тебе советую, не лезь наперед батьки в пекло со своими инициативами. Они в нашей конторе, знаю по опыту, наказуемы...

В данном случае с опытом наставника приходилось считать-ся. Дела в бане шли, действительно через пень колоду.

К примеру, вся вентиляционная и водопроводная системы пришли в ветхость. Специально существующая бригада ремонтников в 5-й не показывалась, а выборочными ремонтами агрегатов занимались слесаря — эксплуатационники. Вот и на этот раз: вышел из строя мотор вентилятора. Докладываю Буркову:

— Вы электрик — вам и карты в руки!

Игорь Сергеевич, оглядев объект, от ремонта отказался:

— Тут дел на всю смену, а навару никакого.

Внимательно заглянув в мои глаза, строго наказал:

— Данилович! Ты пока помалкивай! День как-нибудь без вентилятора отведем. Завтра уже на смену придут другие электрики, они и справят. Им, не впервой. Обоих моих коллег Володыми зовут. Различают их по кличкам: «Толстый» — этому хохлу под пятьдесят и «Тонкий» — ему 31. Его еще компьютерным гением величают. Не зазря же надеюсь! Для них вентилятор — сущие семечки, а не так, как для меня — ребус со многими неизвестными. Пусть реализуют свои таланты....

Хотя я и помалкивал, но такой подход к делу майора-наставника меня явно не устраивал. Раздражила меня его барствен-

ность. Купаясь в рабочую смену, он подолгу возлежал на диване предбанника, откровенно любуясь своими членами. Явно он видел в себе Аполлона Бельведерского. Похотливо потянувшись, он обращался ко мне с шутливой просьбой:

— Данилович! Позови ко мне кого ни — будь из девчат: Лену или Лиду — кто свободен. Пусть заходят. Скажите им по — Шукшину, что майор к «разврату готов».

Ну, чем не Егор Прокудин!? Разве, что «листы не жгут ляжки»! Бурков вечно в долгах, хотя перед женщинами не прочь, когда в том есть для него резон, расстелить скатерть — самобранку... Понимает, что его «сто грамм» обернутся в будущем поллитровкой — доброта дам, не знает пределов. В большой чести у них майор — Нарцисс.

Однажды в коридоре на меня «гурьбой» набросились женщины смены во главе с бригадиром Алисовой:

— Иван Данилович! Вы, почему протоки от листвы не очищаете? В моечной вас не увидишь, а там Игорь говорит, — море разливанное...

— Отчего же он мне сам о том не сказал? — удивился я.

— Потому и не сказал, что хочет вас на горьком опыте научить. Идите и чистите каналы! Не то от клиентов жалобы пойдут...

Работу я выполнил, но горечь обиды осталась. Мужчины 5-й, тоже Буркова не любили. За безделье. За незаслуженные упреки. За самолюбование, высокомерно-менторский тон. Называли «бабьим угодником». Когда же Бурков уволился, то все его сразу же забыли. Бригадир Алисова, на этот счет, заметила:

— А, что вспоминать? Был да сплыл!

Глава вторая
БРАТЬЯ-ГОЛУБИ

*Тихоновы — голуби,
Тихоновы — коришуньи!
Не утонут в проруби
Эти братья гожие —
Выплывут, поднимутся,
На тебя накинутся!*

Со старшим из братьев Тихоновых — Алексеем Ивановичем, страстным охотником и звероловом, я уже познакомил читателей. Именно он посоветовал мне занять вакантное место банщика. Его саркастическое: «Приходи — возьмут!» стало реальностью.

Младшему — Виктору Ивановичу, родившемуся в грозовом 44-ом, оставалось до пенсии еще пару лет. Ясно, что ему, в отличие от нас, было гораздо сложнее лавировать в коридорах власти. Свое положение он комментировал набившей оскомину фразой: «Начальство чтить надо: любишь — не любишь, а почаще взглядывай». Природа одарила моего сменщика известными качествами героя Мольера, он, подобно Тартюфу слыл лицемером, и пронырой. Виктор сумел войти в доверие к Улановой. Стал даже доверенным лицом у всесильной бригадирши «Арсения».

— Я не признаю: ни кассиров, ни вахтеров, ни буфетчиц и прочих лиц, — гордо бросал он.

Внимаю откровениям Виктора, следя за его ужимками и прыжками, а говорить спокойно и размеренно, по-мужски, он, как и его старший брат был явно не способен.

— Бутылками не пренебрегай, давал мне советы, — их по 60-80 за смену набирается, а это не мелочь. Почитай — 50 рубликов в кармане! К тому же, как Голубцов, ты не пьешь.

«Не Голубцов, а человек-легенда, — размышлял я, — и как всегда прав Лев Толстой утверждавший, что «никакая истина не представляется одинаково двум людям». В этом я смог убедиться, когда ко мне неожиданно заглянул сам герой. Молодой (Андрею 32 от роду), симпатичный, черноусый мужчина, по-хозяйски,

уселся на свободный диван и начал деловито и непринужденно излагать — «про и контра»:

— Я окончил орловское медицинское училище и курсы массажистов. Вот посмотрите Диплом, все больше хорошие оценки, — а что я зарабатывал? Тошную тышконку рублей, да несколько сот «левых» — одно разочарование. Теперь другое дело — перехожу в инкассаторы. Оклад — три с полтиной!

После того, как гость покинул наше гостеприимное заведение, я поделился его «железными» доводами с товарищами по смене. И раскаялся. По обыкновению, выдержанная и обходительная (не зря институт культуры окончила!) бригадир Алисова вскочила со стула и возмущенно взмахнула руками.

— Эка, паршивец, как все разложил! — на симпатичном белом лице Лидии Сергеевны выступили розовые пятна гнева, — да врет он все! Тень на плетень наводит! Кто его, пьянь такую, в инкассаторы примет? Один Бог знает, сколько мы год от него натерпелись?! Не уж-то, в инкассации, не поинтересуются: какой фрукт к ним в корзину просится?!

— Фрукт, да еще какой! — в тон задушевной подруге — начальнице, воскликнула молодая кассир Проклова Елена Васильевна, выпускница технического Университета и добавила с горечью, — не Андрюша, а стихийное бедствие! Какие, безобразия творил?! Ужас! То клиентов — безбилетников, минуя кассу, в отделение пропускал. То их, из моечной и парилки, раньше срока выгонял, а то, прямо, на рабочем месте — спал. Всю оставшуюся ночь, как лунатик, бродил. Дежурные в страхе от него по углам прятались.

— Все это было бы смешно, — вступает в беседу пожилого возраста банщица Лукьянова Анна Семеновна, — когда бы не было так грустно. Из-за этого «Голубя» нашу бригаду едва не разогнали, а мне меньше года до пенсии осталось. Вот и думай: где зарабатывать, если не то, что старым, а и молодым вакансий нет?!

— О, хо-хо! — тяжело вздохнула бригадир и откровенно призналась, — если бы вы только знали, как мы всем коллективом мечтали о трезвом банщике?! Наконец, пришли вы! От сердца отлегло. Куда важнее, все вопросы по-умному, да по-трезвому решать.

— Уж, не скажите, — засмеялся я, — у меня по причине трезвости да честности, одни неприятности в жизни. Ведь, как рассуждают на Руси: «Не пьешь, значит, не друг!». Отсюда — никакой карьеры.

— Но вы же учителем были.

— Учитель — звание не чиновное.

— Понимаю.

— Кстати, Лидия Сергеевна, — продолжаю я, — вы Домом культуры, после окончания института заведовали. Теперь нам ничего не остается, как вместе вести в 5-ой культурно-просветительную работу.

— Согласна я, Иван Данилович! С вами можно и культурой и воспитанием заниматься.

— На каком инструменте вы играете?

— На аккордеоне.

— Прекрасно! Мы же всей артелью петть под вашу музыку станем.

— Вот, удивили?! — расплылась в румянце миловидная инженер-кассир, — мы и сейчас, когда соберемся по праздникам, то так поем, что соловьи завидуют.

— Однако соловья баснями не кормят, — пошутил я, и, указывая на высунувшуюся из-за двери голову завсегдатая бани Н, добавил, — меня клиенты заждались, а клиент, по формуле Улановой, всегда прав.

Из всех банщиков, один Тихонов — старший умел преподавать урок кому угодно. То устроит разгон за поломанный бочонок, то отчитает за не вовремя выключенный кран, а то пристыдит за небранный мусор.

— Пора усвоить, — сердился он, — чисто не там, где убирают, а там, где не сорят!

И его слушались. С ним считались. Тому порукой — и возраст и жизненный опыт. Главное — напористость и категоричность доводов. Все хорошо, да водились за Алексеем Ивановичем те же самые грешки, что и за «Голубем». Он также любил заложить за воротник. Даже уверял: «Кто не пьет, тот не банщик!».

После месяца нашей совместной работы, он был уволен по тем же самым причинам, что и Андрей. В «Журнале дежурств», оставлял мне запись: «Данилович! Все пластмассовые бутылки выноси в контейнер, то же самое делай и с негодными вениками... Алексей Тихонов».

Все бы ничего, да свалилась на наши плечи новая беда. Вздумалось начальству произвести сокращение штатов уборщиц, закрутить гайки — интенсифицировать труд банщиков, то есть их силами производить после сменную уборку. И ее нужно было выполнять после 16-часового мытарства в парно-горячем цехе. Разумеется, без дополнительных оплат. Это «изобретение» принадлежало бывшей заведующей второй баней, теперь инспектора-контролера Деминой Александре Никитичной. Если от этой дородной пенсионерки, именуемой гром-бабой, ранее плакали лишь в одном филиале, то отныне дошло и до нас.

Как-то вечером, когда я усердно занимался постылой уборкой предбанника, ко мне заглянула ночной сторож Валентина Тихонова — жена Виктора. Вдоволь налюбовавшись моими манипуляциями со шваброй, она сказала:

— Не знаю, Иван Данилович, как вы (о моем статусе учителя ей не было ведомо), а мой Виктор — человек образованный. Он техникум окончил! И мастером и начальником производства на заводе железобетонных конструкций работал. Без хлеба не останется. Голова крепкая и руки золотые. Все может делать. Ишь, какое издевательство над мужиками придумали!?

Не менее категорично высказалась на этот счет и моя прекрасная половина. Сдвинув густые брови, она изрекла:

— Права жена твоего сменщика. Бросай ты, эту баню! Не последний кусок доедаем! Адский труд и за — несчастные гроши. Уходи!

Уходить не пришлось. Начальство вовремя одумалось и освободило нас от постыдно-изнурительного труда. Главная в том заслуга принадлежала бригадирам — Алисовой и Шаховой. Им не хотелось терять дельных банщиков. Ночную уборкой стали заниматься профессионалы своего дела: Лидия Сазонова и Татьяна Куличенкова.

Глава третья
ПЛАКАТ НА СТЕНЕ

*Ах, русская ты баня,
Да разгони печаль!*

Две недели на дверях «Тихой обители» красовался плакат, приглашающий на «Фестиваль музыки и слова». Мои коллеги, не без тайного умысла, стали уговаривать меня посетить данное мероприятие и дать свою оценку. При этом с нескрываемой улыбкой, недвусмысленно намекнули, что среди хористов и оркестрантов я увижу наших доморощенных «евангелистов» во главе с госпожой Улановой, ее мужем, работником горсовета. И, конечно же, по их словам, там непременно будут их духовные наставники — пасторы, возведенной в короткие сроки «Церкви Вифания», Павел и Николай. Эти святые отцы с легкой руки заведующей, стали завсегдатаями бани, дабы в чистоте поддерживать не только дух, но и тело.

Я пообещал своим товарищам исполнить их просьбу и слово сдержал. Но, прежде чем я стану делиться своими впечатлениями о состоявшемся 22 мая 2002 года во Дворце культуры железнодорожников торжестве, позволю себе обратиться к документам.

Передо мною пятый номер газеты Союза церквей евангельских христиан «Утренняя звезда». Читаю статью под заголовком «Огни возрождения в Орле»: «15 мая в «Шереметьево-2» приземлился авиалайнер. На борту его находилась группа американских миссионеров. В аэропорту их встретили Президент СЦЕХ епископ Иванов, координатор Миссии «Огни возрождения» в России Некрасов и пастор девяти церквей в Москве, генерал Борисов. Без замедления вся группа миссионеров из девяти человек во главе с Ивановым и Некрасовым на автобусе отправилась в Орел. В первый же день американские братья и сестры посетили женскую и юношескую колонии. С 16 по 20 мая по вечерам в «Церкви Вифания» проводились богослужения для престарелых и детей. Праздником стало закрытие воскресной школы: каждому мальчику и девочке, которые сдали экзамены, были вручены Почетные гра-

моты и ценные подарки. Миссионерка Линдсей Белридж прославила Господа пением».

Активисты «евангелистов», вербовали в свои ряды орловцев, как правило, одиноких и состоятельных. Не раз я видел их с печатными репродукциями в руках и у дверей своей квартиры. В качестве приманки использовались подарки, на уровне: старой одежды, списанных компьютеров и подержанных автомобилей. Явный прогресс. Ведь первые миссионеры обходились раздачей дикарям бус, малых зеркал, ножей и сабель.

Вот другой документ — статья «Фестивальная лапша». Она опубликована в 27-м номере «Орловского меридиана» от 3 июля 2002 года. Ее автор Ольга Лактюшина писала: «Всех подкупило, что вход свободный. Кстати, такого сервиса я не видела нигде. Люди в униформе раздавали какие-то газеты, листовки, чуть ли не за ручку заводили в зал и усаживали. А тем, кому не хватило места в зале, пришлось все происходящее на сцене наблюдать на экране в холле.

А потом началась глобальная «чистка мозгов». Нам стали читать проповеди и петь церковные песни. Конечно, проповедник подкупил тем, что упомянул панк — рок-группу «Тараканы». Ведь молодежи в зале было достаточно, даже фанаты «Киша» присутствовали. К чему-то всех призывали, что-то «чудесное» рассказывали. Короче «вешали лапшу». А наши люди так легко на это попались. Когда мне надоело, и я попыталась уйти, люди в униформе вежливо попытались меня отговорить. Вот так, дамы и господа, нас втягивают в различные секты. Причем, происходит это добровольно. Только чуть-чуть по — убеждают, расскажут, что все будет хорошо, и готово. А кажется все так безобидно и мило — «Фестиваль музыки и слова».

Мне ничего не остается, как только подтвердить рассказ молодой журналистки, целиком совпадающим с моим мнением. Теперь ряд отрывков на ту же тему из книги польского литератора Максимилиана Березовского «Бог любит Америку». В разделе «Поединок с сатаной», он, в частности сообщает: «Есть только семья Бога и семья Сатаны», — говорил Билл Грехэм, самый зна-

менитый проповедник Америки XX столетия. Миллионы американцев собирались на стадионах и устраивались у телевизоров, чтобы услышать его. Билл Грехэм собирал «Фестивали религиозного возрождения», призывая к покаянию и возвращению на путь истинной веры. Фестивали, в отличие от православных служб, не принадлежали к числу занудных и косноязычных. В них принимали участие финалисты конкурсов песни и красоты, спортсмены.

Замечу, что в Орле, на вышеупомянутом «фестивале», длившимся три дня, так же приняли участие профессиональные группы. Инструментальная — «Патмос» под руководством Попова. Музыкальные — «Ковчег» Берестового и «Благовестие» Бережного. А так же сводный хор из ста человек, возглавляемый Соловьевой. Были представлены мастера вокала: Валерий Щербина, Татьяна Шилова и Евгений Грядухин. Превосходным актером рекомендовал себя — ведущий концерта — Юдицкий. Главную же роль пастора — проповедника с талантом, не уступающим по силе грехэмовскому, взял на себя доктор богословия Виктор ГАММА. Он пообещал собравшимся, что в следующий визит он привезет из США палатку на 10 тысяч мест с тем, чтобы через ее просторный зал можно было пропустить и приобщить к Богу не менее 595 тысяч орловцев. И это, вопреки тому, что всех жителей Орла на сегодня насчитывается всего 320 тысяч. Выходит, в его планы входили и жители области. Напрасно иронизирует поэт Иосиф Бродский, вопрошая: «Почему нет завода, где бы делалась Свобода?». Таким заводом, по «промывке мозгов», в эпоху демократии, могла бы стать гаммовская палатка.

Призывая к покаянию и возвращению на путь истинной веры, Грехэм требовал от помощников записывать фамилии, адреса и номера телефонов, приобщившихся к вере. (Заметим, что подобные списки имелись и у госпожи Улановой). Он заваливал потенциальных клиентов предложениями о присылке книг и брошюр. 450 штатных работников корпорации Грехэма готовили радиопередачи для 900 радиостанций. Разбирали по 200 тысяч писем в месяц, к каждому из которых прилагалось несколько долларов. Ничего не достается задаром. Сделай что-нибудь для бога, и бог

что-нибудь сделает для тебя. Участвуют в этой сделке и торгуются обе стороны. Пастор — это коммивояжер Христа. Его обязанность — продавать быстрее, больше, дороже. Товарный характер нравственных начал и верований смягчает гражданскую религиозность. Хотя по Конституции США церковь, как и в России, отделена от государства. Но президенты, министры, мэры и послы в духе принципов «гражданской религии» при вступлении в должность приносят присягу на Библии. Астронавты, отправляясь в полет вокруг Луны на борту корабля «Аполлон-8», читали перед стартом строчки из Библии: «Вначале сотворил Бог — Небо и Землю».

На орловском фестивале помощники Виктора Гаммы бесплатно раздавали не только листовки и брошюры, но и часть Библии — Новый Завет и Псалтирь. По его мнению, в эру скептицизма, отрицания и атеизма даже не читаемая Библия играет роль амулета, оберегая грешную совесть на манер своего рода страхового полиса.

Конкурентом Грехэма является в США Рекс Хамбард. Каждое воскресение 550 телевизионных станций передают его проповеди, которые надлежало слушать, стоя на коленях. «Хватит теологии, — говорил он, — нам нужно больше коленологии». Разодетые в красивые одежды, он и члены его семьи выступали в хоре с вокальными и музыкальными номерами. «Ты можешь петь с нами, даже если и не веруешь в бога», — приглашал проповедник.

Сподвижник Грехэма и Хамбарда доктор богословия Виктор Гамма пригласил орловцев к совместному пению «Песни возрождения». Вместе с хором и стар и млад, держа перед собою, заранее розданный текст, выводили:

1. Путь к спасению новый, живой словом Христа открыт перед тобой: Сам Он тебе дарует покой. Сам говорит: «Приди!».

П р и п е в: радость, радость будет в небесах, где мы в райских встретимся вратах. Нас там Спаситель скроет в лучах вечной своей любви.

2. Будьте, как дети. Он говорит: «Голос Христа нам радость дарит. Слышащий всякий пусть повторит тот зов: «Приходи!».

3. Знай, что тебя зовет он теперь. Брось все сомнения, искренне верь. Войди в его отверстую дверь. Сам он зовет: «Приходи!».

Я, как не старался, но так и не увидел на сцене, среди помпезно разодетых хористов никого из своих сотрудников.

Пафос был такой, что ты сам растворяешься в общей массе, как, по выражению «гения эпитетов», ныне покойного поэта Виктора Дронникова, орловский экс-губернатор Егор Строев, в годы своего 20-летнего правления, растворялся в красотах среднерусской природы. Утрачивалось личностное восприятие, ты становился частью толпы. На миру же и смерть — красна. Потому не следует удивляться, когда под неустанными призывами Виктора Гаммы: «Идите ко мне, идите к Богу!», десятки людей бросились к сцене, низко опустив голову — овцы опрометью бежали к своему пастуху — пастырю.

Простота в общении с Богом у Гаммы граничит с вульгарностью Рекса Хамбарда, который не раз говорил под аплодисменты толпы: «Бог заслуживает крепкого рукопожатия» или шутил во время сбора пожертвований: «Если вам нечего дать — залезьте в карман соседа».

Залезал скорее Хамбард. Его светские и религиозные предприятия ворочали миллионами долларов. В распоряжении фонда при «Соборе завтрашнего дня» находились: фабрика корсетов и завод электронных приборов, недвижимость, рекламные агентства и телевизионная станция — совсем недурно для проповедника без всякого образования, который начинал босоногим мальчишкой в Арканзасе, в сердце библейского пояса.

В этой связи, среди сотрудников «Тихой обители» бытует мнение, что увлеченные религией, группа работников во главе с Улановой и самим Генеральным Ковалевым с его секретаршей, черпают свое вдохновение не только на основе вере во Христа, но и подогревают ее американскими долларами. Но, удивительно, не только на сцене, в зале, но и фойе я так и не увидел пастырей церкви «Вифания» и их банных чад.

Плакат, видимо, не достиг своей цели.

Глава четвертая

БАБИЙ БУНТ

*Лишь отдал Ковалев команду:
— «Замок на 5-ую!», как тут,
Ему в ответ: «Шалишь? Не надо!» —
Разверзся мигом «бабий бунт».*

Русская литература дает не мало примеров «бабьих бунтов». Они описаны в «Письмах из деревни» профессора Энгельгардта, когда деревенские представительницы слабого пола, дружно выступили против помещичьих приказчиков, пытавшихся, за долги, изъять их андараки — сундуки с приданым невесте. Ярко продемонстрирована женская агрессия в «Поднятой целине» Михаила Шолохова, когда от разъяренных казачек здорово досталось колхозному председателю, некогда бравому матросу, Семену Давыдову. То, о чем я попытаюсь рассказать, хотя в некотором роде и напоминают события давних лет, но не имеют столь широкого общественного резонанса, ибо в нашу демократическую эпоху, всякие демонстрации и протесты стали явлением обыденным.

Так оно и случилось, когда в конце апреля Генеральный директор МУП БПХ Ковалев, в целях экономии средств, решил закрыть 5-ую, под предлогом надуманного «профилактического ремонта», с 15 мая 2002 года. В соответствии с его приказом на двери «Тихой обители» красовалось объявление, уведомляющее потенциальных клиентов, что их с нетерпением ждут в других банях города.

С такой постановкой вопроса женский коллектив 5-ой в корне не согласился. И — пошла, писать губерния! Бригадир Шахова организовала ходоков к заму мэра Карцеву, что доводился ей дальним родственником, с требованием — не допустить произвола. По ее же словам господин Карцев только развел руками: «Баня — муниципальная! И мы в горсовете вопрос о ее закрытии не поднимали — это местная самодеятельность».

Любопытно, что среди защитников «статуса кво» были интересные люди. К примеру, заместитель начальника станции Орел

Михаил Николаевич Савин, который долгое время тщетно пытался устроить своего сына-инвалида Сергея на место третьего банщика, взамен уволенного Тихонова — старшего. Страстный любитель русской бани, полковник УВД запаса Дмитрий Иванович (фамилия по оперативным соображениям не приводится) не преминул не только написать свое резюме, а и само лично, позвонил в редакцию областной газеты. Как он выразился, дабы поставить «на уши» знакомого репортера «Орловской правды».

— «Где лучше всего помоешься, чем в нашей — железнодорожной баньке с мягкой артезианской водицей?» — вопрошал житель «Выгонки» Алексей Стругацкий. Заметим, что ранее 5-я, целиком была на балансе железной дороги. Причем, она имеет автономное, не зависимое от городских магистралей, водоснабжение. Алексей сам же и отвечал: — Нигде! Так, как лучше гор могут быть только горы. Бани, что на Курской, Октябрьской и Зеленом Рву — не идут ни в какие сравнения по качеству пара и культуре обслуживания».

Житель с улицы поэта Дмитрия Блинского Геннадий Михайлович Музаев отправил в адрес мэра города целое послание, где были такие патетические строки: «Я тридцать лет моюсь в 5-ой и считаю ее своею доброй целительницей, бальзамом для души и тела. Здоровый же человек — богатство России».

Авторитетный в чиновных кругах, предприниматель Николай Алексеевич Субботин, такой же, как и Музаев, горячий патриот русской бани дал обещание: всеми мерами и средствами содействовать в отмене, на его взгляд, ошибочного решения.

На прием в высокие кабинеты отправилась группа ветеранов войны и труда. Составил протекцию пятой сам начальник Орловско-Курской железной дороги, депутат областного Совета Фролов.

— С такими-то молодцами, да отступить?! — как некогда фельдмаршал Кутузов воскликнула Уланова, — да ни за что!

Ее супруг, Александр, подвизавшийся, по выражению майора Буркова «на подсчете выборных бюллетеней», к тому времени сколотивший в горсовете группу евангелистов, активно подключился к защите обоюдных интересов.

И, как изрек бы знаменитый Остап Бендер: «Лед тронулся!». Генеральный, не ожидая такого мощного напора, вынужден был дать задний ход. На очередное собрание Игорь Федорович явился уже в полных доспехах. В руках была масса официальных документов, которые должны были убедить собравшихся, что советская власть низложена, забота о здоровье народа передана в его собственные руки, по принципу: спасение утопающих, дело рук самих утопающих, дотации баням резко сокращены, потому все предприятие БПХ, а не только одна 5-я, является нерентабельным. К примеру, дотационные выплаты со стороны мэрии за последние пять лет сократились с 5 миллионов в год, до 900 тысяч.

Ковалев выразил крайнее неудовольствие тем обстоятельством, что кассир Проклова Елена Васильевна взяла на себя неразумную, на его взгляд, ответственность испортить его письменный Приказ, который он дал на ознакомление в 5-ую. Она вместо обычной — формальной подписи, начертала: «С приказом не согласны, так как в нем не указан срок завершения ремонта».

— Этого делать было нельзя, — грустно заметил Генеральный, — если вы не хотите закрытия бани на ремонт, то я против воли коллектива не пойду, и она будет продолжать функционировать. Хотя ваш предбанник и комната банщиков — без окон и дверей, в вечном чаду, система водоснабжения из-за загнивших труб под угрозой. Черных дыр, недоделок много. Но, если сжились с ними, то значит — берете на себя ответственность, за возможные катаклизмы. Удачи вам, работайте!

Последние слова Ковалева потонули в громе оваций. Кто-то уже крикнул: «Ура!». Дамы просто сияли от счастья, несколько не стесняясь присутствия на собрании двух заместителей Генерального и инспектора по кадрам Лазаревой. Героем дня стала отчаянно смелая кассир — инженер Елена Проклова.

Кадровый состав 5-ой прост — три бригады. Две основных, во главе с Шаховой и Алисовой, третьей — резервной, управляла Макарова Ольга Павловна. Два банщика: Виктор Тихонов и я. В слесарях два Николая — Катин и Корнеев, третий, беженец из Киргизии Серафимов Яков Петрович. Электриками числились

два Владимира — «компьютерный гений» Шевелев и сын Украины милой, хохол Карпенко.

При полном штате (недоставало банщика и электрика), мужчин насчитывалось всего 9 человек, тогда как женщин более чем в два раза. Притом, что из их числа были все и руководители бани. Отсюда становится ясно, что основной тон в делах задавала прекрасная половина человечества. Именно ими и была выиграна неравная битва с Генеральным директором. Однако рано было пожинать плоды Победы. Противник отступил, но вновь стал готовиться к стремительному броску. Волей Ковалева для подготовки плацдарма грядущих боев была направлена гроза — деспот двух бань, где ранее подвизалась в заведующих, а теперь инспектор — контролер БПХ Демина Александра Никитична.

Вот, как рисуют портрет своей прежней госпожи, ее бывшие коллеги. Банщик 2-ой Петр Николаевич Савенков:

— Демина — человек без совести! Приняла на работу в качестве соглядатаев двух сестер и сваху. Сами бездельничали, а мы — ни шагу без контроля. Стены, полы, диваны драили не то что ежедневно, а ежечасно. Как в армии прапорщик, носовым платком проверяла чистоту всех узлов и отсеков, тазов и кранов. Усердствовали и ее родственники — настоящая шайка — лейка!

Откровенен был и банщик Мирзоев Николай Петрович:

— Александра по самой природе своей, баба — тиран. По отношению, к слабым лицам, конечно. Развела банду безбилетников из числа нарышкинских зеков — они у нее в почете. Так, что пришлось и с ними и с нею воевать. Были и драки! Нередко милицию вызывали. Ублаготворяла «своих», а уже потом: кому что достается.

Банщик Вадим рассказал:

— Нынешние господа — Ковалев и другие сознательно банкротят бани с тем, чтобы потом можно было их за бесценок прибрать к рукам, но уже на правах собственников. Отсюда у Генерального зарплата в 17 тысяч рублей, в том же размере — премии, у главбуха — 15, не меньше у замов директора. Та же Уланова получает более 7 тысяч, мы же, рядовые, по одной — полторы и те с опозданием. Они нашу получку в банках прокручивают, а про-

центры оставляют себе. Не отстают от них и Демина. Она, все, что можно слизнула в банях, а теперь в ревизоры подвизалась, до пенсии. Но и на старуху бывает проруха. Не поладил с Ковалевым его юрист. Он возьми, да напиши куда след «телегу». Теперь в предприятии разгорелся сыр-бор!

Прогнозы оправдались. В первый же день штурма взбунтовавшейся «Тихой обители», контролер-ревизор Демина, без обиняков, изрекла:

— Будь заведующей, я бы навела у вас порядок! У меня банщики на работе не дремали б, а тряпку из рук не выпускали!

Меня мороз по коже пробирал от подобных речей. «Ну, — думаю, — попал из огня да в полымя. Тут Уланова, после критики ее постулата «клиент всегда прав», проходу не дает: то паутину где найдет, то тазы заставит перемыть, то за курение отругает. Эта же, госпожа ревизор, того хуже. Не зря же ее все окружающие деспотом величают. Ну, да ладно, русский стерпит — он мужик. Бог не выдаст, свинья не съест».

На следующий день, после появления у нас гром — бабы, а именно 23 мая, случилось непредвиденное событие. В мое отсутствие зашли двое клиентов — армянин и китаец. Меня вызвала проверяющая Демина с последними чеками. Являюсь под ее — грозны очи. Подаю билеты. Она взглянула на них, заявив: «Тут время не сходится — двое прошли бесплатно, разберитесь!». Разбор был долгим и утомительным. Кончилось тем, что моим клиентам, по их словам, положившим бумаги мне на стол, ничего не оставалось делать, как вновь покупать билеты.

Присутствующая здесь же Уланова, желая показать себя принципиальной, потребовала от меня письменное объяснение. Я писать его отказался, сославшись на отсутствие пера и бумаги.

В течение нашего диалога с заведующей Улановой, Александра Никитична, как казалось, внимательно прислушивалась и присматривалась ко мне. Не знаю чем, но я вызвал у нее симпатию. Иначе, как понять, что она, неожиданно, приняв мою сторону, мягко заметила:

— Ирина Петровна! Вина Ивана Даниловича, конечно, есть

— надо следить за клиентами. Но, с другой стороны, он одновременно выполняет две обязанности: банщика и рабочего. И категории у него — никакой.

Так, благодаря Деминой, я впервые узнал: банщик и рабочий — это профессии разные. Позже, белокурая красавица — бригадирша Алисова, по секрету, сообщила приятную новость:

— Знаешь, Данилович, у ревизора с заведующей о тебе разговор шел. В ответ на сетования Улановой, что вы отказались настрочить объяснительную записку, Александра ей твердо посоветовала: «Оставьте его в покое, Ирина Петровна!». На этом все и кончилось.

Без малого месяц инспектировала нас госпожа Демина. Написала огромную, на горе Улановой, петицию. В ней ничего не было сказано плохого ни в мой адрес, ни в отношении бригады

27 мая Уланова ушла в очередной отпуск. Исполнять ее обязанности стала не малограмотная Шахова, а серьезная и выдержанная, к тому же с высшим образованием, бригадир Алисова. Этому обстоятельству я был, несомненно, рад, ибо понимал, что при власти порядочной и рассудительной Лидии Сергеевны можно будет работать спокойно и плодотворно. Так оно и было бы, если бы вослед за Улановой не ушли на «летние каникулы» мои коллеги по бригаде: кассир Елена Васильевна Проклова и ответственная за женское отделение Лукьянова Анна Семеновна. С ними у меня всегда складывались теплые отношения. Но их места заполнила малознакомые мне лица. Из всей, неожиданно поредевшей бригады, в товарищах у меня оставался лишь один слесарь — пенсионер Корнеев Николай Иванович. По возрасту — мой ровесник. Низкорослый, крепко сбитый мужчина, с залысиной на макушке, вечно в мажоре — подобострастная улыбка не сходила с лица.

Николай Иванович более десятка лет слесарил на фабрике «Радуга», где ныне продолжала работать бухгалтером его супруга. В ту пору комендантом женского общежития числилась ныне подвизающаяся в 5-ой гардеробщицей сектантка Тамара Васильевна Плахова. Обе ее сменщицы: Зыкина и Некрасова, как и она — евангелисты. Госпожа Уланова, как некогда Демина использовала своих сестер и сваху, обязала их, подруг по вере, выступить

в роли агентов — наблюдателей за делами. Плахова в свое время, окончила строительный институт, где теперь на заочном отделении обучался ее младший сын. Старший же процветал с семьей за океаном, в Сиэтле.

— Америка — это сказочная страна! — восторгалась Тамара Васильевна, в беседе со мною, и добавляет, — я счастлива, что мой сын по-настоящему живет, а не прозябает здесь, в убогой Руси, как мы с вами.

— И конечно подарки шлет? — интересуюсь я.

— Да.

— И в гости приглашает?

— Еще бы! Я же вам фотографии показывала. Вы сами, наверное, убедились: он все уголки Нового Света объехал. На Кенарах отдыхал. Видели же: какие там красоты!

— О, да! — соглашаюсь я и с улыбкою добавляю, — не зря же «Бог любит Америку».

Мне вспомнился рассказ автора одноименной книги польского журналиста Березовского о том, как молодой фермер чудесным образом нашел золотые таблички с «истинными» заповедями веры. Так появилась Книга Мормона — путеводитель Святых Последнего дня — трех с половиной миллионов приверженцев этой секты в США и других странах.

— Если кто-нибудь из нас рассмеется при мысли о взрослых людях, веривших, будто деревенский малый с нью-йоркской фермы разговаривал с ангелом, показавшим ему Слово Божие, выбитое на золотых табличках, — писал американский историк Бернард Уесберджер, — пусть вспомнит, что так называемый цивилизованный мир постоянно показывает символическую приверженность религиям, которые опираются на такие же точно (аллегорические) утверждения. Правда, они на две тысячи лет старше.

Я поведал об этой истории Плаховой и услышал в ответ:

— Вы Бога не троньте. То же — Фома Неверующий! Мы вот церковную десятину платим — это и есть прямое доказательство нашей веры.

— А, вот коллеги утверждают, — говорю я, — что вы получаете из Америки гуманитарную помощь. Даже в виде автомобилей. И распределяете ее среди членов своей секты. Получается: рука руку моет.

— Ну и что? — не удивилась она, — Бог дает тому, кто в него верит.

Во время одного из очередных диалогов с Тamarой Васильев-ной, когда она назидательно заявила мне, что баня — это «золотое дно», я искренне возмущился и резко спросил:

— Почему же вы, в таком случае, пренебрегли «золотом» и не устроили до сих пор банщиком своего сына, а послали в каменщики?

— Он студент — заочник, ему профессию получать надо.

— Лукавите вы, — не соглашаюсь я с ее доводами, — просто банщик, и это вы отлично знаете — дешевая и грязная работа. Ваш сын в пять раз больше, за 8 часов работы получает, чем тот — же я за 16-часовую трудовую вахту. Что до «золота», то это — миф, как и суть существования Христа.

— Ах, какой, вы право, спорщик?!

Макарова, которую мы видели в первый раз, явилась на работу в качестве нашего бригадира. Не поздоровавшись и не представившись, она, как новая метла, стала мести — по-новому. Как всякие неумные руководители, она вооружилась принципом: «Я — начальник, ты — дурак!».

Две смены я терпел ее мелочные придирки. На третью меня уже не хватило. Когда настало время закрытия бани, я приступил к уборке зала. Но, не тут-то было! Макарова продолжала направлять в мужское отделение все новых клиентов. Прошел еще час. Кассир Скокова Надежда Ивановна, однозубая пенсионерка все продолжала прием денег. Официально касса с 20 часов закрыта, потому «приход средств», как она выражалась, фиксировался ею в специальной тетради учета.

Когда же стрелка часов указала на 15 минут десятого вечера, мое терпение лопнуло.

— Зачем вы, Ольга Павловна, — подошел я к бригадиру, стоящего у кассы — направляете гражданина мыться? Время давно вышло! Мне еще уборку сделать надо.

— Это Миша — наш человек! Пусть моется!

— Но, он и деньги не платил?

— Не ваше дело — я здесь начальник!

— Но вы нарушаете все правила?!

— Ничуть, — слышу в ответ, — я выполняю приказ Улановой: принимать деньги до 21 часа. Надеюсь, понятно?

— Нет, — отвечаю, — Ирина Петровна не могла отдать такой приказ. Она с 27 мая в официальном отпуске, а сегодня 5 июня. Теперь исполняет ее обязанности, Алисова, а она, я знаю, такого распоряжения не отдавала.

— Что вы суетесь? Я сама знаю, что мне делать. Идите в свой предбанник!

— Но Уланова не имеет юридического права давать какие-либо указания, если находится в отпуске, — упорствую я.

— У вас не спросилась! — амбиция Макаровой превзошла все мыслимые пределы. И я решился на эксперимент. Его неожиданно поддержали: дежурный слесарь Корнеев и томящиеся в ожидании объекта работы уборщицы: Татьяна Куличенкова и Лидия Сазонова. Они уверяли меня, что неурочные деньги идут не в государственную казну, бригадир жмет, а начальству в карман. Они были, в отличие от меня, старожилами «тихой обители», а главное женщинами и порядки, заведенные в ней Улановой — Макаровой отлично знали.

В следующую смену, уже 9 июня, ровно в 20 часов вечера — время закрытия работы кассы, я стал грудью перед дверью мужского отделения и твердо заявил:

— Вход в моечное отделение, только — по билетам!

Бригадир Макарова, на мгновение, опешив и бросив на меня злой взгляд, приказала не менее растерявшейся кассирше:

— Надежда Ивановна, выпишите ему квитанции!

Сверкая единственным зубом во рту, кассир Скокова едва успевала «гнать строчки». Клиентов только за полчаса набралось 14 человек. Выручка составила 280 рублей. Собрали бы еще не

меньше, работай мы хотя бы до 21-00. Но, чудо! В 20-35 прием рвущихся в баню воскресных посетителей — до десятка лиц, был неожиданно прекращен.

— Касса закрыта! Баня не работает! — резко бросала Макарова.

— Почему? — удивился я, — до девяти вечера есть еще время.

— Я знаю, что делаю! — огрызнулась Ольга Павловна.

На этот раз бригадир, действительно, знала, что надо делать. Она стала понимать, что как не глупы, по обыкновению, банщики — пьяницы, но этот трезвый, «зловредный дед» может навести такую бухгалтерию, что не возрадуешься. Цифры впечатляли. Если бы все желающие были обслужены, то сумма выручки перевалила бы за 500 рублей. Истина же познается в сравнении. Ровно неделю назад, в такой же воскресный день, когда 5-я работала до 21-14, доход составил вдвое больше. Отсюда вытекает, что ей надо отчитываться за 1000 рублей. Но, где они? О том известно лишь троим: кассиру, бригадиру и Улановой.

Осмысливая все это, мне хотелось по — Гоголю воскликнуть: «Русь — тройка! Куда несешься ты?». И печально заключить: «Не дает ответа!».

Русь-тройка вольна отмолчаться, но не я. На очередной планерке 19 июня 2002 года, делая разбор случившемуся конфликту, исполняющая обязанности заведующей баней Алисова Лидия Сергеевна почтительно, но строго заявила:

— Иван Данилович! Все отлично знают в коллективе, как я вас ценю и уважаю, но революция, хорошо запомните это, нам в бане, не нужна!

— Революция, может и не нужна, — в тон ей съязвил слесарь Николай Катин, — но зачем из нас, банщиков и слесарей, глупцов делать?!

— Вы это о чем? — нахмурилась Алисова.

— Все о том же. Оба бака на ночь были заполнены по 15 тонн воды, а осталось вдвое меньше: 7 или 8.

— Куда же она подевалась?

— Спросите о том банщицу ночной смены Коростелеву. Она с клиентами работала. Вопрос лишь в том: где выручка?

И она «Русь — тройка» не дала ответа.

Если сопоставить все факты коррупции, имеющие место в «Тихой обители», то ларчик просто открывался: пресловутый «Бабий бунт» был направлен, как станет понятно теперь, на защиту не народно-государственных интересов, а сугубо, личных. И, кто же, в таком случае, революционер: наши дамы или я — скромный банщик?

По-своему, вероятно, все вместе. В утешенье себе с удовлетворением отмечу, что после июньских инцидентов, бригадир Макарова в корне изменила ко мне отношение: стала внимательна и вежлива. Ольга Павловна превратилась в милейшую даму.

Наблюдая за этим декорационным перевоплощением, молодая уборщица-спортсменка, призер велосипедного спорта Татьяна Куличенкова написала даже стихи, содержание которых меня позабавило:

Данилыч — банщик честных правил,
На совесть дам, чуть приналег,
Как уважать себя заставил,
Чем, всем униженным помог!

Глава пятая
ПИРРОВА ПОБЕДА

*Зря начальство не гневите,
Настроенье — кияток!
Вновь на Тихую обитель
По-над-весили замок.*

Выражение «Пиррова победа» происходит от имени эфирского царя Пирра, одержавшего над римлянами в 279 году до нашей эры победу, стоившую ему чрезмерных жертв. Подобную сомнительную победу, одержал и женский коллектив 5-ой. Мужчины, будучи более рассудительными, полагали, что плетью обуха не перешибешь, а потому активного участия в баталиях не принимали.

Напрасными оказались: споры и митинги, собрания и акты неповиновения, петиции и «хождения по верхам». Алисова Лидия Сергеевна за короткий срок отремонтировала водяные и вентиляционные насосы, приобрела недостающие бачки, скамьи для парных и решетки для душевых, организовала мелкий ремонт фасада здания и внутренних холлов. Расчистила «авгиевы конюшни», выбросив из складов и подсобок огнеопасный и совсем ненужный хлам. Наконец, обладая специальными знаниями, приобретенными за время учебы в институте культуры, она сумела навести должный порядок в служебной документации, чем вызвала восторг у чиновников аппарата управления.

Поистине, не место красит человека, а человек место. Изменился характер общения между сотрудниками. Они стали более доброжелательными. На лицах заиграли светлые улыбки.

Совсем другое настроение владело Генеральным шефом. Ковалев, как и Уланова, ушел в отпуск. Но, до отдыха ли, когда тебя, что ни день, то требуют к ответу. За что и про что мучили в различных инстанциях нашего визави, мы узнали из «Комсомольской правды» от 28 июня 2002 года. Газету за это число принесла на работу одна из шустрых банщиц. В информационно — рекламном приложении «Орел», под интригующей шапкой «Шайка — лейка» была опубликована статья авторов Ольги Тихомировой и Викто-

ра Иванова «Банщики замылили бюджетные деньги». Не менее кричащим оказался и подзаголовок «Убытки бане — прачечного хозяйства Орла выросли в 30 с лишним раз. Во и сам текст:

«В деньгах потери городских бань, прачечных, пунктов приема белья в стирку, банных буфетов (в 5-ой буфет, вообще, был отдан на откуп индивидуальному предпринимателю) и иже с ними составили 5 миллионов 421 тысячу рублей. Суперприбыльное в частных руках дело почему-то оказалось совершенно провальным. Разобраться в причинах этого взялись специалисты Контрольно-счетной палаты Орла.

По ходу проверки открылись удивительные факты. Оказалось, что руководство предприятия весь год неправильно рассчитывало свои траты. То ли по злему умыслу, толи по недомыслию. Например, ввязавшись в череду ремонтов, директор МУП БПХ Ковалев практически по всем видам работ утверждал неоправданно завышенные сметы, щедро оплачивая труд подрядчиков. По документам так же были завышены цены на свет, тепло и воду. И, самое странное обстоятельство: имея собственную экономическую и бухгалтерскую службы, директор оформляет по договору некоего частного консультанта по финансовым вопросам, которому платит за услуги 64 тысячи рублей. Но и своих финансистов (которые, получается, не справляются с работой, раз пришлось звать человека со стороны) не обижает, выдав им за год премий на 56 тысяч рублей. Кстати, премиальные сотрудникам были начислены, представьте, и за снижение убыточности!

По городу пошли слухи о том, что специалистам с высшим образованием в управлении не стало житья. Их, говорят, начали просто выдавливать с работы, назначая на освобождавшиеся руководящие должности людей рабочих профессий».

На следующий день, после громкой читки данной корреспонденции, мой сменщик Тихонов — младший, по-товарищески, спросил меня:

— Ну, что там, в статье пишу о Ковалеве?

— Обычные газетные сплетни, — отвечаю.

— Хороши сплетни! — возмутился Виктор Иванович, передрнув плечом, продолжал, — а как тогда понимать, что за год у

«князя Игоря» целый дворец-коттедж на пустыре вымахал?

— Не знаю, — ответил я, — меня больше другое обстоятельство волнует.

— Какое?

— А то, что газета, как рупор нынешней власти, ратует за передачу коммунальных бань в частные руки, под предлогом их нерентабельности.

— Это так. Буржуазия рвется отхватить лакомый кусок.

— Но ведь еще философ сказал, что государство обязано заниматься устройством терм. Ведь в одном только Риме насчитывалось 150 общественных бань, а у нас сколько?

— Всего — четыре, да те собираются разрушить. Цель понятна — обогатить московских и прочих дельцов. В столице все прибрали, теперь руки тянутся к горлу провинциалов. У нас билеты в сотню раз дешевле, чем устанавливают они. Окончательно жаждут разорить нищих пенсионеров и безработных. Что им простой народ? Не вышли в князи — лежите в грязи.

— Вот-вот. У нас недавно чеченец-мусульманин мылся и знаешь, что сказал?

— Интересно?

— То, что в Коране, написанном основателем ислама Магомедом (570-632), прямо указывается: «Чистота — половина веры». У них предусмотрено два омовения: малое и большое. При малом священнодействии — надо чистой водой обмыть лицо, руки до локтей, ноги и провести смоченной правой рукой по голове. При большом омовении — тщательно мыть все тело, включая волосы.

— Получается: кавказцы чище славян ходят?

— Выходит так.

— Это все из-за таких христородавцев — сектантов, как наш Ковалев.

— Думаю, не в нем дело, а в государственной установке властей. Он, лишь пешка в большой игре.

— Пешки во дворцах не живут, — не согласился Тихонов, — и миллионы к рукам не прибирают.

— Может быть, может быть, — отшутился я, завершая наш разговор.

Одна печаль — не печаль. Коль пришла беда — отворяй ворота.

Ничто не предвещало грозы. День, на редкость, выдался спокойным, тихим. В предбаннике отдыхали всего шестеро клиентов. Причем, трое из них — старшие офицеры УВД во главе с большим любителем «вкусного пара» полковником Дмитрием Ивановичем. Оперативный работник высокого ранга, он никогда не называл свою фамилию. Работал под псевдонимом. Да нам это было и не к чему. Своих забот — полон рот.

Полковник же был большой охотник поиграть веником. Они были на зависть — зеленые и пышные. Сам готовил, десятками. И на зиму и на весну хватало. Причем, его товарищи стоят в очереди, чтобы взять у него напрокат хотя бы один. Да и тот, которым тот уже однажды пользовался. В знак уважения, а возможно и расположения к моей должности, Дмитрий Иванович подарил мне несколько дубовых и березовых опахал. Махнешь ими в парилке, раз-другой, и невольно вспомнишь стихи орловского поэта Виктора Рассохина:

Слышишь — кожа заскрипела
От березовой листвы.
Значит, хворь ушла из тела,
Дурь ушла из головы.

В комнате электриков один из столов был весь заставлен: телевизорами и приемниками разных моделей, электрочайниками и утюгами, всевозможными паяльниками и инструментами. Тут священнодействовал «князь Владимир», как окрестили мы Шевелева за горделивую осанку и спокойный, уравновешенный характер.

О Владимире ходила добрая слава подлинного мастера. И за услуги брал не дорого. Не жила, как некоторые. Рационализаторство, изобретательство, ремонт сложной техники были для него, не просто хобби, а всем смыслом жизни. В парилку ходил редко, а зато предпочитал, как некогда Архимед (287-212 до н.э.) мыться в домашней ванной.

Спустившись по лестнице вниз, а затем, пройдя темный коридор и моечный зал, я заглянул в раздевалку. Сидевший в углу дивана пожилой мужчина, покопался у себя в кармане и настойчиво заявил:

— У меня пропал кошелек с 50 рублями.

— Посмотрите лучше, может, где обронили.

— Нет, — говорит, — я все проверил. Позовите ко мне вашего слесаря. Он тут пиво приносил ребятам. Возле меня терся. Только он мог украсть.

Явившийся на зов, Николай Иванович Корнеев признался, что действительно, ввиду моего отсутствия, он уважил двух клиентов — предпринимателей во главе с завсегдаем бани Николаем Алексеевичем Субботиным и принес им пива. Однако, к чужим кошелькам — не притрагивался.

Растеряха стоял на своем мнении. Более того, он втянул в нудное разбирательство и очаровательную Лидию Сергеевну, представившись ей, как председатель крестьянской партии России. Пригрозил ей, что напишет о случившемся факте в газету.

Спустя неделю, Федор Павлович Раневский, таково было его имя, предложил мне записать номер телефона и в случае находки сообщить в штаб — квартиру партии, что располагалась в одном из городских ЖЭУ.

Подобный случай — пропажа золотых часов, имел место во время дежурства Виктора Тихонова. Но он, в отличие от меня, опытный банщик не растерялся, а твердо заявил клиенту:

— Деньги и ценные вещи вы должны сдавать в кассу. Я за них ответственности не несу.

Этим инцидент и был исчерпан. Но, чужую беду, руками разведу, к своей беде — ума не приложу. Поразмыслив, я решил обратиться за содействием к профессионалу в криминальных делах. Говорю полковнику:

— Дмитрий Иванович! Вы такие ребусы разгадывали — помогите. Ведь вы были свидетелем.

— Ты о чем Данилович? — строго сказал он, — да этот председатель крестьянской партии — ненормальный человек. Сам где-нибудь выронил, а теперь спохватился.

Впечатлительный от природы, я бы еще долго переживал о случившемся недоразумении, если бы не появился новоявленный Цезарь и одним взмахом не перерубил бы все узлы. Таким героем оказался автор Приказа № 97 от 11 июля, предписавший: с 15 июля 2002 года 5-ую баню закрыть, в связи с ремонтными работами.

Вторым пунктом главбух Машина обязывалась выплачивать работникам по 2/3 от оклада. Это, впрочем, как и в мае, вполне устраивало мужчин, но с данным обстоятельством не могли смириться женщины.

Приказ подписал не Генеральный, а исполняющий его обязанности главный инженер Сергей Анатольевич Рязанцев. Сам господин Ковалев, по слухам, находился где-то в бегах, что было явной ложью, ибо мы с женою Валентиной видели его на центральном рынке. Он, по обыкновению, прихрамывая, ходил между рядами торговцев и выбирал нужные ему к столу продукты.

Как бы то ни было, но дело Ковалева жило и побеждало. Вот, как этот факт я обозначил в стихах:

Ковалев гуляет где-то,
Штат хозяйства поредел,
Да и мы — все это лето
Оказались не у дел.

Ждем-надеемся: минует,
Отодвинется гроза.
Кто-то пьет, а кто торгует —
Без работы жить нельзя!

В грусти «Тихая обитель»,
Опустел ее порог.
Сгинул пастор-покровитель
И о нас забыл сам бог!

На этот раз море из берегов не вышло — помирились. Пар, с уходом от власти всесильного Ковалева Игоря Федоровича был спущен. Теперь уже бунтарям не на кого было перстом указать.

Когда же неугомонная перечница Шахова вновь стала подбивать народ к смуте, то во время дня получки за июнь, а это произошло уже 12 августа, ее пригласили в высокий кабинет и с документами в руках убедили, что 5-я нерентабельна.

И ушла она — солнцем палима.

Глава шестая

ПЕРЕПОЛОХ

*Ах, переполох, переполох...
(из песни).*

Наш «отпуск» затянулся. Погруженный в экскурсионные заботы я уже совсем забыл, что все еще являюсь банщиком. С коллегами доводилось встречаться лишь у кассы, куда наведывались по много раз, чтобы, наконец, не получить, а вернее урвать зарплату, которую задержали на два месяца.

Энергичная, взрывная, как порох, уборщица Татьяна Куличенкова, встретив меня на порожках разукрашенного вывесками особняка, с упреком бросила:

— Что же вы на собрании не были?

— Не знал.

— Заходите, там уже график дежурства готов.

Татьяна плотнее сжала никелированную, поблескивающую в лучах утреннего солнца ручку рулевого управления мужского «велика» и стала спускаться по крутым уступам каменной лестницы.

— Про дежурство не забудьте! Не то влетит от Улановой, — пригрозила она.

Быстро вскочила на своего железного коня и мгновенно растворилась среди людей и фыркающих автомобилей.

Работники моечных заведений с нетерпением ожидали благотворных перемен.

Каково же было мое разочарование, когда, явившись к восьми утра 28 августа 2002 года на дежурство, я узнаю от Виктора

Тихонова, что нового директора все нет, а старый уволился вместе со своею секретаршей — любовницей Ириной. Ей он выплачивал по 10 тысяч рублей в месяц.

Заглянули в предбанник. Стены и потолок были побелены, подоконники выкрашены. В моечных отделениях дело застопорилось со штукатуркой — не было цемента. В парильном помещении плотники явно перестарались, задраив сплошной переборкой стояки — калориферы.

— Ну, теперь, — говорю, — как пить дать — трещать переборке!

— Верно, — согласился Тихонов.

Я осмотрелся. Внимание привлек снятый со стены щит, на котором красовались афоризмы: «Баня без пару, что щи без навару!», «Баня — мать вторая: кости распарит, все дела поправит».

И подумалось: «Дай-то Бог, чтобы все было именно так, чтобы все наши «дела» поправились».

Следующее мое дежурство выпало на среду 18 сентября. В этот день была проведена санитарная уборка, ведь за ремонтниками тянулся шлейф мусора. Мыли полы и стены. Мне пришлось выносить, по приказу Алисовой, вновь принявшей бригаду, тяжеленные ведра с грунтом и известью.

— Вот спасибо, Иван Данилович, — благодарила она, — чтобы мы без вас делали. Не женское это занятие с таким грузом возиться, а вы молодец.

Заглянувшая в раздевалку мастер — маляр тоже похвалила:

— Молодец! Хорошо! Я так Ирине Петровне и доложу.

— Не возражаю, — не чувствуя подвоха, отреагировал я.

Когда, после проведенного санитарного марафона, я вернулся из дома, где плотно пообедал, чтобы во всеоружии заступить на дежурство, то был просто ошарашен предложением Улановой — продолжить малярные работы, но уже в другом помещении.

— У вас, говорят, не плохо, получается, — заметила она.

— Но, я пришел на дежурство? — возразил я, — запачкаю краскою не только свою чистую одежду, но и вашу телефонную трубку.

— Ну-ну, — нахмурилась заведующая и ушла.

После ухода Улановой в бане остались: двое плотников, электрик Николай Викторович Катин и две женщины — маляр и штукатур. Между нами завязался разговор о Ковалеве.

— Где он сейчас трудится? — поинтересовался я, — ваша мастерская к управлению ближе — должны знать.

Плотники переглянулись между собой и молча рассмеялись. Катин же объяснил, что экс-Генеральный ныне торгует зерном и отрубями.

— И, кто же теперь у нас за него?

— Гарин Евгений Владимирович.

— Откуда же он? Кто по специальности?

— Где-то транспортом да водопроводом руководил, а родом — Болховский.

— Вот как! Земляк оказывается. Ведь и я на тех же буграх стадо пас.

— Натворил земляк твой дел.

— Благих, надеюсь.

— Зря надеешься. Не успел придти, как сразу же издал приказ о сокращении штатов по всем баням. Теперь в 5-ой вместо 30 сотрудников, остаются девять. Так, что ищи себе другое место. Пенсионеров сокращают в первую очередь.

— Но, мне Ирина Петровна сказала, что я остаюсь с Тихоновым работать до февраля 2003.

— Не знаю, не знаю.

— Каков же Гарин из себя? Не хромает!

— Такой же, как и Ковалев — крепкий, упитанный, пятидесятилетний. С ногами у него, Бог миловал, все в порядке. Последнее время в Лужках — теплосетями командовал. Теперь, вот, на банные пары бросили

Уже после окончания дежурства, под впечатлением беседы с электриком и со строителями у меня родилось стихотворение

Спросил я как-то у рабочих:

— Где бросил якорь старый шеф?

Они в ответ, гримасы скорчив,

Вопрос мой подняли на смех.

Лишь Катин, проскрипев зубами,
Открыто высказался вслух:
— Торгует где-то отрубями,
Сам черт ему и сват, и друг!

Хотя приехал новый барин,
Но тщетно ожидать добра:
Был Ковалев, а ныне — Гарин.
Все будет то же, что вчера.

Политика не изменилась —
У дам опять переполох...
Он к 9-ти явил к нам милость,
А в 20 — выгнал за порог!

20 сентября мне довелось повстречаться с группой женщин «Тихой обители». Под его секиру попали и мужчины — слесари Корнеев и Серафимов, а также молодой электрик Владимир Шевелев.

— Да на Володе вся баня держалась, — недоумевал я.

— Что поделать, — грустно вздохнула моя очаровательная бригадирша Алисова, — режут по живому. Меня и Ольгу Макарову заведующая заставила написать заявление о добровольном сложении с себя бригадирских обязанностей.

— И вы что?

— Написали, куда денешься. Правда, чуть позже, лукавая Уланова шепнула мне, что ты, дескать, в бригадирах останешься.

— Вот и хорошо.

— Да, но, а с Ольгой Павловной, с кем ты воевал, придется расстаться.

— И поделом, не будет раболепствовать.

— Есть за ней такой грех. Дело, однако, не в этом. Не верю я Ирине Петровне. Сектанты — народ ненадежный.

— Думаю, она, на этот раз, не обманывает.

— Это почему?

- Кто же за нее тогда работать будет?
- Подхалимы всегда найдутся.
- На них далеко не уедешь.
- Ох, не скажите Иван Данилович, незаменимых людей нет.

— Слышал, что бани по частям в аренду сдавать будут? — говорю я.

— Да это так. В первой весь нижний этаж по квадратам расхватили. В 5-ой буфет давно не наш, — покачала головой Алисова, — вот Гарин с Улановой собираются открыть моечное отделение с первого октября, а при этом в люксах самый разгар ремонта. Отделают их, и чудится мне — сбегрят какому-нибудь дельцу.

— Как пить дать, — соглашаюсь я, — капитализм наступает по всем фронтам и позициям. Он и до коммунальных бань добрался.

— Будет вам шутить, — махнула рукой Лидия Сергеевна и сама при этом заискрилась веселою и лучистой улыбкой. Вслед за нею расхохоталась и ее верная подруга, кассир Елена Проклова.

— Иван Данилович! А я на вас обиделась, — вдруг обронила она.

— За что же, дорогая Елена Васильевна? — удивился я и добавил, — вы мне всегда были симпатичны.

— Не льстите, пожалуйста. Вот вы Шевелева с его подругами в «Орловское полесье» свозили, а я так ждала, что вы и нас с Лидою на какую-нибудь экскурсию с собою возьмете.

— Это дело поправимое, — успокоился я, — вот закончится переполох, и милости просим.

— Будем надеяться!

Не успел я еще приняться за свои дела, как услышал по демофону голос своего приятеля. Ростом с Петра Великого, всегда корректный и сдержанный, знающий себе цену, на этот раз Владимир Шевелев не вошел, а буквально ворвался в комнату. Он был явно не в духе.

— Ну, что подписал приказ? — спрашиваю.

— Подписал, будь он неладен.

— И, когда же последний рабочий день?

— Не скоро еще — 20 ноября! За два месяца вперед предупреждают, хотя бы могли всего — за две недели.

— В чем же секрет?

— Ларчик, просто открывается. Хотят нашими силами весь ремонт завершить. Дешевле им обойдется. Мы на нищем окладе, а профессиональные ремонтники себя обидеть не позволят. Им хорошо платить надо. А зачем? Меня главный энергетик даже зубилом снабдил. Дескать, берись за дело, шуруй во все лопатки. Не выйдет. С понедельника, на месяц, в отпуск ухожу. По выходу — увольюсь.

— Но, тогда ты 6 тысяч компенсации за сокращенье потеряешь!

— Ерунда! Я в Москве за месяц 20 тысяч заработаю. Работодатель меня давно ждет.

— Делай, как знаешь, — спросил, — как там женщины в управлении?

— Настоящий переполох!

— При массовом сокращении всегда так. Меня, вроде, на этот раз господь миловал, хотя Николай Иванович Корнеев, с кем мы в один день поступали на работу в 5-ую, недавно обронил, что нас с ним вместе и увольняют.

— И он прав.

— Как?!

— Я вашу фамилию, в списке сокращаемых лиц, тоже видел.

— Но Уланова обещала — дотянуть до февраля?

Приятель молча развел руками.

Глава седьмая
ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

Октябрь уж наступил...
А. С. Пушкин.

Октябрь — месяц революций в России. Красными датами стали: 25-26 октября 1917, когда под пушечный выстрел «Авроры» большевики взяли «Зимний дворец»; в октябре 1991 правительство России представило первую программу гайдаровских реформ, а 4 октября 1993 года по приказу Президента России Бориса Ельцина начался обстрел и захват «Белого дома».

Однако, по порядку.

20 сентября электрик Владимир Шевелев предупредил меня о решительных переменах.

23 сентября, в понедельник, я оказался во второй бане, на Пушкинской. Взял билет и направился в моечное отделение. Вдруг навстречу Демина. Вежливо поздоровался, спросил:

— Когда откроют пятую баню?

— Не знаю, — был ответ.

Банщик 2-й заметил с сожалением:

— У нас то же произошло сокращение кадров. Вместо 3-х смен оставляют две.

— Зато возле магазина «Стрела», — вступил в разговор один из пожилых клиентов, — частник строит двухэтажную баню-особняк, где билеты будут под 500 рублей.

— А четвертую, что на Октябрьской, планируют арендовать, — подал голос другой посетитель.

25 сентября, в среду, явился на работу. Накануне санитарной уборки заведующая объявила, что с октября наша баня переводится на хозрасчет, а не получится, то сдадут в аренду. Мэр помнит о нас, но пока никаких бумаг не подписывает.

Ирина Петровна тут же распорядилась, чтобы я отправился в управление и подписал приказ о своем сокращении. Указание я выполнил.

Инспектор отдела кадров Лазарева Светлана Борисовна, в цветных очках и с большими золотыми сережками на розовых ушах, встряхнула своими белопенными кудрями и протянула мне бумажный лист, весь испещренный каракулями. При этом сказала: «У нас в первой есть место сторожа, если хотите, то можете написать заявление». »Посоветуюсь с женой»,— ответил я.

— Да — да, подумайте и приходите.

Жена, с которой мы в этот день собирали яблоки в дачном саду, данное предложение инспектора одобрила, но уточнила:

— В сторожа пойдешь после февраля 2003-го.

26 сентября мы с супругой ездили в Змеевку, оттуда в деревню Васильевку за картошкой — своя не уродилась. Удача оказалась на нашей стороне. Мы стали обладателями двадцати ведер второго хлеба.

30 сентября по возвращению с «тихой охоты», прямо с поезда, с рюкзаком за плечами в котором покоилась корзина с грибами, я зашел в «Тихую обитель». Дверь открыла, дежурившая банщица Лукьянова.

— Заходите, Иван Данилович,— засуетилась,— усаживайтесь, да смотрите, не свалитесь со стула. Я такое расскажу, что прямо дух захватывает — к нам приезжала новая хозяйка...

— Кто? — вырвалось у меня.

— Я не знаю имени. Но эта дама — смугла и черноволоса. О таких людях говорят, что они — «лицо кавказской национальности».

— Ну и ну! А лет то ей сколько?

— Да, может 30 с небольшим. Самоуверенная такая и властная. Аудитор Ковалева. Та самая, о которой в «Комсомольской правде» писали, что, имея собственную экономическую и бухгалтерскую службы, директор оформляет по договору некоего частного консультанта по финансовым вопросам, которому платит за услуги 64 тысячи рублей. О ней речь.

Услышав такое, становилось ясно, что операция с 5-й давно задумывалась и тщательно планировалась. Под ее фундамент, как мы видим, подводилось целенаправленное финансовое обеспечение. Вне всякого сомнения, что и сам Ковалев, и новоявленная Хозяйка могли безнаказанно нарушать всякую правовую и финан-

совую дисциплину, о чем подробно поведала центральная пресса, только лишь с молчаливого согласия властей. Выходит — бабий бунт оказался «гласом вопиющего в пустыне».

Обо всем этом я подумал про себя, а вслух сказал:

— Как видно дама с деньгами.

— Еще с какими!? — нашлась Лукьянова, — я, говорит, все здесь обновлю и перестрою. Если баки, то эстетичные, коль простыни, то белоснежные. Моечных средств не пожалею. «Люксы» отделаю в европейском стиле, чтобы не совестно было принять клиентов. Их стоимость будет зависеть от качества оказываемых услуг.

— Грандиозно! — воскликнул я и осведомился, — а, что с Улановой?

— Последний день отработала. Все по описи сдала, а новая хозяйка уже успела все проверить и двери опечатала.

Обсудив еще ряд деталей, я расстался со словоохотливой дежурной. На прощание она наказала:

— Не забудь придти в среду к 9.00. Совещание назначено.

— Явлюсь точно в срок! — пообещал я, закрывая за собою тяжелые двери, теперь уже бывшей «Тихой обители».

Глава восьмая

А Р Е Н Д А

Октябрь кромсал сердца, как ленту,

Что открывала новый путь...

Кто ощутил ярмо аренды.

Не мог от страха, не вздрогнуть!...

2 октября 2002, ровно в 9.00, как и обещал, я появился в 5-ей. В холле, на диванах и стульях уже сидели говорливые женщины. Слесари Корнеев и Катин снимали с окон жалюзи. От них потребовали дать, как можно больше света. Они и старались, да так, что повыдергивали былые шторы, да прямо с гвоздями. По принципу: раз пошла такая пьянка — режь последний огурец.

Впрямь, для Николая Викторовича этот день оказался последним.

— Меня переводят в первую баню, — с грустью поведал он.

Николай Иванович, напротив, чувствовал себя на высоте. Ему кто-то уже успел шепнуть, что его оставляют в пятой.

Но, где же Тихонов? Его японский мотороллер стоял у входной двери, а хозяина ни где не видно. Но, вот, наконец, из проулка выбежал Виктор Иванович и, будто не замечая меня, ринулся в раздевалку.

— Здравствуй! — вежливо поздоровался я.

— Привет! — как-то необычно холодно отозвался тот.

— Спасибо за книгу! — я подал ему только что прочитанный роман Виктора Пронина «Падай, ты убит!».

— Давай! — сказал и исчез.

Странное поведение Тихонова объяснялось. Он накануне узнал, что меня сокращают, а потому повернулся от меня, как флюгер, в другую сторону.

Спешил к новой хозяйке. Она же, Багрова Елена Сергеевна, взяла баню в аренду с правом последующего выкупа. А нам объявила:

— Я назову вам фамилии тех работников, которых мы отобрали. Остальные могут забрать личные вещи и уйти.

Все замерли.

Еще минуту назад банщица Лукьянова громко и выразительно читала заметку из нового номера « Орловского меридиана», в которой гендиректор Гарин Евгений Владимирович доводил до сведения пенсионеров, что отныне они могут мыться на льготных условиях лишь раз, вместо двух, в неделю. Их ждут во второй бане — в понедельник, в первой — во вторник и в четверг — в четвертой.

Теперь же, выслушав речь новой хозяйки, она поняла, что оказалась лишней, резко встала со скамьи и громко зацокала своими вычищенными туфлями к выходу — ее ждал базар — последнее прибежище обездоленных и отверженных.

Не менее шумно повела себя и Валентина Тихонова, когда узнала, что в ее услугах — сторожа бани, новая начальница не нужда-

ется. Но боже, что стало с моим товарищем, а ее супругом Виктором Ивановичем? Куда девалась его почтительность? Уже не с прежним сладким обожанием, а с гневным, пасмурным видом взирал на госпожу Багрову, и, казалось, готов был разорвать ее на части.

Сел на свой мотороллер и укатил.

Удивительно, но факт: я попал в списки работников арендованной бани, но радости не испытал. Мои мысли подтвердила и экс-заведующая Уланова, которой я выразил чистосердечное спасибо за предоставленную возможность кое-что подзаработать к пенсии. Она сказала:

— Иван Данилович! Вам лучше уйти по сокращению — пять месяцев получать те же деньги будете. Мне, например, осталось до пенсии год и девять месяцев. Вначале получу компенсацию, затем год на бирже. А там не за горами и благословенный пенсион.

— Безусловно,— согласился я и добавил,— все-таки, если случится, что вы вновь окажетесь у руля, то я приду опять к вам трудоустроиваться.

— Не возражаю! — отшутилась Ирина Петровна. Забрав свои вещи из некогда родного гнезда — кабинета, и попрощавшись, навсегда покинула дорогую сердцу «Тихую обитель».

Глава девятая

КАЧЕЛИ

*Крылатые качели –
Летят, летят, летят...
(Из песни).*

Деньги — крылья! Лети с ними куда хочешь!. Это так. Но, если их нет?

То и суда нет. В таком случае человек уподобляется бескрылой птице, которую то ли волны, то ли ветер будут качать и тре-

пать до тех пор, пока у нее окончательно не отнимут силы к сопротивлению стихии.

Моя жизнь в последнее время напоминала качели, которые несут: то взад и вперед, то вверх и вниз.

Попав под сокращение, я уже и не надеялся более оставаться, терпеливо ждал окончательного расчета. И, вдруг, меня качнуло назад — смуглолицая арендаторша включила в списки сотрудников. Более того, пообещала повышение моей зарплаты с полутора до двух с половиной тысяч.

Решивший покинуть 5 -ю, банщик Тихонов, так охарактеризовал мою работу в новых условиях: «Тянуть лямку с 8 утра до одиннадцати вечера среди пара и грязи. При этом не кивать на уборщиц, без санитарного дня и выходных, в две смены. На такое надолго не хватит. К тому же нет никакой надежды, получать, при случае, больничные и отпускные».

— Н-да, — невразумительно произнес я.

— Данилович! — продолжал напутствовать меня Виктор, — ты учти, что нас будут держать лишь до тех пор, пока мы не наладим работу, а там госпожа Багрова, подыщет замену. Безусловно, из молодых. Вон, как размахнулась! На смену сторожам — охранники. Место в ее кабинете займет бухгалтер. Вводятся в штат: врач и массажист. В гардеробе в качестве соглядатаев — доверенные лица. Буфет пристегивается к аренде, а на должность одной из буфетчиц претендует, ныне подвизавшаяся в первой бане, известная смутьянка Нина Котова. Подумай, весь этот контингент нам кормить надо. Через мужское отделение, проходит в пять — десять раз больше клиентов, чем через женское и люксы. На нас ложится основная нагрузка по «разгребанию грязи», а плата та же или даже меньше.

— Н-да, — вновь протянул я, — факты — вещь упрямая.

— А теперь посуди, — продолжал Тихонов, — позволит нам Елена Сергеевна вениками торговать? Нет, конечно. Их поставят в избытке ее же холуи. Собранную стеклотару и ту в свой доход учтет.

— Это, как пить дать! А, впрочем...

— Что? — не понял Тихонов.

— Я к тому — не ошибаемся ли мы? Не окажется ли, Багрова, на деле, самой, что ни на есть — Еленой Прекрасной!

— Все шутишь, — мрачно усмехнулся Тихонов, — надеешься увидеть в Елене Сергеевне, как в гадком утенке — очаровательного лебедя? Только напрасно воздушные замки строишь. Не быть тому! Господа никогда не жалели рабов. Арендатор Багрова — капиталист новой формации, а потому выгоды своей не упустит. Будет нещадно эксплуатировать нас, обирать и обсчитывать, дабы не прогореть с пресловутой арендой!

— В твоих словах есть резон, — согласился я, — тут о многом подумать след.

— Думай! Время еще терпит. Только заявление не спешి писать.

— Да, да! Не будем гнать лошадей!

Я преднамеренно скрыл от Лидии Сергеевны ту часть общения с Багровой, которая была связана с осмотром так называемого, черного хода. Внутренняя дверь его была выломана, торчавший ключ проворачивался в замке. Он явно был сбит.

— Какие же варвары здесь орудовали?! — возмущалась Елена Сергеевна и раздраженно заметила, — Уланова тоже хороша! Все прибрала к рукам — инструменты, материал, бочки, халаты. Даже с цветами и занавесками не рассталась.

Уходя, домой, строго наказала:

— Иван Данилович! Ирину Петровну в баню на порог не пускайте. Она хуже ваших болтушек — Шаховой и Соколовой, те только языками чешут, а эта действует.

Полнейшей неожиданностью для меня явился визит в 5 — ю слесаря первой бани Серафимова. Сухощавый, немногословный, он отозвал меня в сторону и озабоченно спросил:

— Ты, где живешь?.

— Рядом с 31-й школой.

— Покажешь дом.

— Пожалуйста, пойдем, хоть сейчас.

И мы, укрывшись зонтами от дождя, направились в сторону

Прядильной улицы. По дороге Яков Петрович, наконец, объяснил причину такого внимания к моему адресу.

— Ты нам, очень, нужен.

— Кому? — не понял я.

— Мне и нашему хозяйству. Тебя ждут в первой бане.

— Как?

— Я обо всем с заведующей уже договорился. Оставалось только лишь разыскать тебя. Тебе, пенсионеру, с арендаторами лучше дело не иметь — прогоришь. Вот я и забочусь.

— Спасибо.

На звонок в коридор вышла моя жена. Я познакомил их.

— Заходите в комнату! — прозвучало предложение супруги, — чаю попьете.

— Благодарим, Валентина Алексеевна, — ответил вежливо Яков Петрович, — но мы намокли, а потому сырость разводить не станем. У нас дела.

— Как знаете.

Проводив Яковлева до угла дома, я пообещал ему в ближайшее время встретиться, а сам направился в 5-ю, чтобы продолжить прерванное дежурство.

Спустя два часа я услышал по телефону его голос:

— Данилович! Приезжай на Курскую.

Я вновь говорил с заведующей. Она готова решить кадровый вопрос положительно и ждет тебя.

— Но, я дежурю!

— Тогда завтра или послезавтра.

— Хорошо.

9 октября, как и обещал, я заглянул в просторный и нарядный холл элитной бани и спросил у первой попавшейся дамы, где я могу разыскать слесаря Серафимова.

— Сегодня не его смена, — сухо ответила та.

— А., как увидеть начальство? — не успокоился я.

— Ее то же нет!

На другой день, 10 октября, старое началось сызнова. Я так бы и ушел, как говорят, не солоно хлебавши, если бы на моем пути не встретилась сама госпожа Уланова.

— Как! И вы здесь?!, — воскликнул я.

— Временно, пока не решится вопрос с моим трудоустройством.

— И, что Генеральный?

— Обещает.

— А, я к заведующей, — объяснил я факт своего появления в 1-й, — приглашают на работу. Да вот, беда, ее нет.

— Она скоро придет. Это хорошо, что вы решили не порывать с муниципальной. Она надежнее аренды.

— Да, но я начальство в глаза не видел.

— И не говорили?

— Нет.

— Не волнуйтесь. Как только придет, я сама с нею поговорю.

— Пожалуйста. А я пока прогуляюсь по улице.

Вдоволь надышавшись свежим воздухом, по пути в 1-ю, я увидел среди прохожих своих товарищей. Слесари Катин и Корнеев направлялись к «Белому дому», так в шутку называли мы меж собою здание управления БПХ.

Не успев перекинуться приветствиями с любезными друзьями, я был окликнут. Выбежавшая на улицу в одном платье Уланова потребовала, чтобы я зашел в здание.

— Заведующая на месте! — сказала она.

В холле я увидел перед собою миловидную, молодую, лет 30-ти, черноволосую женщину. Она скромно улыбаясь откровенно разглядывала меня.

— Мне пройти в ваш кабинет? — спросил я.

— Зачем? — ответила она, — я вам скажу прямо здесь. В понедельник, 14 октября, в семь утра у нас будет санитарный день, с этого времени и начнете работать.

В назначенный день явился я на работу.

Среднего роста, сухощавый, в белой куртке мужчина вежливо поздоровавшись, спросил:

— А вы, кто?

— Ваш новый банщик.

— Понятно. Теперь мне и в отпуск уходить можно. Впрочем, я обошелся бы и без него, если бы мне выплатили компенсацию. Но начальство на уступки не идет.

— Порядок соблюдает, — заметил я.

— Выходит.

Незнакомец назвал себя Анатолием Ивановичем. Провел меня по раздевалке, затем мы посетили финскую сауну с сухим паром, душевые отсеки, подсобные помещения. Зашли в комнату банщиков, где было просторно, а главное светло — не то, что в беззаконной 5-й.

— Окно, как видите, выходит на «Белый дом», — пошутил Анатолий Иванович, — здесь вы будете отдыхать и кушать. Раздеваться можно так же и в кладовой, а это помещение сдавать во временное пользование клиентам — по десятке с носа. Бутылок собираем мало. Вениками не пользуемся — сауна! Безбилетные платят по полцены, но «смелых» мало. Бригадир злая, чуть, что бежит с криком: «К вам безбилетники прошли!». Заведующая бывает редко, а зайдет, то непременно ищет паутину. Потому Новикову мы и зовем — «Паутинкой». Клиентов пока маловато, к зиме будет больше. Порядок и чистоту поддерживать не трудно. Главное — не допускать луж в предбаннике и мыла на тазиках.

В сейфе мы храним простыни — их, по десятку, выделяют на смену, и вещи клиентов. Недавно случилось недоразумение: один банщик по лживому номеру выдал золотой браслет. Теперь дворником 6 тысяч отработывает.

— Не ахти приятно, — заметил я

— Всякое бывает. В общем, 14-го, в сан-день встретимся. Познакомьтесь со старшим группы — нас трое банщиков и трудимся в три смены. Я с 1946-го. Как видите еще 4 года до пенсии. Понятно, что работой приходится дорожить Сейчас не только нам, старикам, но и молодым трудоустроиться не легко. Пьяниц увольняют, долго не терпят. Но, что я вам говорю, вы сами — банщик, знаете. Для трезвых у нас не плохо. Приходите — не пожалеете...

Расставшись со словоохотливым хозяином сауны, я отправился на остановку трамвая, где вновь встретил закадычных дружков. Они побывали в отделе кадров и теперь делились впечатлениями. Говорил, как всегда, Катин:

— В кадрах не уважают нашу арендаторшу. Дескать, собрания проводит, а документы полностью на аренду еще не оформила.

— Ерунда! За этим дело не станет, — не соглашаюсь я.

— А, как она нам собирается по две тысячи платить, если нас 15 человек, а денег в месяц мы будем вырывать лишь 30 тысяч?.

— Не понял?!

— Где она возьмет деньги для уплаты налога, а так же , за свет, воду и газ? С какого рожна, Багрова, раскошелиться станет?

— Уверен, — говорю, — Елена Сергеевна — опытный экономист и просчета не допустит.

— Как же! Мы вот сели с «Арсением» и подсчитали, что у нас самое большое бывает по 500 клиентов в смену — это всего тысячу рублей, а в месяц — 30.

— Почему? — удивляюсь я, — 500 человек на двадцать (цена входного билета) рублей, это 10 тысяч в день и, соответственно, около 300 тысяч в месяц. Таких денег хватит и на зарплату и на налоги и прочее...

— Черт возьми, а как же мы с «Арсением» по два вместо двадцати считали? Наваждение какое-то!

— Вот именно — заскок получился.

— Пить нам надо меньше, — рассмеялся слесарь Корнеев.

Я сел в первый попавшийся трамвай и из окна наблюдал за товарищами, оставшимися на остановке. Смотрел, как они, будучи во хмелю, хлопали друг друга по рукам и продолжали хохотать. Они были не плохими мужиками, а потому умели беззлобно посмеяться над самими собой

Часть вторая

ПАР И ДЫМ

«Все дым и пар, думал он: все как будто беспрестанно меняется, всюду новые образы, явления бегут за явлениями, а в сущности, все одно и то же.

Все торопится, спешит куда-то, — и все исчезает бесследно, ничего не достигая».

Иван Тургенев «Дым».

ОТ АВТОРА

Центральная баня Орла, конечно, не московские знаменитые Сандуны или Кадаши, которые способны принять в свои «жаркие» объятия до 700 клиентов. И не карликовая 5-я — железнодорожная банька, рассчитанная на 50 любителей «вкусного пара». Орловская первая — в финской сауне, двух русских банях, в просторном бассейне, в люксах с мини бассейнами, ваннных и душевых — готова представить полужесткие диваны на добрые — две сотни посетителей.

В фойе, над лестницей долгое время висит красочный плакат, громогласно извещающий, что «Баня — величайшее изобретение всего человечества». Кому принадлежали слова, неизвестно.

В отделе редких книг Ленинской библиотеки Москвы есть примечательная, в одном экземпляре, (второй находится в личном архиве писателя Леонида Леонова) — книга, датируемая 1774 годом «О парных российских банях, поелику споспешествуют они укреплению, сохранению и восстановлению здоровья». Ее автор, замечательный португальский медик, находившийся на службе при дворе императрицы Елизаветы Петровны. Его же звали длинным и звучным именем — Антонио Нуньес Рибера Санчес. В конце своего жизненного пути он поселился во Франции и там написал, как он сам подчеркнул, «Уважительное сочинение» о российских банях.

«Искреннее желание мое, — признавался Санчес, — простирается только для показания превосходства бань Российских, пред бывшими издревле у греков и римлян и пред находящимися ныне в употреблении у турков, как для сохранения здоровья, так и для излечения многих болезней».

— Это знаменательное признание, — отметит в своей «банной энциклопедии» заслуженный работник культуры России Алексей Васильевич Галицкий («Щедрый жар», Москва, 1986 год), — в наш атомный век люди особенно остро осознали бесценность истории человеческой цивилизации. Даже самое малое свидетельство культурного наследия прошлого воспринимается с живейшим интересом. И это не только любопытство — узнать, что было раньше. Ведь мы — живое продолжение этого прошлого. История помогает нам лучше понять самих себя, а зачастую и снова обратиться к тем первозданным ценностям, которые мы утратили в веках».

Конечно, никто из работников орловских бань не читал этих книг. И это не вина их, а беда. Сообщала же «Комсомольская правда», что генеральный директор МУП БПХ Ковалев сознательно выживал образованных и творчески мыслящих сотрудников, набирая на их места лиц с рабочими профессиями. В банях Орла не было ни одного профессионального специалиста — банщика или массажиста, как это делается в московских Сандунах, Кадашах, Селезневских, Усачевских, Кожевнических, Тимирязевских и других современных банях. Исполняющие их обязанности, числились рабочими. Первейшим же делом таковых, было — не думать и просвещать, а одно — вывозить грязь и мусор. Американский писатель Джек Лондон не даром писал: «Будучи вьючным животным, светлых высот, не достигнешь никогда». Или, как подтверждал дагестанский поэт Расул Гамзатов: «Поет песни не тот, кто тащит арбу, а тот, кто на арбе сидит».

В делах пользования «вкусным паром» наши посетители стояли на две головы выше, чем сами работники бань. «Щедрый жар», как я убедился, прочли и руководствовались советами автора лишь несколько человек

Глава первая

КРУТЫЕ СТУПЕНИ

В вестибюль четырехэтажной бани, что на третьей Курской ведут крутые ступени. Ранними утренними зорями и поздними, промозглыми от постоянного дождя, вечерами мне пришлось преодолевать их во имя «куска хлеба».

Ирина Петровна Уланова, бывшая хозяйка Старо — Привокзальной «Тихой обители», с рук на руки, передала меня в полное распоряжение, холодной и безучастной к людским судьбам женщине, тоже — Ирине.

Певцы

Явившись к семи утра, я обнаружил, что правое крыло третьего этажа, где размещалась мужская сауна, находится в полутьме. Напрасно я щелкал выключателем — свет не зажигался. Пришлось бродить по комнатам и подсобным помещениям с зажженной спичкою в руке. Ариаднина нить ускользала. И тут услышал знакомый голос. Передо мной появился Анатолий Иванович Крайнев.

— А, это ты! — воскликнул старый банщик, — почему в потемках?

— Не знаю секрета выключателя.

— Да, вот он щиток, в коридоре.

— Понятно, — обрадовался я своему открытию и спросил: «Ты, почему здесь? Ведь я пришел тебе на подмену».

— Хочу бутылки сдать.

— Понятно.

Через некоторое время, в раздевалке появились еще двое: крепко сложенный, лысый мужчина лет 60-ти, назвавшийся — Женей. И другой — низкого роста, верткий крепыш, энергичный, со смуглым лицом, и громовым голосом. Это был банщик Телегин Алексей Семенович, который представился мне также одним именем — Лешка.

Оба, наблюдая за моей работой, выражали явное неодобрение.

К ним присоединилась и незнакомая мне разодетая в яркое платье уборщица. Она то и доложила заглянувшей в зал Новиковой:

— Он плохо моет.

— Надо перемыть! — Ирина Ивановна, худая и высокорослая глядела на меня прямо, как с высоты птичьего полета. Ее густо покрашенные синие глаза выражали не столько гнев, сколько тупое безразличие. Выполняла служебный долг — и не более того. Сделала несколько замечаний и ушла.

Выбежавший в одних плавках из парилки, весь перепачканный порошком и мылом, говорун Алексей Семенович Телегин стал вдруг допытываться у меня:

— Тебе, зачем к нам прислали?

— Работать, — отвечаю.

— Это понятно. Но, вместо кого?

— Того, кто уходит в отпуск.

— За Толика значит. А потом?

— Суп с котом! — пошутил я.

Продолжать разговор не хотелось.

Леша явно перегрелся в парилке. Завершив свои дела, три банщика отправились сдавать «тару», залежавшуюся в темных углах кладовой. Возвратились со спиртным. Организовали шумное застолье. Пили за предстоящий отпуск Анатолия Крайнева, за удачу и здоровье. Когда запасы иссякли, Евгений Викторович Гошин, извлек из своей сумки вместительную бутылку самогона. Веселье продолжалось. От сумбурных речей троица приступила к песнопениям.

Под занавес «пиршества», когда отпускник Анатолий, изрядно захмелев, покинул стол, Гошин и Телегин сбросились по десятке, чтобы прикупить «маленькую». Спустя некоторое время с четвертинкою в руках появился Лешка и с порога объявил:

— Серегу, банщика со второго этажа, скорая машина увезла — перепил горемычный.

— К этому все шло, — спокойно отреагировал Гошин, и предложил продолжить лирическую страничку.

— Вы пойте, а мне домой пора, — заторопился я.

В холле меня встретила бригадир Светлова Мария Алексеевна, озабоченно спросила:

— А друзья ваши все еще пьют?

— Поют! — уточнил я.

— Я слышала, что вы — трезвый человек. Нам такие порядочные работники, и нужны.

— Не скажите, — вздернул я плечами, — меня заведующая уже отчитала за плохо прибранные полы.

— Это не беда, — вставила свое слово темноволосая кассирша, — мыть полы — дело нехитрое. Научитесь. Нам хорошие люди нужны.

— Спасибо на добром слове, — ответил я и поспешил к выходу.

Обида

На следующий день, во вторник 15 октября я отправился в 5-ю баню. Согласно графику, мне предстояло дежурить с трех до десяти вечера. На своем месте оказалась бригадир Алисова и ее неизменная подруга Елена Проклова. Они сидели в комнатке сторожей и мирно беседовали с бывшими буфетчицами Ириной и Галей. Буфет теперь принадлежал новой хозяйке и в ранге зав буфетом, должна была явиться Нина Котова. По коридору фланировали, явно страдая от безделья, слесари Корнеев и Катин.

— Иван Данилович, — обрадовалась Лидия Сергеевна, — хорошо, что вы пораньше пришли. За меня подежурите.

— Не смогу.

— Как?!

— А мне завтра на смену выходить. Отдохнуть надо.

— Ах, вот оно что! Это Уланова нашей арендаторше Багровой все дело портит — банщиков отваживает. Вначале Тихонова, теперь вас — негодница! Всю мебель вывезла. Ее на порог пускать не след. Вы, что, теперь к нам не вернетесь?

— Не знаю.

— Одумайтесь. Время еще терпит. У нас все будет здесь хорошо — оставайтесь.

— Чтобы через пару месяцев выгнали?

— Кто вас выгонит! Откуда вы это взяли. Это все Уланова — ее работа!

— У меня своя голова есть.

— А сегодня вы подежурите?

— Нет. Я хотел с Еленой Сергеевной встретиться. Извиниться и предупредить.

— Она не будет.

— Жаль.

Мы еще немного побеседовали, но в голосе моей теперь бывшей начальницы я ощутил холодок отчуждения. Чувствовалось, что в ее душу непрошенной гостьей, вошла обида. Я сам ощущал себя не в своей тарелке, испытывая стыд и смущение. Но, в чем я виноват?

Парная с (вениками)

16 октября я прибыл на работу, но меня ожидал очередной сюрприз: в сауне оказался все тот же сухощавый и бледный Анатолий Крайнев.

— Как?! — удивился я, — но ты же в отпуске!

— Меня вызвали на дежурство

— А мне выходит: от ворот — поворот?

— Не знаю. Спроси у заведующей.

Минут пятнадцать спустя, вошла Новикова и без всяких эмоций заявила:

— Сегодня отдыхайте, а завтра приходите на второй этаж.

— Где парная с вениками? — спросил я.

— Да. Там один рабочий в реанимацию попал. Подмените.

Не вдаваясь в дальнейшие разъяснения, Ирина Ивановна, так же тихо, как и появилась, покинула зал.

17 октября, в четверг, состоялось, наконец, мое «боевое крещение». За моей работой с клиентами неустанно следили: и кассир, и бригадир, и сама Ирина Ивановна.

Еще перед сменой она отчитала меня за безделье и отправила искать слесаря, подтекал кран одного из многочисленных душей.

— Спустившись на первый этаж, а затем, по крутым ступеням в слесарную, я вместо слесаря, встретил электрика и передал ему указание. Поднимаясь вверх, я увидел Якова Петровича. Он, приветливо улыбаясь, показывал свое хозяйство — бассейн, в

правом крыле первого этажа. Присели в раздевалке, поговорили по душам.

Солидарность во мнениях была налицо. Однако рассиживаться, было недосуг. Отправился к себе. На столе обнаружил молодежную газету «Поколение» от 15 октября. На третьей странице была заметка Наталии Денисовой под заголовком «Банные сезоны — на Курской».

Молодая журналистка писала: «У входа в баню № 1 висит объявление, в котором посетителей извещают об изменениях в режиме работы. Баня теперь открывается в 10 утра (это для клиентов, рабочие же появляются к 8-ми), понедельник тоже рабочий (санитарный день), во вторник обслуживаются — малообеспеченные и пенсионеры. Новое расписание вызвано не только стремлением к более экономичному расходованию воды и электроэнергии. В течение последних лет продолжается реконструкция банно-прачечного комплекса, которая в итоге должна сделать баню образцовым заведением. Капитальный ремонт выполняется поэтапно, и посетители могут проследить его ход от вестибюля до моечных отделений.

Заговорив о посетителях, следует сказать, что число их после очередного повышения тарифов на банные услуги уменьшилось. Билет в общее отделение с сауной или парной стоит, как известно, 22 рубля, а в выходные и праздничные дни по 23 рубля. На первый взгляд может показаться, что в результате повышения цен общее поступление денег значительно сократилось. Заведующая баней Ирина Ивановна Новикова утверждает, что как раз наоборот, сумма даже чуть-чуть выросла.

22 рубля — это все же очень дорого, — передаю Ирине Ивановне слова большинства потенциальных клиентов.

— А вы знаете, что себестоимость помывки одного человека обходится для самой бани в 30 рублей, а не в 22, — возражает Ирина Ивановна.

Наверное, так оно и есть. Но если учесть, что посетитель парной или сауны захочет взвеситься (2 рубля), высушить волосы (5 рублей), возможно, заказать такси (4 рубля), то те же 30 рублей и выходят.

— Ирина Ивановна, а нельзя ли открыть в бане моечное отделение без сауны или парной, чтобы рублей за 10 — 12 можно было помыться?

— Вы невнимательно читаете наш прејскурант. У нас есть душевое отделение, куда билет стоит 18 рублей. Не забывайте, что в « льготный» день билет стоит всего 8 рублей.

Тем не менее, работники бани изыскивают возможности для расширения сферы услуг. Например, на втором этаже расположена парикмахерская, которая занимала половину этажа. Как раз в день нашей беседы с Ириной Ивановной произошла рекогносцировка: парикмахерская переехала в небольшое помещение на первом этаже рядом с трех — местным «люксом». А в принадлежавших ей ранее хоромах будет сделан ремонт, и откроется... не будем пока гадать, что именно, но на благо посетителей бани и жителей города. Есть в бане и массажист. Ежедневно с 10 утра до восьми вечера можно за довольно низкую плату воспользоваться его услугами.

Баня, как в прежние времена, так и сейчас, остается убыточным предприятием. Регулярные вливания из городского бюджета помогли бы гораздо быстрее покончить и с ремонтом (корреспондент, на мой взгляд, не понимает, что в сыром заведении, каковым является баня невозможно, раз и навсегда, покончить с ремонтом), и решить некоторые важные социально — бытовые проблемы работников муниципального предприятия, например, повышения зарплаты (а ее уровень в Орловской области намного ниже, чем в соседних губерниях, уже не говоря о Москве). Даже расширяя сферу услуг, в том числе элитных, например, фитнес — центр, большой прибыли сразу не получишь. А пока можно ожидать лишь пересмотра стоимости парикмахерских услуг, естественно, в сторону увеличения. Согласитесь, несопоставимо платить 22 рубля за посещение общего отделения бани и 30 рублей за стрижку. Все же индивидуальная работа должна цениться дороже. Но не будем об этом, а то еще обвинят, что я ратую за повышение цен».

Без бани русский человек не может. Потому медленно, но уверенно у нас число посетителей увеличивается. Для меня, так называемый «легкий пар», тяжелее «шапки Мономаха».

Вот и теперь, истратив 10 выделенных простыней, бегу к бригадире за следующей партией.

— Как ваши дела, Иван Данилович? — осведомляется Мария Алексеевна, своею дородностью и участием, так напоминающую мне мою жену Валентину.

— Все хорошо, прекрасная маркиза! — шучу.

— Вот и ладно, — улыбается она.

С белой поклажей возвращаюсь в раздевальный зал, берусь в очередной раз: то за веник, то за тряпку, то за тяжеленную от сырого груза огромную бадью и несусь стремглав по крутым ступеням на выход.

Второе дежурство, назначенное на воскресенье 20 октября, не состоялось. Накануне, в мою квартиру, на Прядыльной улице, неожиданно заглянула мастер спорта по горному туризму, руководитель спортивного объединения «Русь» Наталья Яковлевна Сальникова. Она, извинившись за сорванную из-за дождя, экскурсию в Ясную Поляну, заговорила вновь о задуманной поездке.

Встречаю на улице Анатолия Крайнева, прошу подменить. Он же, сославшись на домашние дела, отказался. Иду к Анатолию Александровичу Малькову. И тут отказ. Что делать?

— Смена стоит 100 рублей, — говорю ему, — и я тебе выдам эту сумму сразу же.

— Это другое дело, — просветлел он.

— В Ясной Поляне все-таки побывали. А это — главное.

Сошлись на собрание — должен был решаться вопрос о переходе с 20 ноября с трех на двухсменный режим работы. Ожидалось очередное сокращение. По этому поводу, худой, со шрамами на щеках банщик Гришин выдал:

— Меня выгоняют, я уже и документ подписал, а вас двоих оставляют. Что касается Сергея Сенина, то он уже не работник, у него — речь отнялась...

Собрание бурлило. Никто не хотел оказаться за бортом жизни. Новость: уборщица Валентина Васильевна ушла оператором в котельную. На наши плечи, лег груз ее забот. Апрельская каторга, имевшая место в 5-й набирала обороты и в первой.

— Потерпите, — успокаивала Валентина Тихонова, жена Виктора Ивановича, она теперь работала сторожем первой, — все обрзается. Вам тут будет лучше, чем в частной бане.

И я терпел. После окончания дежурства по три часа тратил на уборку: парной и душа, раздевалки и предбанника, коридора и кладовых, комнат банщиков и туалета. Время за двенадцать ночи. Трамваи не ходили, и мне приходилось, сырому и горячему вышагивать пять остановок пешком. Волновались жена и теща: «Русский стерпит, он — мужик!».

Случилось собрание. Накал страстей набирал свои обороты. Говорили и мужчины и женщины. Речь Телегина Алексея Семеновича, банщика, только что торжественно отметившего пятилетие своей работы в первой, отличалась особым темпераментом. Он, будучи тугим, на ухо, казалось, старался перекричать водопад Ниагару, если бы он был тут, в Орле:

— Да, мы! Да нас! Никаких перестроек! Хватить экспериментов!

Не менее любопытным было и поведение Малькова. Будучи в изрядном подпитии Анатолий Александрович, тем не менее, ни сколько не смущаясь, стоял посреди круга, рядом с Ириной Ивановной и, блестя лысым затылком, парировал выпады ораторов, выражая готовность на смерть стать на защиту начальства.

Услужливый дурак — опаснее врага, — сказал о нем словесник Гошин, — гном, а рвется в «бугры».

И оказался правым. Под сокращение подвели и Малькова.

Что же случилось?

Что-то случилось,

Чувствуем мы...

*(Из песни Валерия
Ободзинского).*

Утро 28 октября ни чем не отличалось от предшествующих — дождливых и тусклых. Мы, трое банщиков «парилки с вениками» занимались генеральной уборкой. Иван Лаврентьевич и Анатолий Александрович сразу же, по приходу, закрылись в своей тесной камере, извлекли из секретного уголка початую поллитровку, налили, и, кряхтя и охая, опрокинули по рюмке. Зажевали румяным яблоком. Перекинулись несколькими, подобающими этому мероприятию фразами, направились в моечную.

— Буду учить тебя тазики драить, — наставительно молвил Мальков.

— Рад стараться! — по-военному ответил я.

Принялись за дело. Гришин направился убирать парную. Завершив операцию с бачками, мы пришли ему на помощь — взялись за обработку раствором стен и полок.

Надо заметить, в любой операции наш старший не доводил дела до конца: начнет и бросит, вновь примется уже за другое мероприятие и опять оставить незавершенным. Он умеет создавать впечатление хлопотуна — трудяги, а на деле — обычный мотылек. О таких говорят: » Мастер пускать пыль в глаза». И теперь — мытье тазиков завершал я, парилку они вдвоем с Гришиным опять оставили на меня. А, когда появились слесари, то Анатолий Александрович удалился с одним из них в свой уголок «Дурова», где не было никаких животных, кроме тараканов, но в нем всегда была в наличии хмельная дурь — водка, пиво, вино, а то и самогон — он дешевле и крепче.

— Здравствуйте! — раздался голос Новиковой.

— Здравствуйте! — переглянулись мы друг с другом.

— Иван Данилович, — обратилась ко мне заведующая, — вы должны сегодня же написать заявление о переводе с 14 числа.

— Как скажете.

Не прошло и часа, как явилась к нам контролер-ревизор Демина. Ирина Ивановна, — гремел ее голос, — почему ваш Гришин, сколько я его знаю, постоянно ходит с побитой физиономией. Как он может требовать соблюдения полрядка от клиентов, если сам — вечно пьян и неопрятен. Поставьте вопрос перед Генеральным директором о его увольнении — у нас незаменимых нет.

29 октября, во время дежурства, бригадир Светлова, задержав меня в фойе, сказала:

— Мы сегодня о вас приятно поговорили с заведующей. Я убедила ее, что вам надо доплатить за после сменную уборку.

— Спасибо.

— И еще хорошая новость: вечером придут двое уборщиц. Вам теперь будет легче.

— Совсем, прекрасно! — восторг был искренним. Еще бы, теперь я смогу во время добираться до дому.

Действительно, в конце работы в зале раздались женские голоса: бригадир представила мне двух женщин в сопровождении молодого мужчины. Полногрудая, веселая, сорокалетняя дама назвалась Полиной, а, совсем молодая, едва за двадцать, симпатичная русалка с не менее приятным именем — Галина. А тридцатилетний мужчина, с пивной бутылкой в руке, был не кто иной, как муж Гали.

Не было ни гроша, а вдруг алтын! — просиял я и принялся, по просьбе Марии Алексеевны, знакомить новых сотрудниц с объектом их предстоящей работы.

Глава вторая

ПОМЕХИ

*И банщики, и бригады
Преградой стали на пути.*

Устроить помеху мирному процессу вхождения в новую полосу жизни, как это случилось у меня в связи с переводом из третьей в первую, можно не только в парламенте. Две незнакомые мне бригадиши, в отличие от Марии Алексеевны Светловой, моей непосредственной начальницы в союзе с банщиками лишили меня покоя.

В один из санитарных дней не вошли, а ворвались к нам трое бригадиров. Нещадно стали ругать Малькова с Гришиным, оказавшихся, в изрядном подпитии, за плохую уборку помещения. Одна из них, Глафира Ивановна своими придирадками вывела меня из себя. Не удержавшись, я сделал ей замечание, попросил требования облекать в культурную форму. От неожиданности милостивая брюнетка просто опешила. Вращая своими округлыми глазами, заверещала:

— Вот он, какой этот новичок! Слово ему поперек не скажи!

— Мария Алексеевна его хвалит, — вступилась за меня Новикова, — не пьет и дело разумеет.

— Посмотрим, посмотрим, — прошипела бригадиша и удалилась.

А далее вот что было.

Первого ноября, ко мне с третьего на второй этаж спустился банщик Телегин и сразил фразой:

— Данилович! С сегодняшнего дня вновь начинает работу твоя прежняя «обитель», и заведующая та же — Уланова. Вернешься к себе?

— Как?! — ответил я, — но она же в аренде.

— Аренда ликвидирована. Не так бумаги оформлены..

— Вот так новость.

Вечером того же дня сторож Тихонова внесла ясность.

— Ирина Петровна еще отчебучила.

— Что?

— Мало того, что Шахову ославила, будто Зинаида Арсеньевна порошок себе присваивала. Сама по тысяче в день брала. Десяток знающих работников разогнала, за Багрову взялась. Та, дескать, документы неправильно оформила. Всех подняла на ноги. Вызвала по телефону работников 5-й и устроила собрание — протест. Да, только ничего из этой затеи у нее не вышло. Явилась в баню, ее хозяйка Багрова, и все вернулось, на круги своя. Посрамленная Уланова тут же ретировалась. Как видно, нашла коса на камень.

Одиннадцатого ноября, в конце санитарного дня состоялось очередное собрание коллектива 1-й, на котором решался злободневный вопрос о переходе с трех на двух — сменную работу. Гришина и Малькова было решено уволить по сокращению, а ко мне в сотоварищи перевели Алексея Телегина

Во вторник, 19 ноября, я отработал последнюю смену с Марией Алексеевной, и в выходные дни 20-21 ноября, нам с женою посчастливилось побывать на Калиновском поселке, в гостях у Бондаревых, которые и телеграммой и телефонным звонком позвали «на печенку».

Счастливым и вдохновенным появился на работе 23 ноября. В этот субботний день должна была гостить у меня внучка Настенька, и я очень торопился повстречаться с моей любимицей, что позабыл о долге — мыть и чистить. Полы и в самом деле выглядели мрачно, а клиентов было так много, что мне трудно было ухитриться лавировать между ними со шваброю в руках. В 22 часа явились уборщицы вместе с бригадиром и ахнули:

— Грязи — то сколько!

И пошла, писать губерния. На дежурство, что выпало на 24 ноября, к нам явилась проверяющая, известная Александра Никитична. Ей-то и поступила докладная от моего бригадира.

И это еще не все. 25 ноября, во время санитарного дня, Новикова, отчитала меня за плохую уборку. Перешедший в качестве моего сменщика, Анатолий Крайнев в беседе с Глафирой, выразил желание работать в ее бригаде. Она дала согласие. Пронырливый и скользкий банщик от счастья даже перекрестился.

15 ноября, спустя ровно месяц после последнего дня работы, я навестил коллег 5-й. Дежурила смена Шаховой. Она — то и взяла меня в оборот:

— Уланову, видишь?

— Да. Была с проверкой 13 ноября. Ругала за неполадки.

— Не вас, а ее срамить надо, — резко воскликнула, — к людям по мелочам придирается, а сама — вор. Все миски с тарелками, ножи и вилки утащила. Мало того, сварочный аппарат к рукам прибрала. Увидишь еще раз, то передай от нашего имени, что она хамка!

Я отказался передавать наотрез.

— Еще бы! Вы ведь в дружбе с нею, — усмехнулась Шахова

Я промолчал. Мое внимание привлек молодой человек, понурый сидящий на краю скамьи.

— Сережа! Ты ли это? — спросил я некоего клиента.

— Как видите — я! — застенчивость выражалась на его лице легкой краской, — я теперь вместо вас банщиком работаю. Вот пойдемте, посмотрите, как полы отмываю.

Пошли осматривать полы и остальное хозяйство мужского зала. Все было выкрашено и побелено. Стало понятно, что и новая хозяйка своих работников вниманием и заботой не обходит. В парной часть штакетинок, как я ранее и полагал, была убрана — calorifеры оказались обнаженными.

Через неделю, по возвращению из деревни, я заглянул в баню, решил помыться. Была пятница 22 ноября. Время 10 часов утра, а 5-я пустует.

— Сегодня мы работаем с одиннадцати, — объяснила кассир Елена Проклова

— А банщик где?

— Ушел, — пояснил слесарь Николай Викторович Катин, — с ними у нас одна незадача. Сережа, как ты знаешь — больной человек! Еле держится. В смене Алисовой уже три банщика за месяц сменились. Тридцатилетний Валентин запил. Пришел некий Володя, посмотрел на голых мужиков и заявил, что сыт ими. Попросят его диван вытереть, а он в ответ: «Вам, что может еще и задницы, подтереть? Берите тряпки и сами трите!». Плюнул и сбежал. Так

же поступил и третий — за 1200 рублей никто нормальный работать здесь не будет. Слесарь Корнеев ушел. Скоро и я уйду.

Пока мы беседовали, со второго этажа спустилась бригадирша.

— Иван Данилович! Вы к нам?

— Да, пришел помыться. Разрешите?

— Что вы? Конечно. Заходите и мойтесь.

Разговор с Лидией Сергеевной я решил отложить.

Через два часа, зашел к Алисовой на второй этаж.

— Лидия Сергеевна — спросил я бригадира, — вы, по телефону, Багровой обо мне, что-нибудь говорили?

— А, кто сказал?

— Николай Викторович.

— Ах, уж этот баламут Катин.

— И все-таки о чем был разговор с арендаторшей?

— Знаете, когда вы неожиданно от нас ушли, то Елена Сергеевна заявила, что Ракитина она в баню не возьмет. Сейчас же согласилась вас принять на работу.

— Без меня — меня женили, — расхохотался я.

— Как?! А разве вы не согласны? А я хозяйке Багровой заявила, что только такой банщик, как Иван Данилович, нам и нужен.

— Да, но я не собираюсь покидать — первую.

— Вам, что там хорошо?

— Да.

Уже на другой день, 23 ноября, у меня все было, как, в известной песне Аллы Пугачевой:

Хорошо — то, хорошо,

Да, ничего хорошего.

Глава третья

МОШЕННИКИ И ЮМОРИСТЫ

*Ах, баня, баня!
Сылет листья
С берез кудрявых и дубков.
Мошенников и юмористов
Зовет под свой
Душистый кров.*

В пятницу, 28 ноября на работе появился, усатый и сконфуженный банщик Сергей Сенин, которого звали мы просто Серегой. Повозившись в шифоньере, он извлек из него свою одежду и объявил, что ему поручили отныне заведовать бассейном, где ранее работал Серафимов. Перешел на работу по специальности — в ремонтную бригаду слесарей.

Так называемое «сокращение» коснулось лишь слесаря Николая Ивановича Корнеева, известного в банных кругах смутьяна и даже революционера. Второго, после Ракитина, банного Робеспьера. Все остальные, в том числе банщики: Мальков, Гришин и Сенин остались на своих местах. Только, как мы отмечали, Сенин стал, заведующим или «директором» бассейна, Гришин перешел на подмену, Мальков пребывал в отпуске. Постоянными работниками были Крайнев и я. В сауне по-прежнему хозяйничали Алексей (Леха) Телегин и Евгений Гошин.

Со словесником Гошиным я оказался в одной смене. Ею руководила Глафира Ивановна. Последняя заявила, что ее заставили писать объяснительную по поводу плохой уборки 23 ноября. Я не удержался от смеха.

— Вы сами беду на себя накликали, — сказал я, — не надо было сор из избы выносить, а вас потянуло с докладом госпоже Деминой. С нашими неурядицами могла бы разобраться и Новикова.

— Тут вы правы, — грустно вздохнула бригадир, — надеюсь, что все уляжется, и нас не лишат премии. У меня, как никак, четверо детей. Их кормить надо!

Во вторник, 3 декабря ко мне на 2-й этаж заглянул Гошин и озадачил просьбой:

— Деньги, которые тебе будут давать клиенты за чистые простыни, ты в кассу не носи, я сам их оприходуую.

— Будет сделано, — согласился я.

Напарник Иван Гришин объяснил, что с подобными просьбами он ранее обращался и к нему. И тот откликался, подобно мне, на его зов. Хитрость заключалась в том, что в условиях сауны, где нет веников и грязи, можно было одну и ту же простыню предлагать, несколько подсушив, двум клиентам. И те подлога, безусловно, за редким исключением, не замечали. Данное деяние выглядело не иначе, как мошенничество. Но этот проступок казался менее тяжким, чем торговля самогоном. Было ясно, что «умный» Гошин из всего умудрялся делать деньги. Вот почему его беспокоил «чужак» в коллективе. Остерегался огласки.

Генеральный директор Гарин издал приказ за № 161 от 28 ноября 2002, согласно которому закрывалась камера хранения, и посетители бани уведомлялись, что деньги и ценные вещи отныне на хранение не принимаются. За их утрату администрация ответственности не несет.

Банщики, за исключением меня, по-прежнему, принимали и укладывали в сейф на хранение деньги и документы. При этом брали определенную плату. Их не научил горький опыт одного из нас, кто поплатился за это и работой и начетом в семь тысяч рублей: выдал по ошибке золотую вещь не хозяину, а постороннему.

И еще эпизод. С подачи бывшего ревизора — контролера Деминой, ныне занимающей пост коммерческого директора предприятия (Новикова оказалась в ее подчинении), на рабочем столе банщиков устанавливалась номерная доска, призванная учитывать пропускную способность клиентов, как в «Русской бане», так и в «Сауне». И что же произошло в результате?

Доска остается сама по себе, хотя и утыкана входными талонами. Истинное же положение дел, по-прежнему, хранится в уме каждого банщика: на каждого мудреца — довольно простоты.

Мы уже отмечали, что комната банщиков в определенное время становится убежищем для «левых клиентов», которые уплачивают за предоставленные блага по десятке «с носа».

Как-то один из бывших работников предприятия спросил меня:

— Комната, что рядом с вами, все пустует?

— Да, — отвечаю, — сам не знаю, для чего она предназначена.

— За то я хорошо знаю, — улыбнулся важный клиент, — мы в свое время здесь пировали. О ее существовании Гарин еще не ведает.

Все тайное, рано или поздно становится явным. В воскресенье, 24 ноября я буквально был шокирован тем обстоятельством, что прежде пустующая комната наполнилась, вдруг, голосами гостей. «Где они взяли только ключ?», — раздумывал я. С этим вопросом я и обратился к ним, открыв дверь.

— Вы не в курсе, — сказали мне шумливые гости, — что по воскресеньям, мы, охотники и рыболовы, здесь отдыхаем.

Иван Гришин объяснил мне, что мзду за посещение они уплачивают бригадире. У нее же и берут ключ. Посему Глафира не оставалась в накладе. Таким образом, выходило, как в гоголевском «Ревизоре»: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет.

8 декабря, без билета, в баню вновь заскочил каменщик Сергей. Выпроваживать его мне пришлось с помощью Евгения Гошина. Бригадир же на этот случай отреагировала так:

— Хулиганами должна милиция заниматься, а не я. У меня своих забот полон рот.

Вот и получалось, что в критических ситуациях банщик совершенно не защищен, а бригадиры предпочитают, подобно страусам, прятать голову под крыло — обидно.

В свободный от работы день, 10 декабря, я решил в первый раз стать клиентом бани, чтобы на себе испытать все ее прелести и недостатки.

Было 10 утра. Дежуривший Иван Гришин встретил менястороженно. Я расположился в комнате банщиков. Разделся. Зайдя же в моечный зал, я обнаружил, что все 12 скамеек-топчанов уже заняты, и мне не где поставить бочонок с водой. Выручал душ. Из полутора десятков кранов хлестала вода. В одном из блоков листва заполонила решетку, от чего образовалось стоящее боло-

то. Я быстро очистил люк от мусора, и бурный поток устремился вниз — болотце исчезло. В парилке я полюбовался только что установленными мною с плотником Юрием новыми перилами и обрешеткой, а так же новым, сияющим чистым блеском абажуром. Усидеть, однако, долго не смог вследствие сильного пара. Температура воздуха, как объяснили мне всезнающие старожилы, достигала 90 градусов. В этот раз на сырой пар никто не жаловался — давление было в норме: котельная работала исправно.

Заглянув в раздевалку, я, набросив на себя халат, отправился на 3-й этаж. Здесь меня приветствовал Телегин:

— Ты в «Сауну»? — спросил он.

— Да, вот решил заглянуть.

— Молодец! Заходи — отдохни!

В моечном зале было светло и просторно. Топчанов я насчитал 19, а вот душой всего полдесятка. Парилка «Сауны» сверкала чистотой и уютом. Рядом сидящий пожилой мужчина выплеснул в камин пахучую жидкость и, сразу воздух наполнился благово- ниями.

— Бухарский эмир и тот был бы доволен, — пошутил я.

— А у нас есть свой эмир, — отозвался на шутку сосед, — вот и он, легок на помине

В парильное помещение вошел крупного телосложения, седовласый великан — все дружно засмеялись, приглашая «эмира» подняться на верхнюю полку. Тот, кряхтя и улыбаясь, взобрался по ступеням и сел рядом со мною.

— Какая здесь температура воздуха? — поинтересовался я.

— 95-110 градусов, — услышал ответ, — выше не поднимает- ся. Мы замеряли.

Не прошло и минуты, как «Сауна» наполнилась дюжиной любителей финской бани. Начались разговоры на вечную тему о том, что раньше и деревья были выше и небо голубее.

— Помню, 40 лет назад, — начал свой рассказ лысый старик, — я заходил в Оку и, прижав траву, не успевал выбрасывать на берег, одну за другой, огромные рыбины. Ныне же на приманку и живца с трудом поймаешь.

— Отравили все заводы и фабрики, — высказал свое мнение

другой дед, — рыбу едим и не ведаем, что ее из Чернобыльской зоны к нам завозят. Дожили. Одни демократы красную рыбу едят — трескают, а нам, с нашей пенсией к ней не подступись.

— А ты рой пруд и свою рыбу разводи: дешевле будет, — заметил смешливый балагур.

И вновь взорвался дружный смех.

— Кому сегодня на Руси хорошо живется? — спросил худой сосед и сам же ответил: — попам, аптекам и похоронному бюро.

Шуткам да прибауткам не было конца — баня, известно, развязывает языки даже молчунам.

Пока юмористы обсуждали политические проблемы, я осматривался вокруг, изучал устройство парилки. Она состояла из колосников, поверх которых лежали округлые камни, окаймленные железной решеткой. В свою очередь парилку окружали три кирпичные стены. Нагреваясь, они долго сохраняли высокую температуру. Время от времени кто — нибудь из клиентов открывал кран трубы и пар начинал набирать свои обороты. Когда же, в помещении становилось совсем невмоготу от жары, кран закрывали.

Полки были начисто выскоблены и сияли белизной свежих досок. Я вспомнил рассказ Анатолия Крайнева о том, что парилка — это плод забот Телегина.

— Леха из нее полдня не выходит. Драит и драит, — раздраженно выговаривал он, — тянет, как коровью соску.

Покидая «Сауну» я заметил, как Телегин молча складывал в сейф ценные вещи очередного клиента, укладывал в свой карман белого халата звенящую мелочь. Подумалось: приказ ему не в указ!..

Еще большее разочарование меня ожидало на втором этаже. В комнате, где я раздевался, уже хозяйничали трое. Мне ничего не оставалось, как убираться восвояси.

«Ай, да друзья — товарищи, — злился я про себя, — мало того, что все мыло и мыльницы, шампунь и мочалки, полотенца и простыни прибирают к рукам. То на бутылки, то на сигареты обжужливают, они еще их же коллегу, из собственной комнаты выживают».

Прощаясь с Иваном Гришиным, я отчитал его за плохое гостеприимство и не преминул заметить, что жадность его погубит.

— Ты, Данилович, извини, что так вышло, — сказал он, опустив голову.

Глава четвертая

ПОЧЕТНАЯ ССЫЛКА

*За «Хоря» был сослан Тургенев в деревню,
Где вдоволь побегал с ружьем по росе...
А я же — за трезвость наказан примерно:
Был сослан служить, — где вода и бассейн.*

В письме Полине Виардо Тургенев писал: «В 1852 году за напечатание статьи о Гоголе (в сущности, за «Записки охотника», в коих «Хорь и Калиныч» был программным рассказом), я отправлен на жительство в деревню, где прожил два года».

Ровно через 150 лет, уже я, рядовой банщик, «за трезвость примерную» усилиями местных интриганов был переведен из «Русской бани» на службу в бассейн. Для ясности воспроизведем хронику событий.

14 декабря 2002 из отпуска возвратился Мальков и, как ему ранее было определено, начал вместе с Сергеем Сениным обслуживать работу бассейна, на втором этаже. Раздевалка же клиентов находилась на первом, прямо под бассейном.

Сама работа, как говорят, не бей лежачего: клиентов мало, порой в смену не более пяти — десяти человек. Пребывают не более часа. Не пьют, не курят, не устраивают чай с закуской. Потому чистоту и порядок тут навести — дело минутное. Так, что сиди, банщик, отдыхай. Читай книги, да разгадывай кроссворды. Зарплата идет та же. Как ни странно такое привилегированное положение банщиков явно не устраивало. Причина ясная — нет чаевых. Данное обстоятельство и побудило предприимчивого Малькова обратиться к главному инженеру Рязанцеву с предложением:

— Выручайте Сергей Анатольевич, — не могу без дела сидеть. Привык к хлопотам. Пусть под бассейн Ракитина переведут.

Он еще новичок, а я всю премудрость нашего дела давно усвоил — повторяться не хочу.

— Не я отвечаю за кадры.

— Знаю. А Вы поговорите, пожалуйста, с Новиковой.

— Хорошо, поговорю, — пообещал Рязанцев.

Утром, 16 декабря я застал своего сменщика Анатолия Крайнева в парилке, где он провел долгую зимнюю ночь.

— Что случилось? — спросил я товарища, — на трамвай не успел?

Да, вот проканителился с уборкой, — начал он, — к тому же меня клиенты водой окатили. Надо было высушиться.

— Но, у тебя же астма! Как ты мог в духоте столько часов провести?

— А я только под утро пришел сюда. В основном в своей комнате на топчане провалялся. А тут еще зарплату получил. Зачем рисковать.

— А как жена! Что она подумает? В милицию, наверное, звонила, разыскивала.

— У меня такая жена, что судьба мужа ей до лампочки. Ей только деньги давай.

Иван Гришин, в разговоре со мной, на данную ситуацию отреагировал со знанием дела:

— Уверен, что Крайнев с Мальковым и уборщицей Полиной, время весело провели. Покутили заговорщики. Жди беды, когда такая тройка объединяется вместе, — сказал он.

Монолог друга оказался пророческим. В конце санитарного дня в баню явилась «Паутинка» и обратившись ко мне, изрекла:

— Иван Данилович, на вас Крайнев с уборщицей жалуются, что вы зал плохо моете.

— Тут что-то не так — недоумевал я, — вон Иван Гришин ко мне претензий не имеет.

— Хуже всего, когда свои на товарища грязь льют, — недовольно буркнул Иван Лаврентьевич.

— Гришин не имеет, а у меня есть и к вам замечания: ленитесь зал убирать. Потому перевозжу вас обслуживать бассейн, тут вас заменит Мальков.

— Ах, вот оно что! Если я вас не устраиваю, то сократите меня.

— Сокращение уже закончилось.

— И, что это вас работа «под бассейном» не устраивает? — воскликнула Никонова Глафира Ивановна, — зарплата одна и та же?

— Кстати, Иван Данилович, вы будете теперь в смене Стариковой Антонины Николаевной, — подвела итог беседы, заведующая.

— Вот тебе бабушка и Юрьев день, — нашелся я, — даже бригадира сменили.

— Да, так будет лучше, — на прощание бросила Ирина Ивановна. Она встала с дивана и величественной походкой царицы направилась к двери. Аудиенция была закончена.

Было ясно, «моление» Малькова перед главным инженером, возымело действие.

Так, с 19 декабря я начал отбывать почетную ссылку под бассейном.

Бригадир Старикова была «в отгуле» и заменяющая ее банщица, дородная и добрая Нина Федоровна не преминула пригласить меня на торжество по случаю Николина дня и юбилея бывшего слесаря Николая Ивановича Корнеева, прибывшего в баню вместе со своею супругой.

— Иван Данилович, — сказала заместитель бригадира, — мы тут по 15 рублей сбрасываемся. Вы не против нас поддержать?

— Нет. У нас с Корнеевым старая дружба.

— Вот и хорошо. От коллектива нельзя отрываться.

Явившись на банкет, я застал там массу народа. Во главе стола сидел опальный слесарь и повторял, что надо уметь проигрывать. Его «ушли», а вот он, как прежде, здесь. Я не удержался и процитировал отрывок из стихотворения Некрасова «Памяти Добролюбова», кстати, тезки нашего героя. Подняв бокал (с водой) я отчеканил, обращаясь к юбиляру:

Природа — мать! Когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни...

Присутствующие, не замечая подвоха, рассмеялись. Николай Иванович принял этот панегирик, как должное, и охотно чокнулся со мной.

20 декабря я отбывал дежурство уже под руководством бригадира Стариковой. Холодная, молчаливая, она мало обращала внимания на всех. Однако в конце рабочей смены нашлась:

— Иван Данилович! Твой напарник Анатолий вроде заболел. Сходи к нему, узнай, если действительно нездоров, то подменишь его.

— Хорошо, — бросил я в ответ.

В раздевалке застал унылого банщика. Он видимо слотнул что-то лишнего. Крайнев, как и прочие его коллеги — большие любители «халявы», а потому часто становятся жертвами собственной жадности.

— Ты простыл? Загрипповал? Вон, как из окон дует.

— Нет, — отвечает, — при гриппе температура бывает. Я же замерял, она у меня нормальная. Стоять же не могу — нет сил.

— В таком случае, — говорю, — собирайся и к дому. В постели отлежишься.

— Ладно, пойду. Тут в нашей комнате трое гостей. Уберешь за ними. Деньги они мне уже заплатили.

Случилось так, что с 19 до 23 часов я наводил уборку за моего незадачливого товарища, а когда, спустя два дня, заикнулся, что он бы мог мне заплатить за труд, то в ответ услышал:

— Тебе ко мне бригадир посылала, вот она пусть и раскошеляется.

Присутствующая при разговоре банщица Нина Котова, не преминула возмутиться:

— Вот, нахал! За него грязь вывозят, а он еще издевается. Иван Данилович, наша заведующая просто мумия, она ничего не решает. Сходи к Генеральному, он порядочный человек и этого наглеца вместе с Новиковой на место поставит.

— Да повод то уж больно личный, — не согласился я, — но если подобное повторится, то придется побеспокоить Гарина.

Я не стал уведомлять свою заступницу, что, по сведениям клиентов, Евгений Владимирович — мой земляк, болховчанин.

Сын слепого баяниста Сальникова рассказал, что Гарин руководил автокомбинатом. Оставив жену с детьми, он не забывал о них. Посещая прежнюю квартиру, он набивал всякой снедью — продуктами их холодильник, по праздникам дарил подарки. В общем, вел себя, как истинный джентльмен.

По этическим соображениям я решил не начинать наше личное знакомство с тяжбы. Возможно, что найдется более достойный повод.

В понедельник, 23 декабря ко мне пришел в гости Виктор Тихонов. Ранее он узнал от своей жены — сторожа первой Валентины, что я оказался в опале и пришел, как водится, позлорадствовать.

— В 5-й я вновь работаю с 13 ноября, — начал Виктор Иванович, — сам себе хозяин. Клиенты — люди свои. Не обижают. Без чаевых, как теперь ты, не остаюсь. Без этого я не могу. Мне хоть рубль, но чтобы я мог иметь деньги. За одну зарплату, говорят, только дураки вкалывают. Сергей Савин — глупый! Он не в счет. У меня скоро пенсия будет с опережением на год. Я же оформился по трудовому соглашению.

— Молодец! — не удержался я от похвалы.

— Круто, говоришь. Я и «Звездный» не забываю. Официально в этом магазине сын оформлен. Мою жену в третьей сократили, в первой ей еще лучше: зарплата выше. Не было бы счастья, да несчастье помогло.

Поговорив еще о том — сем, мы расстались.

— Ты в санитарный день ко мне не приходи, — попросил я товарища, — нам с Сергеем убираться надо. Заведующая застанет — хлопот не оберешься.

— Вон, как тебя здесь запугали, — Тихонов не скрывал своего торжества, — возвращался б в пятую и страхи прошли бы.

— С этим мы пока повременим. Рано еще сжигать мосты.

Опасения мои оказались не напрасными. Едва мы с Сергеем Сениным навели порядок, как к нам заглянула Новикова.

— Моете? — спросила она.

— Стараемся заслужить уважение начальства, — ответил я.

— Не начальства, а клиентов, — поправила меня Ирина Ивановна.

25 декабря дежуривший в «Сауне» на подмене Иван Лаврентевич по обыкновению выпил. Бригадир Старикова разбушевалась и не преминула, чтобы вызвать по телефону из дома заведующую. А, когда та заявила, то просто закричала в иступлении:

— Уберите эту пьянь!

— Кого?

— Гришина! Кого еще! Увольняйте его!

Меня досрочно отпустили с работы, и я случайно оказался в одном трамвае с Алексеем Телегиным. Я посетовал на отсутствие благородства его бывшего коллеги по «Сауне» Крайнева. «Балаболка», как Иван отзывается о Телегине, выслушав меня, сказал:

— Что с Толи — дистрофика взять. Самогону напьется и сразу кричит: «Заболел!». У меня, как-то из почек камни пошли, так я, все равно, вахту не бросил. До конца достоял. Толя же размазня, а деньги любит.

К слову сам Леша любит их еще больше. Приведенный им же факт долготерпения, как раз о том и говорит.

27 декабря, в пятницу, с подарками в руках я направился в 5-ю, чтобы искупаться и поздравить своих бывших сослуживиц с Новым годом.

Все три дамы, оказались на месте. Особенно были благодарны не за шоколадки, а за стихи, посвященные им:

Бригада (сонет)

Какое счастье врать не надо,
А все рассказывать, как есть:
Служить в Алисовой бригаде —
И поощрение, и честь.

Три женщины — все Ярославны:
По красоте и по уму:
Елена, Лидия и Анна —
Не уступлю их никому.

Сам буду петь им серенады
Пока бежит по жилам кровь.
Мне будут высшею наградой
Их свет улыбок и любовь.

Когда Лидия Сергеевна увидела в моих «Перелесках» вступительную статью поэта Василия Катанова, которого лично знала, то восторгам ее не было пределов.

— Иван Данилович! — не сказала, выдохнула прелестная бригадирша, — вы для нас — луч света в темном царстве. Если бы вы знали, как нам плохо без вас!

— А мне без вас, — в тон ответил я.

Через два дня после посещения ООО «Здоровый мир», так с легкой руки госпожи Багровой стала именоваться 5-я баня, я подменял, с утра приложившегося к рюмочке Ивана Гришина. Клиентов, в этот воскресный день 29 декабря было много и мне досталось не мало «чаевых», что оказались совсем кстати — в преддверии Нового года.

30 декабря наша бригада работала с 10 утра до 16 часов. На устроенный сабантуй я не пошел: не пожелал пить и есть, как все, «на халяву» — денег же с меня в тот раз не взяли.

«Зачем портить настроение своим присутствием любителям выпить за чужой счет», — решил про себя.

В течение всего дня по фойе первой фланировала бывшая хозяйка 5-й Уланова. Да и что поделать, если поведение Ирины Петровны, как и вообще женщин, не поддается никакой логике. А, впрочем, объяснение есть: она так же ждала подарков и внимания к своей особе.

Уходя на краткие Новогодние каникулы, я поднялся на четвертый этаж и, зайдя к банщице Марии Васильевны Светловой, вручил ей шоколадный торт. Мария Васильевна была не только моей доброй бригадиршей, но осталась по-прежнему — верным и внимательным другом.

А ведь в том и состоит настоящее счастье, когда тебя не просто любят, а главное, понимают.

До свидания 2002! Здравствуй Новый 2003-й! Что он принесет мне, какие радости и горести выпадут на мою долю. Обо всем этом я расскажу в следующих главах.

Глава пятая
ГОДОВЩИНА

*Нет для уныния причины,
Своим терпением горжусь.
Не просто встретить
ГОДОВЩИНУ,
Как в Русской бане я тружусь.*

1 января 2003 мы с Валентиной побывали в гостях у внуков.

Рождество я отмечал на Калиновском, где пробыл три дня. У моего зятя и друга Василия Илларионовича Бондарева, был одним из первых, вопрос: «Ты привез мне свою банную повесть, так ее хочется почитать?». «Привез», — успокоил я приятеля.

5 января наведалься на Болховскую квартиру поэта Луценко, где состоялась встреча с Олегом Смугловым. Позже, уже, будучи в «Сержантской столовой» к нашей компании присоединился журналист Виктор Шелястин. На редакционном «газике» они то и доставили меня до поворота с трассы «Болхов — Белев», а затем с улыбкой и веселыми комментариями, наблюдали, как я, по пояс в снегу, вышагивал три версты по направлению к дому сестры.

10 января, будучи уже в Орле, я пригласил к себе писателя Александра Логвинова, чтобы прочесть ему «Родную сторону» и подготовить предисловие к книге. Чудо! В разгар нашей работы к нам неожиданно нагрянули коллеги по перу: редактор «Болховских курантов» Олег Смуглов, вручивший мне памятный календарь со снимком своих сотрудников, поэт Альберт Луценко и орловский журналист Юрий Семенов. Все закончилось скромным сабантеем.

16 января в «Поколении» появились заметки путешественника «Ах, бани, бани, бани...». Их автор Алексей Магдалинин, побывавший в Турции и увидевший одно из семи чудес Света — храм Артемиды, сожженного жителем Эфеса Геростратом, который, чтобы прославиться пошел на такую крайнюю меру. Алексей живописует прелести турецкой, некогда греческой «Сауны», в массажной которой пахнет лавандовым маслом, а в парилке — анисом и чистотой.

Смертной казни подвергался тот человек, который перед тем, как войти в беломраморный Эфес, не помоеся в бане. В город можно было войти с четырех сторон, и при каждом входе стояла баня! Они и сейчас сохранились, и не только в виде полуразрушенных стен, и в виде водопроводных и канализационных труб, «сработанных еще рабами Рима». Самое удивительное, что эти трубы до сих пор в работе.

В этой связи уместно напомнить, что трубы «сработанные» всего 20 лет назад в первой бане Орла уже во всю дают течь. Несчастные слесари не успевают навешивать на них спасительные хомуты. Бассейн пришел в негодность, и подлежит ремонту, который и начался с 3 марта. В санитарные дни все нижние помещения 4-х-этажной бани заливает водой. Потолок «Комнаты банщиков» превращается в настоящий душ.

Вот как описывает Магдалинин свое пребывание в 1-й. «Беру билет в общий зал, поднимаюсь на второй этаж. В нос «приятно бьет» кисловатый запах, настоящий на распаренных дубовых и березовых вениках. Несколько лампочек под потолком тускло освещают помещение. Ищу тазик, в простонародье называемый шайкой. Тщетно. «Мужики, — зываю я к моющим голым фигурам, — а где же шайки?». В ответ тишина, и только один сухонький седой старичок, чем-то похожий на Сократа, хитро прищурил глаз, произнес: «Дык, в магазине, барин...»

Мест в раздевалке около тридцати, мужиков — человек двенадцать. Я, вероятно, оказался...тринадцатым. «Буду мыться под душем», — решил я и, намылив голову, встал под теплые струи воды. Вскоре мои ступни почти по щиколотку оказались в грязной мыльной воде, которая отовсюду стекала к моим ногам. Про-

мыв глаза, я заметил, что сливная решетка расположена выше уровня пола, на котором я стоял. Таким образом, можно было сразу делать два дела: мыть голову и «парить» ступни ног. Да! До этого даже в Древней Греции додуматься не смогли. Я шел домой, и гордость за русских Кулибиных и Ползуновых охватывала меня, а ноги я и дома могу помыть, благо, еще течет холодная вода по трубам, сработанным свободными русскими умельцами, а не какими-то древнегреческими рабами».

В злой иронии автора «Заметок» есть правда. Полы в раздевальном зале «Русской бани» и в душевой, что под бассейном устроены так, что в них образовались колдобины и выемки, быстро наполняющиеся водой, кою приходится гнать швабрами и вениками к высоко стоящим стокам. Тем не менее, бывшая заведующая 1-й госпожа Демина не преминет похвалить себя за «удачно» сделанный ею ранее капитальный ремонт.

Обстановка «под бассейном» была не из легких. В январь-феврале клиентов было так много, что выручка со 100 рублей подскочила под полторы тысячи в день. Особенно докучали неорганизованные группы местных хулиганов. Они приходили сюда не столько ради любви к плаванию, сколько во имя развлечений друг с другом или с оказавшимися в бассейне девчатами. Воспитанники 32-школы Олег Кочергин и Павел Изотов додумались до того, что без плавок, нагишом подныривали под обезумевших красавиц и имитировали близость. За такую «шалость» у них мною были отобраны «Пропуска».

В наведении порядка мне мало помощи оказывали мои коллеги. Лаборантке Людмиле я вынужден был заметить: «Если не желаете помогать, так хотя не мешайте». Эгоистичная натура сорокалетней дамы не переносила критики. Ее раздражительность по отношению к ленивому Сергею Спирину перенеслась и на меня. Банщица Татьяна подсовывала мне своих пьяных родственников, коих доводилось купать, разумеется, бесплатно.

Инструктор — аспирант Алексей в свою очередь больше интересовался «выручкой и билетами», чем дисциплиной подростков. Один лишь мой друг, слесарь Громов сумел выявить юного вора, копающегося в чужой сумке. Однако от краж пострадали

не только клиенты. 31 января был «уведен» мой транзисторный приемник — подарок зятя.

16 февраля к Спирину нагрянули трое уголовников. Они проделывали в бассейне то же самое, что ранее подростки Олег с Павлом. К тому же оскорбили зама бригадира и саму госпожу Новикову. Сергею Георгиевичу пришлось писать «объяснительную». В ней он сообщал, что трое его клиентов были допущены в бассейн пьяными и что они ударили его в грудь. Позже лаборант Кириллина доложит заведующей, что хулиганы, с которыми она лично беседовала, Сергея не били, а лишь напоили водкой. А раз он врет, то в будущем, они его обязательно побьют.

С 17 февраля резко возросли цены за банные услуги. Для обычных граждан: до 35 рублей, для пенсионеров до 22. В бассейн для взрослых: с 20 до 30. А для подростков до 18 лет с 10 до 15 рублей. Самым дешевым оказывался «душ» — 18 рублей за помывку.

В бане, наряду с массажной, парикмахерской, залом аэробики, появились кабинеты для прорицательницы — колдуньи и «Солярия».

Открылась на 2-м этаже комната отдыха, что ранее принадлежала банщикам. Цена в ней составляет 40 рублей за 2 часа. Выгода ничтожная — пять рублей, что не окупит и за год растрат на ее ремонт и оборудование. Ключ от нее выдавали бригадиры непосредственно клиентам, минуя банщика. Однако, 19 февраля, не дождавшись разгулявшихся отдыхающих, Ирина Ивановна послала меня в помощь к Ивану Гришину. Поднявшись на 2-й этаж, я открыл дверь и увидел, моего коллегу, мирно распивавшего с клиентами спиртное. Закусывая селедкой, он сообщил мне, что никого не собирается выгонять — это забота бригадира, а не его.

19 февраля, заглянув в кассу управления, я застал бывшего товарища слесаря Корнеева. Николай Иванович пришел, чтобы получить расчет, как «сокращенный по штату». Завязалась беседа.

— Был недавно, в 5-й, — говорил он, — слесарь Катин уже там не работает — выпить было не с кем. Распоряжается всем Шахова. В подручных у нее Тихонов. Девчата бегают туда — сюда. Все, в том числе и Лидия Сергеевна, ходят угрюмые. Видно невесело им там живется.

— А ты не жалеешь об уходе? — спросил я.

— Нисколько. Скоро весна. Дача, огороды. Забот хватит. Зятю надо помогать.

— А с Яковом Серафимовым, не видишься?

— Как же! Недавно беседовали.

— Это он меня «под бассейн» подвел, — посетовал я, — за что в 5-й меня обвинили в предательстве.

— Не жалей, — засмеялся Корнеев, — и там жизнь — не сахар. Была б шея, а хомут всегда найдется. Кстати, Яковлев хочет вернуться из ремонтной бригады на постоянную работу — обслуживающим слесарем. Ему надоела пустая беготня по трем баням.

— Про это и я слышал, — сказал я, — пожимая на прощание руку своему товарищу.

Остается добавить несколько строчек о вновь обретенных друзьях из бригады Стариковой. Ими стали 52-х-летний симпатичный электрик Гвоздев Александр Иванович и крепко сложенный 46-летний слесарь Громов Николай Егорович. Их апартаменты размещались в подвале дверь в дверь с комнатой банщиков, где мы с Сергеем обитали вдвоем, так как другие банщики не захотели менять своего места обитания. Дело дошло до того, что протеже главного инженера словесник Евгений Гошин и вечный говорун Алексей Телегин ходили на прием к Генеральному шефу, чтобы отстоять перед Новиковой свое право.

Гвоздев живет на кольце третьего трамвая, и мы часто с ним оказывались в одном вагоне. Александр Иванович не терпел хищную породу банщиков — выпивох и справедливо считал, что воду мутит Гошин, спаивая сотоварищей самогоном.

— Он пользуется тем, — говорил он, — что у нас нет настоящей заведующей. Не то им всем было бы место не в бане, где они провоцируют попойки и нарушение режима, а на улице.

Жена Николая Егоровича, Галина Громова, ранее была три года заведующей 1-й и сегодня, работая на складе, дружит с Ириной Ивановной, которая как-то в сердцах призналась ей, что коллектив у нас плохой.

— Отчего ему быть хорошему? — резюмировал Громов, — тут уж, как в пословице: »Какие сами — такие и сани».

Громов — эрудит. Имея среднетехническое образование, он за счет личной подготовки достиг больших знаний во многих областях знаний. Доказательство тому — отличные успехи в разгадывании самых замысловатых кроссвордов и сканвордов. По этой части ему намного уступают такие наши интеллектуалы, как слесарь Серафимов и словесник Гошин, не скромно как-то заявивший, что он — самый умный человек во всей 1-й!

О себе, несмотря на мои два Университета я сказать подобное не могу: не по Сеньке шапка.

Удивительно, но факт. Мы с Громовым во многом похожи и по складу характеров и по взглядам на обстановку, как в стране, так и в нашем родном коллективе.

Симпатичен мне Николай Егорович, жаль только, что он по его собственному признанию, как некогда великий Лев Толстой, который более всех русских поэтов уважал Пушкина.

Глава шестая

РОКИРОВКА

*О, судьба!
Как бы не было туго
Ты в беде не бросаешь меня.
И сегодня,
как верного друга,
Возвращаешь на круги своя.*

В четверг, 27 февраля зав. Новикова вызвала меня из раздевалки для личной беседы.

— Иван Данилович, — начала она разговор, — с 3 марта вы возвращаетесь на свое место — на второй этаж, а управлять «бассейном» будет Мальков.

— Как? — удивился я и засмеялся, — это на один день.

— Почему? На постоянное время.

— Да Мальков пойдет к Генеральному директору, расплатится и с него как с гуся вода.

— К Гарину он не пойдет. Тот резолюцию на докладной бригадира Никоновой поставил визу: »Уволить!».

В подробности конфликта между Глафирой Ивановной и «бугром» я вникать не стал, и распоряжение зава принял к исполнению. Так, совершенно случайно, спустя два с половиной месяца (с 16 декабря 2002 по 3 марта 2003 — время работы в бассейне), я был возвращен «на круги своя».

Мария Алексеевна Светлова, узнав об этом, без обиняков бросила: «Зря эту канитель разводили. Я давно говорила, что ваше место в «Русской бане».

Слесарь Николай Громов был расстроен из-за того, что я теперь буду в другой бригаде, и ему не с кем будет разгадывать кроссворды.

— Мы вам отдаем хорошего человека, — сказал он Глафире.

— Умного, и доброго, — вставил слово электрик Александр Гвоздев.

— Да я разве сама не знаю, что Иван Данилович — порядочный человек, — встряхнула головой бригадир, — не то, что этот поганый Мальков. Уж как он меня только грязью не поливал, по случаю 23 февраля. Это я, дескать, «пьянку» организовала.

В последний день февраля на бригадира Старикову любители пара написали «телегу». Причем под диктовку банщика Анатолия Крайнева они противопоставили ей Никонову, как обходительную, а не такую грубую, как она, бригадиршу. Зная мстительный характер Антонины Николаевной, я посоветовал Крайневу, чего ранее сам просился, на перевод.

— Хорошо знаю — худо мне будет. До пенсии не дадут доработать, — заскулил в обиде товарищ, — а пар впрямь плохой. На этот счет пусть слесари с главным инженером отвечают, а не я. Упрека бригадира, что я безбилетных, пропускаю — это ее выдумка. Она стоит на входе, так пусть сама и контролирует. Тут «четверговские» — любители задерживаться до 12 ночи наосточертели. Ночую в бане, вместо дома, и все из-за них. Я четверга, когда они моются, как черт ладана боюсь: угрожают, уже раз водою облили.

Теперь обещают вниз головою по лестнице спустить. И все из-за приглянувшихся им девчат — уборщиц. Те же голых мужиков не боятся и за словом в карман не лезут — развратницы.

Бригадир Никонова в период моего первого, после возвращения дежурства, призналась: «Бабы то наши покувыркаются с клиентами вздумали. Особенно это молодая, Галина. Правильно вы говорили о замене. Пригласила я как-то Новикову помочь выгнать загулявших посетителей. И что же? Только хуже себе сделала. Я выхожу из себя, а Ирина Ивановна села на скамейке в предбаннике и молчит».

Я вспомнил довод ветерана первой бани Токаревой Любовь Васильевны, 23 года отдавшей во славу чистоты и порядка: «Нет у нас настоящей заведующей! Ирина — пустое место! За широкой спиной своего вельможного свекра прячется. Муж так же «шишка» — в администрации Северного района работает. Их и Гарин боится, не то давно бы выгнал Новикову. От нее только вред. Ни собраний, ни работы с кадрами. Видно вверху очень уж хотят, чтобы в 1-й порядка не было. Банщики — одна пьянь! И бабы не лучше! Ясно одно — под банкротство подводят, как 5-ю. К примеру, зачем Малькова, этого подхалима — татарина, сразу Ирина не уволила, а под бассейн перевела? Известно же, что он пакостить и тебе и другим будет, чтобы опять к деньгам вернуться».

Как в воду смотрела ветеран. 17 марта, в санитарный день, мы с бригадиром и уборщицами пришли в ужас: все объекты «Русской бани» были в грязи и мусоре. Дежуривший накануне Гришин, изрядно выпив, по случаю дня работников коммунального хозяйства (16 февраля, воскресенье), оставил после себя настоящие авгиевы конюшни.

Мальков явился к нам, торжествуя. Еще бы! Ивана распекали все кому не лень, а зав пригрозила увольнением, вот он и пришел, чтобы знали, что он всегда готов заменить оступившегося. Я не выдержал, и отругал наглеца, обвинив его в воровстве и сутяжничестве. Анатолий Крайнев, присутствуя при нашей перепалке, широко раскрыл от удивления глаза. Протянул и крепко пожал мою руку:

— Спасибо, Данилович! Справедливо и смело! Я так не могу. Характер слабый, а он мне давно плешь переел. Все украл: и молчалки, и бритвы, и мыльницы, и тапочки. Плюшкин проклятый!

У него, весь дом и гараж, всяким баннным тряпьем доверху набиты — на тачке не вывезешь! Меня на полторы сотни накрыл. Бутылки мои сдал и пропил — крохобор несчастный!

На прощание Мальков решил сделать мне больно и заявил, что меня в коллективе не любят. Сам же, истинный сплетник. Говорит, как-то, что наш молодой красавец электрик Александр Гвоздев со старою банщицей Любовью Токаревой романы разводят. У них, мол, разврат на уровне сатирика Максима Галкина с Аллой Пугачевой. Нам, что до того? Если их дружба на пользу делу, так я это только приветствую. Но грязь лить зачем?

— А я Ивана Даниловича, тезку своего, больше всех уважаю и люблю, — обнял меня за плечи, присутствующий при нашем разговоре, Иван Лаврентьевич, — хотя он, как и со всеми, со мною не пьет.

— Иван! — окликнула Гришина уборщица Галина, — ты это что половую ориентацию поменял — мужика обнимаешь?

— Данилович — мой друг! И я его ни на кого из вас не променяю. А «бугру» я давно пообещал морду набить. Черт корявый! Вон вчера, смотрю телевизор и вижу на манеже, как Иван Данилович приз получает. Молодец!

Действительно, 15 марта на манеже (Дворец спорта) состоялись спортивные соревнования по случаю Дня работников коммунального хозяйства. В празднике спорта приняли участие и активисты первой. Гвоздев нес плакат. Кто-то упражнялся с двухпудовой гирей (два раза поднял ее и я), кто-то играл в футбол и волейбол. Мне предстояло сразиться в шашки — не зря же я играю в них с компьютером. И нередко обыгрываю эксперта — мастера спорта. Однако к игре меня не допустили по случаю того, что нашу команду представлял 9— летний сын бухгалтера предприятия Ирины Игорь Ломакин. Будучи перворазрядником этот малыш обставил всех 20 человек соревнующихся. Приз за первое место главный инженер Сергей Анатольевич Рязанцев поручил за Игоря получить мне, что я и сделал.

— Мой сын участвовал во всероссийском соревновании по шашкам среди юношей в возрасте с 7 до 14 лет и из 300 человек занял 9-е место, — делилась своею радостью со мною мама Игоря, Ирина.

— Талант! Самородок! — похвалил мальчика я.

Так волею случая, я оказался в объективе телекамеры. Эту картинку Иван Гришин и увидел с экрана.

Следует отметить, что в этот же день были вручены и другие премии. За добросовестный труд их получили трое: слесари Николай Сергеевич Громов и Владимир, замещающий временно Алексея Васильевича, а так же банщица Токарева Любовь Васильевна.

— Тебе, Иван Данилович, премию дадут в следующем году, — улыбаясь, сказала она.

— Спасибо на добром слове, — недоверчиво бросил я, — каким — то он будет следующий праздник?

17 марта я посетил бассейн. Ремонтники покрасили часть потолочного перекрытия — до завершения далеко. Встретив меня, Мальков не преминул заметить:

— К себе не пускаешь, а сам ко мне бегаешь!

Спокойно ответил:

— Я делами интересуюсь. Тебе же вручили ключ от комнаты банщиков, вот там и переодевайся, а не у женщин на 2-м.

Бригадир Никонова, прощаясь со мною, сказала:

— У вас еще есть отгулы. Возьмете два дня на следующей неделе. Гарин дал указание всем давать отгулы, а за переработку оплачивать не будет. Кстати сходите в управление и получите зарплату.

Бегу в кассу. Расписываюсь. Радуюсь. Со всеми премиями за февраль у меня вышло — две тысячи. Не плохо!

Заглядываю на базар. Покупаю по просьбе внучки за 40 рублей плюшевого зайчика. Набираю ворох гостинцев и направляюсь к дому.

Едва открывается дверь, как моя любимица Настенька весело бросается ко мне, с вопросом:

— Что принес?

Хватает из рук подарки и радостно бежит в комнату тещи:

— Бабушка, смотри, смотри, что мне дедушка подарил!

— Ого! — восторгается Вера Андреевна, — сколько гостинцев и тебе и мне. Как же такого дедушку не любить: и сказки читает, и подарки дарит, и гулять водит!

Глава седьмая

КЛИЕНТЫ

*Извольте несколько портретов
Людей чиновных и простых.*

Мужское отделение «Русской бани» ежедневно посещают от ста до двухсот человек. Наибольший наплыв посетителей наблюдается в льготный день, выпадающий на вторник, когда моются преимущественно пожилые люди и в воскресенье — канун рабочей недели. Выручка в эти дни превышает три тысячи рублей.

Клиенты случаются разные: грубые и покладистые, молчуны и говоруны, симпатичные и не очень. Одни — истинные любители — парятся со вкусом, порою, одновременно двумя вениками, а другие предпочитают лишь просто освободиться от грязи.

Одни пребывают в бане по 4-6, при норме — два часа, а некоторые успевают сделать свое дело и за час-полтора.

Такие, как высокорослый, средних лет мужчина по имени Сережа, моется два-три раза в неделю и обязательно перед «сеансом» самолично выметает и промывает парилку. При этом бросает на раскаленные кирпичи полынь или добавляет хвойный и иные жидкости — пахучие экстракты, а другие пользуются лишь плодами «творчества» своих знакомых.

Большинство удовлетворяются лично заготовленными вениками, все больше: березовыми, дубовыми, хвойными, ивовыми. Другие покупают их в кассе по 35 рублей за штуку. Считается, что пользоваться ими можно лишь один раз. Во второй-третий эффект сокращается, так как вымываются полезные вещества, а потому банщики продают ранее использованные веники по десять рублей. Некоторые выпрашивают их всего за пятерку. Эти посетители не углубляются в рассуждение о выветривании эфирных масел, им лишь только горячий воздух погонять, не более.

Есть любители совмещать мойку в «Сауне» и «Русской бане». Среди них выделяется некий Шурик, который сам себя величает баламутом — трещит как сорока. Молодой с редкими усиками под острым носом он по несколько раз, то опускается с третьего этажа

на второй, то убирается обратно в «Сауну». Шутки, прибаутки, анекдоты он рассказывает походя. Голос у него, как у ротного запевалы — шумит, что ветер в трубе.

Пенсионеры — политики. Среди них выделяется своим обстоятельным мышлением бывший начальник автомобильной колонны № 1141 Иван Иванович, седой семидесятилетний старик с портретами Ленина и Сталина на груди и с незнакомой мне татуировкой на правом плече. Он запомнился тем, что организовал письмо — протест на имя вице-губернатора Велихова, осуждающее решение Гарина сократить работу 1-й — в субботу, на три утренних часа.

— Мы хотим мыться, как прежде с 7-ми, а не с 10 — ти, — убеждал он высокого чиновника, своего старого знакомого по прежней работе.

— А ты что? Там моешься? — удивился Ефим Иванович.

— А, где мне, старому пенсионеру мыться? — обиделся Иван Иванович, — я же не вы, с девками, не балуюсь в персоналке. И годы, и доходы не те.

— Ладно, ладно, не груби, — успокоил его Велихов, — вот тебе моя виза, отправляйся в мэрию к Арину и скажи ему, чтобы до 1 мая вас не беспокоили. В мае же пусть проведут анализ посещаемости и решают по своему усмотрению.

Об этом визите подробно, в лицах, Иван Иванович, и поведал своим обрадованным товарищам — письмо подписали 20 человек. Так добился своего старый, но еще крепкий ветеран — не гнувшийся, словно могучий дуб, под холодными ветрами бытия.

В бане, как в морге — все равны. А потому здесь не стыдились крыть почем зря — Гайдара и Чубайса до Березовского и Абрамовича «умыкнувших» богатства некогда великой России.

Доставалось и местным властям. Когда 1-ю, а это произошло 8 апреля 2003-го, посетил мэр, то один из раздосадованных высокой ценой билетов, прямо спросил его:

— Вы, цены на мойку взвинтили до 50 рублей? Все будете ссылаться на высокие тарифы за свет и воду, пар и газ? И еще повышать будете?

— Пока не планируем,— был ответ.

Об этом нам поведала бригадир Никонова, когда я со слесарем Алексеем и электриком Юрием относили белье в прачечную. Однако Глафиру Ивановну больше беспокоил не этот инцидент, а поведение так называемых «четверговских» клиентов. Некий таксист Дима, рабочий Мясокомбината Юрий и предприниматель Валентин так влюбились в молодую уборщицу Галину, что ради нее готовы были часами высиживать в бане. Дошло до того, что они облили водой банщика Крайнева — за строптивость. Он из-за них вынужден оставаться в 1-й ночевать — не успевает уехать в микрорайон на троллейбусе. Я не принял на хранение документы, так Дима, каждый раз, за то изрыгает в мой адрес всяческие ругательства.

Юра взломал запоры запасной двери, надеясь найти свободный выход. Зав Новикова повесила там контрольный замок.

О проделках «четверговских» я рассказал капитану ФСБ, моему бывшему ученику городской школы Карпову Игорю Алексеевичу. Тот навел справки. Оказалось, что хулиганы не входили, в так называемую, группировку Владимира Петракова. Она же состояла из 600 человек. Контролировала рынки и предприятия Орла, Мценска, Дмитровска, даже Брянска.

— В любом случае, — заверил меня Карпов, — Петраков также ваш ученик и поможет с ними разобраться.

Интересным клиентом оказался и старший лейтенант Николай Фролов. Молодой, ему нет и тридцати, сын генерал-лейтенанта, зама Велихова по транспорту.

— Мы построили шесть гаражей и продали их, — рассказывал он, — у нас есть четыре автобуса, что в неделю дают 28 тысяч рублей дохода. Я 6 лет попал в автокатастрофу, до 16-лет жил в коляске. Учили на дому. 11-ку закончил с золотой медалью. После операции проведенной в Германии под патронажем самого канцлера Коля стал ходить. Окончил юридическую школу, в Орле. Теперь здесь живем и работаем. Отец прослужил 36 лет. Он Герой Советского Союза (за Афганистан).

С «четверговскими» у меня завязаны деловые отношения. В частности Валентин занимается обустройством кузовов «Нива».

Велихов был на моей свадьбе и на юбилее тети. У меня пятилетний сын.

Николай Фролов пообещал мне помочь пройти техосмотр. Но последнее время я его перестал видеть в бане — видимо задерживают дела.

Согласно приказу Генерального я не принимаю на хранение в сейф вещи ряда клиентов, за что на меня сыплются порою обиды и угрозы.

Молодой базарный деятель Саша с черной бородой. Он посещает 1-ю с двумя подростками — сыновьями. Запомнился и чернявый молодой массажист Володя. Добряк, но за хранение документов не заплатил. Так же поступили и предприниматели фирмы «Русские окна» Евгений и Андрей.

Вот и верь людям.

7 апреля к нам заглянула начальник планового отдела Щербакова Светлана Андреевна с главбухом. Она убеждала, о необходимости введения КТУ. О распределении премии по качеству труда. С ее мнением многие не согласились, ссылаясь на то, что ею будут пользоваться одни любимчики заведующей.

Гарин, на этом же собрании, объявил о начале поэтапного ремонта в бане и о новом сокращении. На первом месте среди кандидатов на увольнение — пенсионеры. Он ввел должность зама зава по строительству.

Заболел банщик «Сауны» Евгений Гошин. Его замещает Гришин. Однако ключи от раздевалки ему не дали. По этому поводу между бригадиром Никоновой и мною произошел серьезный разговор.

— Зачем вы унижаете недоверием Ивана? — упрекал я бригадиршу.

— Дай ему ключи, а он в комнату собутыльников станет водить, — объяснила Глафира Ивановна.

Глава восьмая

САТРАПИЯ

*Сатрапия — край, вверенный
управлению сатрапа.*

Из словаря.

*Как много в «Горе от ума»
Созвучий с нашим бурным веком!
Как прежде, Фамусовых — тьма,
Стал вор милейшим человеком.
«Духовной жаждою томим»,
Доносчик заново в работе.
Выходит в люди подхалим,
И лесть, как месть,
В большом почете.*

Василий Катанов.

«Богатырская застава»

В День радио, утром, 7 мая, Гендиректор Гарин представил коллективу дежурной бригады Никоновой новую заведующую баней №1 Демину Александру Никитичну, бывшую ревизоршу и коммерческого директора. Он, в частности, сказал:

— Александру Никитичну вы все хорошо знаете. Она уже работала у вас в том же ранге. Что касается Ирины Ивановны, то она переходит ко мне замом по общим вопросам.

— Что-то, Вы часто меняете у нас начальников! — недовольно бросила одна из молодых банщиц по имени Тоня, — не успеем к одной привыкнуть, как Вы навязываете другую.

— Такова производственная необходимость. Скоро начнем ремонт в женской душевой, бассейне, на других объектах. Многие пойдут в отпуска. Без содержания есть возможность их продлить до 1 сентября.

— А жить на что? — бросил кто-то реплику.

— Что поделаться. Идет плановое сокращение штатов. В частности, в прачечной, оно уже прошло.

Обескураженная, всеми сразу забытая, утрюмо, в уголке, стояла госпожа Новикова. Она, дабы не потерять лицо, обратилась к бывшим своим подчиненным, сказала:

— В случае нужды, приходите ко мне — за помощью и советом.

Однако слова ее упали в Лету. Все хорошо знали, что ни одного вопроса решить она не в состоянии из-за полной некомпетентности. На этом и закончилась миссия главного шефа.

Прибывший на помывку в баню, личный водитель Гарина, ржежусый молодец Александр дал свое видение положения дел.

— Демина, работая ревизором МУП БПХ, — сказал он, — на протяжении последнего года травила зава 2-й, 45-летнюю Бокову Татьяну Николаевну, писала на нее длинные реляции о неполадках. Жаждала занять ее место. Но не вышло. И муж не помог. Он во 2-й подвизался сторожем и о слабых звеньях постоянно докладывал — доносил своей суженой. Не помогло. Бокова оказалась неприкасаемой. Не просто было освободиться и от зава 1-й, ведь Новикова имеет волосатую руку в верхах. Вот и было найдено Соломоново решение, чтобы и волки были сыты (под волком, конечно, он подразумевал Демину) и овцы целы: Демину к вам, а Новикову — на повышение. Так сказать назначили «министром без портфеля». И заключил, будто кол вбил:

— Александра Никитична — злая дама! С ней вам будет тяжело.

12 мая, в санитарный понедельник, к нам заглянул слесарь Серафимов. Он остроумно заметил, что наступил период сатрапии. Демина, по натуре своей — администратор — самодур, деспот. Она, по его мнению, не менее жестока, чем некогда в древнем Персидском царстве — наместники областей (Сатрапы).

Предсказания водителя и слесаря сбылись. В тот же пресловутый понедельник новая зав устроила нам настоящую головомойку.

— Опять грязь развели! — бушевала она. Тут же я был отстранен от шаек и направлен мыть диваны. Попутно в мою обязанность входило открывать и закрывать окна зала, многие ставни которых не имели петель и держались на ржавых гвоздях. Откры-

вая одну из них, я едва не свалился вместе со створкой, навзничь, на каменный пол, благо меня поддержала одна из двух банщиц бассейна, не то бы не миновать реанимации.

Анатолию Крайневу был дан нагоняй за плохо помытые стены. Хитроумный «бугор» Мальков спрятался от гнева начальницы под настил парилки, не подавая признаков своего присутствия.

Когда я осмелился высказать свое мнение, что нам нужна уборщица, вместо выбившей Полины и я, на ее место предлагал свою знакомую Иванову Анну Ивановну, то Дмитриева сурово отреагировала:

— Мне ни уборщицы, а хорошие банщики нужны!

— Где же найдет, золотых? — буркнул себе под нос Мальков, — может с 3-го этажа, Телегина и Гошина переведет к нам, на второй, так они отказались от такой напасти еще в октябре.

О том, что у нас самый тяжелый участок работы, я пытался, по святой наивности, вбить в голову новой заведующей. Упомянул о злополучных вениках, о ненужности доски учета клиентов, о поле в ямах, где постоянно собирается вода, об окнах без петель, о каморке без окон, которую банщица Татьяна Фомина назвала закутой для телят. При этом она заметила:

— Будки для собак и те делают с окошком, а вас, банщиков, поселили в каменный склеп, полтора метра на полтора, где и прилечь нельзя. Сегодня преступников и тех содержат роскошнее.

— Не нравится — можете уходить. Никого не держу! — услышали в ответ.

Когда я поведал дома о сложившейся обстановке жене, то она высказалась более определенно:

— Будут унижать, то не терпи, поворачивайся и уходи! Найдешь другую работу, если захочешь. А нет — отдыхай! С тебя и пенсии хватит!

— Тебе можно уходить, — угрюмо посетовал сменщик Крайнев, — а мне где еще два года до пенсии работать? Ума не приложу.

Мне же, в этой связи, припомнились слова моей любимой бригадирши:— Она на подчиненных смотрит, как жандарм на толпу — с ненавистью и пренебрежением. Сатрап и есть сатрап».

Каковы люди — таковы и правители. Не будь баранов, не было бы и волков.

Добрые отношения у меня сложились со слесарем Ильиным. В знак благодарности за работу я частенько угощал его и водкой и пивом. Он даже мурлыкал от удовольствия и сетовал на режиссера Гошина, который никого не привечает, в отличие от меня, а за такую жадность его, дескать, в коллективе и не любят. Любовь, однако, понятие абстрактное. 15 мая мы с группой рабочих оказались у заветного окошка кассы — выдавали зарплату. Когда я назвал кассиру свою фамилию — Ракитин, то стоявший в очереди у стены Ильин издевательски бросил: «Почему не дуб? Ха-ха-ха!!»

— Зайдешь ко мне, поговорим! — обиделся я.

— В твой кабинет?! — съехидничал стоявший с ним рядом молодой и рослый электрик Юрий.

— Зайду, дуб, — вновь оскорбил меня Ильин.

— Зачем ты так? — оборвал его Гошин, — Иван Данилович, не дуб, а биолог, Он в травах, что аптекарь — все хорошо понимает. За то его и клиенты уважают.

— Все дубы раките — родственники, — отшутился я.

В течение двух дней дежурства слесарь пытался загладить свою вину, извинялся. Объяснял, что это он так к слову и что я зря обиделся.

— На обиженных волах, воду возят, — ответил я. Мне многое хотелось сказать Алексею Васильевичу. О том, что «не поя — не кормя — врагов не наживешь!». Или отделаться фразой поэта Тютчева: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется!». Но я решил казнить своего обидчика молчанием, ибо мне опять стало жаль его. И вот почему. Еще, казалось, совсем недавно, в конце апреля произошел с Ильиным довольно неприятный казус.

Запах краски из бассейна, где красили потолок, проникал через щели двери на третий этаж «Сауны». Здоровяк — клиент по имени Володя возмущился таким положением и потребовал убрать ядовитый запах. Бригадир Никонова послала Ильина и банщика Гришина обить злополучную дверь дерматином. И банщик, и слесарь были выпивши. Самое неприятное то, что начали свой загул они у меня, а позже добавили в слесарной. Так вот, когда

клиент стал делать им замечания, то Ильин, по обыкновению, грубо послал его «на хутор бабочек ловить!». Клиент в гневе ударил обидчика тазом по голове. Кровь забрызгала не только выдавшую виды спецовку слесаря, но и пролилась на халат, стоявшего рядом банщика Гришина.

В данном случае, прав Тютчев, грубое слово отозвалось лихой мезтью.

Бригадир вызвала милицию. Банщик «Сауны» Гошин посоветовал клиенту срочно ретироваться. Прибывший на место происшествия сержант УВД, виновника кровопролития, на месте уже не застал. Тем и закончился инцидент.

Я предлагал Ильину снять экспертизу. Обратиться в суд. Он отказался. Струсил. Сам виноват — пьяным был. Но после драки кулаками махать вместе с дружкой Юрием они были всегда готовы. То требовали от Гошина назвать имя клиента. То настаивали указать адрес, грозя, что у них есть ребята, которые смогут его обидчика отдубасить. Евгений Викторович не зря слывет мудрецом, на их слова только рассмеялся: «Не надо было оскорблять!». И был прав.

15 мая, в «Русскую баню», неожиданно заскочил мой приятель Шмелев. Сергей Иванович сообщил горькое известие, что вчера они хоронили Татьяну, жену Валерия Часовитина. Искали меня, но не нашли — я был весь день на даче.

Сергей остался купаться. В 19.00 явились «Четверговские». Дима устроил скандал по поводу моего отказа положить в сейф его документы. Угрожал расправой. Взяли у бригадира книгу жалоб и настрочили, что я не убираю парилку. Валентин, Юра, Саша с сыном потребовали объяснений от Глафиры Последняя, вместо того, чтобы проявить власть занялась словоблудием. Они же нагло демонстрировали перед нею свои половые прелести. Бригадирша в ответ, лишь смеялась, прибавляя: «Вот удивили? У моего мужа я видела то же самое!».

Кончилось все тем, что наглицы вновь вместо 2-х положенных часов помывки провели в бане целых 4-ре. Дождались прихода ночных уборщиц. Развели с ними амуры, тем самым мешали убирать парилку. В результате я получил ожог руки и ноги — фла-

нирывать между раскаленными малиновыми от жара, трубами и ограждением было неудобно и тесно.

Сторож Владимир и мы со Шмелевым наблюдали, как в 12-м часу ночи «Четверговские хлопцы» настойчиво ждали своих подружек уборщиц — автомобили их, с притушенными фарами, стояли на приколе у ворот бани.

— Ничего — сказал сторож, — вот зав вылечиться от ангины, во всем разберется с Галей и Светой — выгонит их с работы.

Во время дежурства, 16 мая, Мальков выдаст резюме:

— Галина давно с ребятами крутит. И мужа и ребенка по боку. А с «Четверговскими» ничего не сделаешь! Они с милицией связаны — все куплено. Как издевались над банщиками, так и будут дальше хамить. Сергея дважды били. Толика Крайнева в марте то же отлупили. Меня с тобою грозятся избить. Бригадиршу Старикову припугнули, а дура Глафира перед ними заискивает. И Демина, как ранее Новикова, ни чего с ними не сделает. Все будет по-прежнему. На силу сила нужна! А, где она, если Александра Никитична только перед банщиками сатрап, а перед истинными «крутыми» — заяц! Справедливо высказался, на этот раз, семидесятилетний банщик Мальков. Как говорится, и на старуху бывает проруха. Сам командовать любил, но других сатрапов, он — терпеть не мог.

Глава девятая

ИНТРИГИ

*Черна их лживых душ изнанка,
О них поведал бы сатир,
Что обе дамы — интриганки:
Уборщица и бригадир!*

Надо было случиться такому, что обеих дам — уборщицу и бригадира пленяли самцы — атлеты. И обе они — красивые. Правда, уборщица Галина открытым текстом утверждает, что она

все же краше Глафиры — и румяней и белее. Совсем, как в известной, Пушкинской сказке!

Галя на полтора десятка лет моложе своей руководящей соперницы и, следовательно, спрос на нее гораздо выше.

Не ошибусь, если скажу: обе не уступят друг дружке по лживости и коварству...

Бригадир, возмущенная похотливыми играми уборщицы с мужчинами не раз заявляла, что уберет эту распутницу из бани. Вот только зав баней все что-то медлит. Галя с подружкой вместе курят и мужчин любят. Пошепчутся. Сомнут в кулаке хрустящие купюры, сбегают в соседний магазин за спиртным и юркнут в просторное такси. Там и попеть можно:

Расцвела сирень — черемуха в саду,
На мое несчастье, на мою беду...

Задержались банщики по их милости на час-полтора и более. Когда Крайнев пытался подруг урезонить, но они, напоив его, тут же ему дали, руками дружков, несколько зуботычин. После чего он бегал к сторожу Владимиру за подмогой. Не получил и присмрел.

— Пойдем к Гарину, расскажем о наших несчастьях. Глядишь — поможет, — предложил я.

— Не пойду. Не поможет. У наших врагов — крыша милицейская есть. Гарину ее снять не по силам.

— Не хочешь бороться, тогда не жалуйся напрасно. Они на нашу трусость и рассчитывают.

Тот же Дима, взбешенный в очередной раз тем, что я не принял его документы на хранение, зло шипел:

— Принципиальный нашелся. Я тебе так дам, что до пенсии не доживешь! Ах, дожил! Тогда пенсии на лекарства не хватит. Ты, не мешай мне развлекаться, не то получишь леща!

— Что? — спрашиваю, — бить будешь? Бей!

Выругавшись в очередной раз, Дима оставил меня в покое.

Возмущенный тем, что бригадир не выполнила своего обещания и впустила уборщицу к сообщникам — клиентам, я не сдержался:

— Почему, Галя, здесь? — спрашиваю, у появившейся, в моечном отделении бригадирши.

— А, как ее удержать, если она сама рвется, — был ответ.

Вы за это издевательство ответите и за обожженные руку и ногу то же, — шумел я, — ваша политика умиротворения ничего хорошего не приносит.

— И не подумаю! — взорвалась бригадирша.

— Галя!! — обращаюсь я к уборщице, — почему ты по четвергам не приводишь с собою мужа, как ты это делаешь по вторникам, когда моются пенсионеры?

— А со мною по четвергам моя золовка ходит. И вообще это не ваше дело!

Этот разговор произошел 29 мая (в этот день мясник Юра, некогда взломавший дверь, в поисках запасного выхода, домогался ее любви). А на следующий день 30 мая, когда в бане с визитом находился Дима, у нас так же произошел с бригадиром крупный разговор.

О происшедшем я рассказал своему другу Николаю Громову. Он выразился более, чем определенно:

— С нею я три года работал. В глаза правду не скажет, а будет все по углам нашептывать, людей на тебя травить. Не горюй. Вот придет после лечения в «Дубраве», зав Демина, она все по полочкам и разложит.

— Будем надеяться на ее порядочность.

Заметим, что, проработав в качестве зава 1-й всего неделю, Александра Никитична попала под нож хирурга — удалили желчный пузырь. По мнению водителя Сахарова, такое событие произошло из-за разлившейся желчи — она была такою злою. После операции Демину на поправку направили в санаторий «Дубрава».

В понедельник 2 мая я побывал в 1-й поликлинике, где хирург осмотрел мою загноившуюся ногу и дал указание медсестре сделать мне перевязку. Когда он предложил мне больничный лист я ответил:

Моя бригадир уговаривала меня, чтобы не потерять в зарплате, взамен больничного, взять отгулы.

— Дело ваше, — сказал врач.

4-6 июня я находился в деревне. Грустно. Мой друг и зять, некогда энергичный и жизнелюбивый Василий Илларионович Бондарев предстал передо мною в образе «живых мощей», так он исхудал за последние месяцы. В московской больнице вскрыли ему живот и зашили обратно. Рак желудка «съел» все живое. Было откачено 8 литров жидкости. И вот теперь моя сестра Антонина Ивановна сходит с ума от горя. Что делать с хозяйством? Как дальше жить? Эти проблемы стоят сейчас перед нею. 9 июня в отпуск приехал из Петербурга их сын с дочуркою Светой, ровесницей и подругою моего Максимки.

Прочитав мой очерк о редакторе Беликове, опубликованном в «Болховских курантах» 21 мая 2003, сестра вспылала желанием, чтобы после смерти я написал о Васе нечто подобное.

— Никто лучше тебя этого не сделает, — сказала она.

7 июня, по завершению дежурства, в моечное отделение пришла уборщица с мужем Сергеем. Он остановил меня жестом с требованием — поговорить.

— Слушаю.

— Кто вы есть?

— Рабочий, — отвечаю.

— Почему вы назвали мою жену проституткою?! — в голосе звучала угроза.

— Я ее так не называл.

— Как не называли? — завопила Галя, — я за дверью была. А вы с бригадиром в моечном отделении. Там и сказали. Что бригадира позвать?!

— Зовите.

— Глафира Ивановна! Идите сюда!

Через мгновение ока явилась сама царица (она нарочито стояла под дверью и подслушивала наш разговор).

— Вы и теперь будете отказываться!?! — негодовал Сергей, — вот свидетельница.

— Она не может быть свидетелем того, чего не было, — ответил я, — это все женские интриги.

Сергей стоял рядом, широко раскрыв рот. Он не знал, кому верить.

На следующий день, 8 июня Глафира Ивановна, видимо поняв, что дала маху, всячески старалась быть со мною как можно любезней. Я подыгрывал ей — не ломать же напрасно копыя из-за обычной склоки. После окончания смены произошло чудо. Уборщица Галя с мужем, который нес на руках двухлетнюю дочь, неожиданно пришли в баню. Несмотря на выходной.

Я выносил мусор, и на пороге столкнулся с бригадиршей.

— Иван Данилович, почему они сегодня здесь?

— Не знаю.

— Но, я сейчас пойду и с ними разберусь.

— Пожалуйста.

По возвращении с улицы, Глафира остановила меня вопросом:

— Вы будете мыться после уборки?

— Да.

— Так вот я им сказала, чтобы они, пока вы не уйдете, носы своего из комнаты не показывали.

— Спасибо, — такая заботливость меня обескуражила. Это была уже другая Глафира Ивановна, а не та, которая ранее с большим доверием выслушивала очередную сплетню Галины в мой адрес. Стало ясно, что между царицей и царевной пробежала черная кошка. И тут не последнюю роль сыграли моя твердость и самообладание.

Уверенность в победе над злом мне придала беседа с полковником Дмитрием Ивановичем, который теперь стал наведываться в центральную баню. Ему я искренне поведал обо всех злоключениях, вызванных поведением «четверговских».

Полковник, внимательно выслушав, посоветовал:

— Данилович, ты пошли их, если вновь будут приставать, на хутор бабочек ловить. А не поймут, скажи, что у тебя есть в УВД родственник и ему материала не хватает. А крыша их — дело пустое.

— Спасибо на добром слове, — поблагодарил я.

В санитарный день, 9 июня, уборщица Галина не вышла на работу. Мыла душевую за нее старушка. Нас было трое: Мальков, Гришин и я. Мальков ругал за глаза, ушедшего с 3 июня в отпуск,

банщика Крайнева, который по его словам, вместо работы подолгу играл на базаре «под интерес» с автоматом. А, проигравшись, клянчил деньги на выпивку.

— Пьянь, — шумел он, — меня на всю Ивановскую ославил, что будто я его неправильно информировал, когда нужно по субботам работать.

После отпуска явилась бригадир Антонина Николаевна. Заглянула на второй этаж, сделала нам с Гришиным замечание, чтобы лучше убирали парилку.

Глава десятая

ОТПУСК

*Бывает, что железо устает
И рвется, коль нарушен допуск.
Всему есть срок.
Настал и мой черед,
Чтоб отдохнуть —
Проситься надо в отпуск.*

Признаться честно: устал! Почти полтора года работал без отпуска. Летнюю жару трудно переносить в природе, а не то, что в бане. Хотелось в лес и на речку. Наведаться к сестре, в деревню. Как там себя чувствует Илларионович?

23 июня — исторический день. Два собрания — два митинга. Генеральный директор сетовал на казнокрадов, которые дважды используют одни и те же билеты. Отсюда — контроль. Входные чеки пробиваются компостером, чтобы избежать обмана. Гарин рассказал о проводимом ремонте в бассейне, на который необходимо еще изыскать 300 тысяч рублей, о сдаче в аренду подсобных помещений. Главная цель — выжить!

Как я не давал себе слово не ораторствовать, а измученный беспределом господ — четверговских, не сдержался.

— Почему мы каждую смену работаем до 23–24 часов, а должны заканчивать в 22? — задал я вопрос шефу, — нам приходится топтать пешком до дому. Более того, мой сменщик Анатолий Крайнев, по четвергам, ночует в бане — не успевает на троллейбус.

— Не знаю, — ответил Евгений Владимирович, — в десять вечера вас должны сменять уборщицы.

— Они порою уходят домой раньше нас.

— Кто же вас задерживает?

— Клиенты!

— С этим надо разобраться.

В диалог вмешался банщик Гошин. Вперив взгляд в смазливое лицо Никоновой, сказал:

— Клиенты наглеют, хулиганствуют, а бригадир, хотя бы что.

— А вы мне говорили об этом? — заволновалась Елена Ивановна, — когда у вас на третьем били слесаря Алексея Ильина, я милиционера вызвала.

— А я не за себя, за второй этаж говорю! — не сдавался Евгений Викторович, — там уже трем банщикам фонари поставили.

— Со вторым без тебя разберутся! — стояла на своем бригадирша.

Как признался мне офицер Николай Фирсов, его сотоварищи «начистили физиономию» банщику Сергею за то, что он сказал правду «четверговским»: они, дескать, мало того, что моются подолгу, но и сожительствуют с уборщицей.

Предприниматель Петров признался: раздавал зуботычины каждому по заслугам — за длинный язык.

— И Даниловича, — объяснял он Никоновой, — мы давно бы раздавили, да жалеем по старости.

— Не старость вы его жалеете, а трезвости его боитесь! — не выдержала Глафира Ивановна, — знаете, что отвечать придется.

В тот же понедельник, 23 июня, после санитарной уборки опять заседали. Второе за день собрание проводила сама госпожа Демина, она только что выписалась из санатория «Дубрава». Я вновь поставил вопрос о переработках по средам, четвергам и пятницам.

— За переработку будем давать отгулы, — заверила директор бани. Создадим бригаду уборщиц из 5— 6 человек. Они то и будут убирать вечерами все этажи подряд. Работа до 2 часов ночи.

— У меня ребенок маленький, — подала голос уборщица Галя, — я не смогу долго задерживаться.

— Это Ваши проблемы, — не сдавалась Александра Никитична, — Вы, когда устраивались на работу, должны были думать об этом, а не устанавливать свои правила.

— У меня по графику — в июле отпуск, — сказал я, — дайте бумагу, заявление напишу.

— Не забивайте голову. С 1 июля на отдых отправляется Гошин. Он уже в отделе кадров побывал. В июле 31 день. Появится возможность, и вас отпустим.

Внимательно взглядевшись в хмельные глаза моего друга, она резко приказала Ивану Гришину стать рядом с нею у раздевалки вестибюля, где проходило наше мероприятие. После окончания обсуждения насущных вопросов, Демина стальным голосом приказала:

— Иван Лаврентьевич! Сейчас же берите у Никоновой чистый лист бумаги и пишите заявление об увольнении по собственному желанию! Не ждите неприятностей. Комиссия во главе с Рязанцевым Сергеем Анатольевичем нашла вас пьяным на рабочем месте. Этот факт отражен в протоколе. Сегодня Вы опять на взводе! Пьяницы мне не нужны!

— Пожалуйста, — Гришин вздернул сутулыми плечами, — я всегда готов! Не пропаду! 1800 мне домой принесут! Был бы горб, а работа всегда найдется.

Так состоялось увольнение моего приятеля, а точнее всего изгнание из коллектива первой бани. Иван начал отсчет. Кто следующий?

Мальков торжествовал. Он становился необходимым. По крайней мере, на первых порах, пока не возьмут нового банщика. Объявления об этом уже были вывешены на видных местах.

Пришедший помыться бывший слесарь Богданчиков Николай Иванович резюмировал события так:

— Демина — властная дама! Я работал с нею и потому знаю. У нее слово с делом не расходится. Порядок любит Никого не по-

жалеет. У нее муж два инфаркта перенес, а и сейчас сторожит во второй. В другое время на даче, что на объездной дороге, потеет с косою в руках. Дом, хотя и двухэтажный, но скромный.

Я, однако, не боялся. И не только ее. К заму мэра Юрову ходил. Ставил вопрос по поводу украденной из бани мраморной плитки. Брат зама губернатора Велихова плиткой весь Орел обустроил. И сын Ефима Ивановича, что в Брянске живет, так же подвизается на этом же бизнесе. А сам высокопоставленный чиновник своим родственничкам протееже составляет. Так делаются большие деньги! Меня за мою правдивость и сократили.

2 июля, банщик Гошин на смену, не вышел. Я замещал его, работая одновременно на двух этажах. А 5 июля, в субботу, дежурил в «Сауне» уже новый банщик, некий, как он мне представился, бывший шахтер. Позже выяснилось, что 65 — летний Кузнецов, муж одной из банщиц, работал слесарем в 5-ей, из коей Уланова его и уволила за злоупотребление спиртным. Вездесущий, авторитетный электрик Гвоздев Александр Иванович рассказывая о Кузнецове, двусмысленно улыбался, не желая говорить всю правду. Но не такова Демина. Она прямо отрезала, что Кузнецова они берут всего на месяц, пока я буду в отпуске и не найдут нового кандидата.

8 июля Александра Никитична соизволила, наконец, выдать мне чистые листы бумаги и я, под ее диктовку, написал сразу два заявления: одно на отпуск, другое на отгулы.

С 14 по 19 июля я с косою в руках вышагивал по широкой поляне, которую начал выкашивать еще месяц назад.

Вдоволь мы с Максимкой порыбачили в Калиновском пруду и побродили с грибным лукошком по окрестным лесам. Набрали корзину белых грибов по-над родной речушкой Лобасынь. Много грибов мы отыскивали так же и в лесу, что в трех верстах от поселка.

По настоянию сестриных внуков-ленинградцев Саша и Светы мы ездили на реку Нугрь, под деревню Блошня. Спидометр накрутил 18 километров. Хотя и поймали много, но все больше мелочи — пескарей и верховодок. Рыбалка все же удалась и доставила много радости. А вот заготовка сена внуков сестры не вдохновляла. Саша так рассердился, что я выкосил дорогу к импера-

торской усадьбе, что отобрал у меня косу и в третий раз отказался приехать с телегой за свежим сеном. Эту работу выполнил за него мой повзрослевший и поумневший внук. Максимка очень жалел исхудавшего, и ослабевшего Илларионовича. Сам хозяин усадьбы распорядился, чтобы я с Антониной Ивановной привел в порядок мамину могилу. Будучи здоровым, он не говорил об этом. Теперь же, тяжело заболев, он задумался о добром и вечном. Родители мои заслуживали памятника. И я всерьез взялся за дело. С помощью моего неизменного друга Сергея Ивановича Шмелева приобрел памятник, и занялись мы с ним его внешним оформлением. Заполночь Сергей Иванович добился своего — отснял на компьютере со старого фото изображение, как он выражался, матери поэта. А я написал стихи, которые предполагается разместить на памятнике.

Глава одиннадцатая
И НЕ ТОЛЬКО БАНЯ

*Не только баней, как и хлебом,
Живет и дышит человек.
Он бродит лугом, грезит небом,
Над книгой не смыкает век...*

Отпуск. Как он долгожданен и как короток! Как много было планов и видов, и как мало успел. Только что и важного совершил, так это установил родителям на могиле рукотворный памятник. В том большая заслуга моего приятеля инженера-строителя Шмелева. Сергей Иванович не только спроектировал весь ансамбль мемориала, но и собственноручно выкрасил все основные его компоненты: четырехугольную пирамиду, надгробья, изгородь. Особенно выделил на треугольной подставке черной краской причудливый крест.

Моя любимая кузина Антонина Ивановна прибывшая, чтобы оглядеть наше произведение, от восхищения только всплеснула руками:

— Ах, какие Вы молодцы! Жаль лишь, что без фото, но памятник хорош! И стихи к месту.

Она прочла их вслух:

Не торопись. Остановись.
И поклонись могиле этой —
Здесь спят родителя поэта,
А потому их вечна жизнь!

Иван Данилович приехал, чтобы опять траву косить! ужасались внуки Бондаревых — пятнадцатилетний Саша и 12-летняя Света. Об этом поведала мне сестра Антонина. Им не хотелось заниматься уборкой сена.

Встретившись с подростками, я успокоил их:

— Косить не буду. Сергею Ивановичу в понедельник на работу, поэтому мы сегодня же отъезжаем. Не до косьбы.

Пользуясь оказией, я показал другу Шмелеву свою родную сторону. Побывали мы с ним у, отчего Ракатино, постояли на берегу обмелевшей Лабосыни. Побродили по березовым рошицам. Поудили карасей в Васильевском пруду. Полубовались строгим полетом беркутов, что прижились ныне в заросших бурьяном садах. Одного из могучих властелинов неба мы едва не раздавили колесами «Оки» — птица пила воду из лужи, которую мы форсировали. Молодой беркут, широко взмахнув своими полтораметровыми крыльями, плавно поднялся над автомобилем и бесстрашно уселся на телефонный провод. Он нас нисколько не боялся. Моя деревня, поистине стала «страной непуганых птиц».

Не преминул я показать Сергею Ивановичу и широкий заливной Мошковский лут, что вплотную смыкается с кладбищем, называемым в округе «Елками». Здесь в сенокосную пору 1 июля 1940 года, в копне свежескошенного душистого сена мне довелось родиться.

«Родился я на берегу Машка
Июльской покосною порою».

Присутствовавшая при нашей беседе сестра Антонина с горечью заметила тогда: «Вот каково приходилось трудиться в де-

ревне, что бабы рожали прямо в поле» И это было на совести власти Советов, когда призывали вдохновенно петь: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!». Срам и только! И сейчас живем не лучше. Коренных жителей поразогнали. А на жительство пригласили беженцев-мусульман. Они же все наше православное кладбище осрамили своими цветными тряпками.

В тот памятный день 3-го августа мой приятель имел возможность обозреть границу Тульского и Орловского краев, коей является знаменитый Альянский (Аленной) мост, пролегший над теряющимися в кустах ключами Лабосыни. Так же побродить и по окрестностям деревни Михнево, заглянуть в Щербовский магазин, полюбоваться видами на материнское сельцо Китаево, погулять по урочищу, выходящему широкой луговиной у деревни Зубари, промчаться на автомобиле по надежному мосту, что нависал над узким, тихо несущим свои малые воды Рожком.

6 августа я заглянул в первую, чтобы осведомиться о работе. Госпожа Демина, превратившаяся из зава в директора, сообщила мне, что мой отпуск продлевается до 11 августа.

В понедельник означенного дня я встретился с сослуживцами. Худой и юркий сменщик Анатолий Крайнев пригласил меня в комнату уборщиц и с насмешкой поведал:

— Исправились из куля в рогожу: из темной каморки нас теперь перевели к бабам на постоянное житье, как и на третьем этаже. Да еще директор наказала, чтобы ненароком не завели сюда клиентов. Не то — опять в закуту!

Новшеством было и то, что в придачу к уборщице Гале дали престарелую Елизавету Дмитриевну. Ей 8-ой десяток от роду. Тихая и неприхотливая она добросовестно делала свое дело. Мы единодушно окрестили ее бабушкой «Божий одуванчик». Ей отводилась роль сдерживания дурных страстей 23-летней прелестницы Галины. И впрямь, глядя на вертящуюся перед глазами старуху пыл сладострастия у господ «четверговских» мгновенно остывал.

В пятницу, 15 августа они справляли в комнате отдыха день рождения одного из приятелей. Во избежание нареканий, юбиляр наградил банщика 50-ю рублями, а клиент Иванов самолично взялся доставить Крайнева на троллейбусную остановку. Однако

вышла промашка — на его автомобиле спустило колесо. И незадачливому «Толян» пришлось на своих двоих топать от Пушкинской улицы до Текмаша.

— Домой добрался лишь в первом часу, — сетовал Крайнев.

Моя встреча с главарями «четверговских» произошла неделю спустя, 22 августа. Я принял на хранение вещи таксиста Димы, а документы запоздавшего Валентина взять отказался.

— Как ты смеешь! — взбеленился Иванов, — у Димы взять, а у меня нет!

— Дима — мой друг, — отшутился я.

— А я выходит — твой враг?

— Именно так!

— Тогда замени мне простынь, она вся в дырах!

— Иди к бригадиру и меняй!

— Иди и позови ее!

— Она мне не нужна.

— Я сам позову.

— Пожалуйста.

Явившаяся на зов, строгая и молчаливая и.о. бригадира банщица Галина Ивановна (Никонова была в очередном отпуске) предложила мне спуститься вниз за простыней.

— Вы с этими наглецами, — сказала она, — старайтесь быть выдержанным.

— Постараюсь, — пообещал я.

Данный инцидент стал предметом внимания господ «Пятницких» во главе с «князем», так мы его величали, Юрием Александровичем Есиповым (гл. механик управления автодорог). Они с первых дней знакомства симпатизировали мне. И на этот раз решили реально продемонстрировать свое дружеское расположение. Брат князя средних лет высокорослый, черноусый богатырь вышел в предбанник к «четверговским» и прямо заявил «клиенту с бородавками» Иванову, что Ивана Даниловича они в обиду не дадут и точка.

Сам князь заверил меня, что их 12 человек, и они все как один напишут в адрес Гарина похвальное слово о моей работе.

— Трудись спокойно! — на лице князя играла благодушная улыбка.

Действительно, в очередную встречу, что состоялась в четверг, 2 сентября Дима с Валентином, заняв комнату отдыха, вплоть до окончания помывки, из нее не показывались и в дебаты со мною не вступали. Как видно: нашла коса на камень.

Очередным новшеством, по моему возвращению из отпуска, стало введение новой должности— администратора бани. Ее заняла молодая (по сведению Гали, 22-летняя) дочь генерального Ганна Евгеньевна Гарина. По ее рассказам она заменила свое прежнее имя Галина на Ганну.

Новоявленная администраторша, следуя указаниям Деминой, стала активно проверять банщиков на предмет выявления безбилетных и лиц моющихся в бане сверх 2-х-часового установленного срока.

Появился к тому ж неведомо откуда и новый проверяющий — молодой человек с неизвестной фамилией, который обнаружил у Крайнева сразу 12 просрочивших клиентов. Толя «объяснительную» писать отказался, за что директор грозилась перевести его на исправление в бассейн, но слова своего почему-то не сдержала. С первого сентября в обновленном бассейне трудится рекомендованный мною новый банщик. Бывший майор-летчик, 64-х-летний Володин Николай Степанович был по происхождению азиатом: толи башкиром, толи казахом. Он оказался этаким Ходжой Насреддином — большим болтуном и весельчаком, любителем легкого чтива. Самая читаемая газета для него — это «1000 анекдотов». Из нее он черпал свое остроумие. Если же оторвать его от оногo чтения, то мозги стареющего Володина заполнены лишь ностальгией по небу, которому он отдал 29 лет своей жизни и заработал пенсию в 3600 рублей.

Разговор о майоре еще впереди. Он пока — вещь в себе. Ганна же, напротив, начала свою карьеру с чистого листа и вся на виду. Ее указания по ограничению срока помывки приводят к постоянным конфликтам с клиентами. Они не привыкли к соблюдению регламента. 3 сентября я сделал замечание кудрявому молодому спортсмену Андрею вежливое замечание на этот счет, и в ответ услышал угрозы. Когда я объяснил, что это приказ директора, то он отправился к ней в кабинет и учинил госпоже Деминой настоящий разнос.

— С какого трона вы сошли?! — издевался он над матерой дамой, — почему с вашим водворением на престоле банщики стали зажиматься в страхе!? И этот Данилович, холодный и вежливый, не хам, но он не банщик. Он слишком умный, чтобы им быть. Какую роль он выполняет!?

— Меня такие банщики, как Ракитин вполне устраивают. И я не отсебятину горожу, как вы выражаетесь, а выполняю указание городского Совета, определяющего прејскурант нашей работы

— Да плевать мне на горсовет, — не унимался кудрявый клиент, — вы сами-то хоть что-то мыслите в банном деле? Знаете, как оно поставлено в других заведениях?

— Да я 17 лет отдала бане. Я знаю, что в других городах есть для отдыха особые условия. Но мы исходим из своих возможностей.

Андрей так же настойчиво и грубо продолжал отчитывать директора. Последней, явно стало не по себе. Стыд краской облил ее широкие уши. Она попросила меня выйти и еще добрый час провела в перепалке с клиентом. По выходу от нее Андрей без обиняков объявил, что Александра Никитична обещала перевести меня на другое место работы.

Мне ничего не оставалось делать, как сохранять добрую мину при плохой игре. Я назвал Андрея молодцом за то, что он добился своего и даже с улыбкою пожал ему руку. Наблюдавший за нами режиссер Гошин, заметил:

— Ты зря веришь ему! Он и соврать, может. Переведет? Никуда она тебя, без твоего согласия, не переведет. Ты меня выручаешь, и я тебя выручу. Схожу к Гарину. Мы с ним 30 лет знакомы. Он не позволит сатрапу своевольничать

Как не странно, но эмоциональный взрыв клиента мне был нужен. Дело в том, что я однажды не выдержав назиданий Ганны, подвел ее к Правилам пользования банями и доказал ей, что наши требования не правомочны. К тому же документ еще не подписан Генеральным директором.

— В Правилах ничего не сказано о сроках помывки и не определены санкции к нарушителям, — сказал я тогда молодой администраторше.

— Не волнуйтесь Иван Данилович, — невозмутимо ответствовала Ганна, — если этого нет, то будет. Напишем!

Встретившись как-то на порожках с Деминой, я сказал ей:

— Клиенты угрожают меня избить только за то, что я неукоснительно соблюдаю ваши требования. Если это случится, то я буду подавать в суд не на обидчиков, а на вас дающей указания, не обеспеченные защитой.

В ответ услышал, что-то неопределенное. Ясно, что после таких объяснений у директорши мог возникнуть план моего перемещения.

Гошин же удивил меня и во второй раз. Будучи пьяным, он выгнал из «Сауны» молодого проверяющего под предлогом отсутствия у того соответствующих документов. Последний, же отомстил — потребовал объяснительную за пьянку на рабочем месте.

На планерке 1 сентября Демина обмолвилась:

— Гошин отчудил! На кого не подумаешь — пьянством занялся. Проверяющих лиц с бригадиром переполошил. Объяснительную записку писать отказывается!

В беседе со мною Женя признался, что готов уйти на 2 тысячи рублей куда угодно сторожем или охранником. Как видно: укатали Сивку крутые горки!

— Знаешь, а твою бывшую обитель ругают, — бросил он, — в 5-й говорят, все развалилось. Дверь на парной и та соскочила с петель.

— Знаю, — отвечаю ему, — я побывал недавно там и с банщиком Тихоновым беседовал. Рассказывают, что арендаторша в Грецию укатила, а про подготовку к зиме забыла. Не то, что наша директор. 10 сентября написал свои предложения по подготовке мужского отделения «Русской бани» к зимнему периоду по ее прямому указанию.

Правда, я умолчал о беседе в 5-й с любезной Лидией Сергеевной, которая откровенно рассказала о своих горестях:

— Зарплату с мая не платят. Тут еще с «Арсением» поругалась. Зина, по привычке, все хозяйку обхаживает. Хорошо Иван Данилович, что хотя вы от наших забот ушли и у вас все благополучно.

— Пока грех жаловаться, — шутил я, — однако, если верить поговорке, то хорошо там, где нас нет.

И мы оба грустно рассмеялись.

3 сентября в № 36 «Орловской искры» была опубликована корреспонденция М. Курбатовой «И не только баня». Автор писала: «Сегодня основные услуги муниципального предприятия банно-прачечного хозяйства (МУП БПХ) не приносят больших прибылей. К тому же эта организация активно участвует в социальных программах Орла. В наших банях бесплатно обслуживаются малоимущие граждане и дети до 7 лет. За 1-е полугодие 2003 года городские бани предоставили свои услуги 3000 детей до 7 лет, 3500 детей до 14 лет со скидкой 50%, 18000 пенсионерам со скидкой 40%. В среднем в месяц обслуживается 250 человек малоимущих по бесплатным талонам в банях и стирается 230 кг белья в прачечной.

Работая в рынке МУП БПХ, которым руководит генеральный директор Е. В. Гарин, делает ставку на расширение сферы дополнительных услуг, в частности, на привлечение молодежи для занятия спортом. Именно с этой целью на лето был поставлен на капитальный ремонт большой плавательный бассейн в бане №1.2 сентября отремонтированный и обновленный бассейн принял своих посетителей. Здесь студенты наших вузов, а также школьники смогут заняться плаванием и проводить соревнования. Также будут работать группы для начинающих плавать под руководством тренера, и будет создана группа аква — аэробики. Это особый комплекс физических упражнений в воде, который оказывает неоспоримый положительный эффект на человека.

Также в бане, что на 3-й Курской, 15 действует небольшой зал аэробики. Занятия проводят опытные инструкторы. Как показала практика, аэробика пользуется большой популярностью среди женского населения нашего города, и один маленький зал не может вместить всех желающих. Поэтому в сентябре планируется открытие второго, но уже большого спортивного зала, в котором в комплексе, будет душевое отделение и сауна.

Не забыты и другие услуги. Сейчас на стадии завершения косметический кабинет. Здесь будут работать парикмахерская, маникюрный и педикюрный кабинеты, косметолог-визажист.

Большой сюрприз ждет любительниц финской сауны. После капитального ремонта женское отделение с сауной еще больше привлечет посетительниц, потому что и здесь предусмотрено много новинок.

Здесь надеются, что в будущем все это принесет предприятию доход. Ведь чтобы получить деньги, их нужно сначала разумно вложить. Например, стоимость ремонта плавательного бассейна составила более 600 тысяч рублей. Окупить эти затраты планируется в течение 12 месяцев. Все денежные средства на проведение ремонтных работ взяты из собственных средств».

Глава двенадцатая

ЦВЕТОК ПРЕТКНОВЕНИЯ

*Увидев желтенький листок,
Она споткнулась о цветок.
Но не о тот, что на окне,
А тот, что цвел
И цвел во мне.*

Жаркими оказались дни сентября в сатрапии Деминой. Начиная, с 3-го числа, когда молодой кудрявый клиент, орловский футболист Андрей Логутков сыпал громы и молнии в ее кабинете, и, кончая последним понедельником месяца, когда она споткнулась о цветок.

Электрик Юрий Боков, которого сторожиха Валентина Тихонова звала насмешливо — «барабашкой», а режиссер Гошин, «пустобрехом», за быструю и несвязную речь, как-то заглянул ко мне на второй этаж и выплеснул целый ворох идей и умозаключений.

— Демина — предатель! Она предает Вас: травит клиентами. Она подставляет Ганну, дочь Гарина. Вбивает клин между вами. В общем, в своем амплуа — сеет яблоко раздора. Такие образованные люди, как Вы, для нее, что красная тряпка для быка. Я слышал, как она признавалась, что с Иваном Даниловичем и слесарем

Алексеем Ильиным, она чувствует себя некомфортно. Она всеми силами будет стараться избавиться от Вас.

На собрании 15 сентября госпожа Демина выставила «на позор» банщика Анатолия Крайнева: несколько минут отчитывала за просроченные билеты и увлечение игрой у автомата. Последний не выдержав издевательств, разразился ответной бранью и демонстративно покинул собрание. Это был протест отчаяния!

— Я решила поменять банщиков местами: из бассейна на второй, а Ракитина с Крайневым со второго в бассейн, — заявила директор бани.

В четверг, 18 сентября, не желая далее терпеть сумасбродство директорши, я подготовил два заявления. Одно — на отгулы, другое — на увольнение. Ознакомил с их содержанием своих друзей Гошина и Телегина, а также «князя» Есипова. Все трое дали один совет: в отгулы иди, а с увольнением не торопись!

Вечером того же дня Демина звонила Никоновой, интересовалась «произошла ли замена?». Бригадир отвечала, что нет, так как ее устраивают и Володин, и Ракитин, каждый на своем месте.

Подменявший Крайнева 16-17 сентября Мальков вновь обокрал нашу раздевалку. Пропали стаканы, мочалки, иглы с нитками, молоток и другие вещи. Анатолий Александрович, назначенный Деминой, подменным банщиком, отправлялся на месяц — в очередной отпуск.

22 сентября банщики Гошин и Телегин торопились поскорее завершить санитарные мероприятия с тем, чтобы пораньше отправиться в поездку за яблоками. Пошли отпрашиваться к директорше. Получили от ворот поворот и раздосадованные, ровно в час дня, они демонстративно покинули стены первой. Весь гнев за их поступок Демина вылила на меня, не забывая и сотоварищей.

— Иван Данилович на доске в момент проверки имел просроченный билет. А всего-то у него мылось пять человек! Женя Гошин, в девять вечера, явился пред проверяющей дамой, в плавающих. На доске же ни одного билета — все выбросил!

— Доска — это Ваше изобретение. Она лишь мешает нам работать, — сказал я, — мы не банщики, а рабочие по обслуживанию и у нас нет времени ею заниматься.

— Найдется время, — резюмировала Демина, — когда спать не будете. Вот и сегодня на собрание опоздали! За вами посылать пришлось.

На другой день, 23 сентября, директорша вызвала на ковер к себе в кабинет Гошина и отчитала за самовольный уход с собрания. Режиссер ответил ей твердо и гордо:

— Мы не рабы!

Клиент, весом в 107 килограммов, Якончук Георгий Филиппович, к которому я благоволил, решил устроиться банщиком. Однако директор не взяла его и в сторожа, ссылаясь на его дряхлость, хотя по паспорту Якончук, 1941 г.р. оказался на год моложе меня. Филиппович сумел все же куда то пристроиться на полторы тысячи в месяц.

Получив, от учеников-клиентов, первые угрозы быть избитым, банщик Волошин решил зарезервировать за собою место на заводе «Строймаш», где Генеральным Медников. Он там некогда работал в охране, а ушел из-за малой зарплаты. В среду, 24 числа, майор — летчик, по обыкновению, появился вечером у меня, чтобы попариться. Он всегда себя вел по принципу: пусти свинью за стол, она — ноги на стол! И теперь, взяв без спросу два веника, он начал махать ими в чистой парилке. Возмущенный, я попросил его впредь мыться у себя под бассейном, а у меня мусор не разводить.

Обидевшись, он, тем не менее, явился ко мне в воскресенье. Помогать не стал, но вновь испортил мои рукавицы и веники. Нахал! Вот и помогай после этого людям!

Удивил и слесарь Ильин. Еще, казалось, совсем недавно они за что ни про что назвал меня «дубом». Теперь пришел просить тридцать рублей на четверку, чтобы распить ее с приятелем в салоне автомашины. Я отправил его к банщику Гошину. Тот, зная его жадность, не пошел к нему — бесполезно. Действительно, Женя был крайне скуп. К примеру, получив от меня за минувший год более 3-х тысяч рублей «за простыни» он рассчитался со мною 4-мя гнилыми яблоками.

Своего же добра, напротив, не упустит. Оказывавший ему, подобные мне услуги, уволенный банщик Гришин как-то не рассчитался с ним за самогон. И что же? Женя планировал заслать к

нему знакомых «вышибал», чтобы вернуть свои кровные 74 рубля. Смех! Сказал ему, что вышибалы обойдутся дороже. Приятель согласился с моими доводами, от мести отказался, но все-таки сделал новую попытку — вернуть долг. Он упросил сменщика Телегина навестить Ивана на дому. И угодливый Леша исполнил его просьбу. Денег, однако, не принес — их у Ивана забирает жена.

29 сентября, утром, заглянувшая в раздевалку госпожа Демина увидела на окне увядший листок цветка. И сразу в гнев:

— Кто вчера дежурил?

Заглянув в кладовку, ахнула: » Почему стеклотару не выбросили?!».

Раздосадованный тем, что по ее вине мы потеряли полчаса на ожидание порошка, а в прошлый раз вообще ничего не получили, я сорвался:

— В чужом глазу соринку замечаете, а в своем и бревна не видите! В то время как мы задыхаемся хлоркой в парилке, вы в лаборантской чаи гоняете — об этом факте говорил мне Гошин. Теперь о цветок споткнулись! Полы мыть оставили вместо 5-6 человек лишь нас двоих. Это издевательство.

Когда же Александра Никитична завопила, что вода течет через порог, я предложил ей вместе со мною взяться за тряпку.

— Я директор, а не банщица!

— Не велика, фигура! — отпарировал я, — в бытность директором школы я не стеснялся брать в руки и метлу, и мастерок с молотком!

— Вы не с той ноги встали сегодня. Вас сейчас инфаркт, хватит!

— Как Вашего мужа? — спрашиваю. (Ее супруг перенес два инфаркта, но и сейчас продолжает обкашивать и копать дачу, подвизается сторожем во 2-й бане, где ей, на этот раз не удалось устроиться директором).

— При чем тут мой муж?

— А при чем тут инфаркт?

Свидетелем нашей перепалки были Крайнев и гардеробщица Светлана. Она едва сдерживали смех.

Когда шеф ретировалась с угрозами, что переведет меня в

бассейн «учеников воспитывать», Толя пожал мне руку: »Молодец! Здорово ее отчитал! Я бы ей не то, чтобы людей, а и коров бы не доверил — доиться перестанут! Улучу момент и пошлю ее на три буквы без свидетелей. Ничего не докажет!

Демина от стыда отправила молодую гардеробщицу вниз, на свое рабочее место, а к нам в помощь прислала бригадиров.

— Никуда она вас не переведет, — сказала Глафира Ивановна, — оба останетесь на своих местах.

Тем не менее, банщик бассейна Валерий Стругов, инженер — пенсионер был прислан наблюдать, как мы священнодействуем над полом, сток у которого выше его уровня. И вертолеты — отделанные резиной швабры, плохо помогают.

На 25 минут мы задержались с уборкой. Уходя, домой, я видел, как в кабинете директорши громко суетились бригадиры и мой приятель Крайнев. На этот раз она отменила собрание и, видимо, всерьез решила отомстить строптивому банщику.

Но, чтобы там ни было, я твердо решил про себя: «Бог не выдаст, свинья не съест!».

Глава тринадцатая

И СНОВА БОЙ!

*Увы! Нам рано на покой —
Мы вновь ведем
Неравный бой!*

С памятного дня 29 сентября, когда у нас с Деминой имел место скандал из-за поломанного цветка, прошло два месяца. За этот период произошло не мало любопытных событий. Впрочем, все по порядку.

3 октября у грозной директорши был день рождения (57лет), а накануне услужливая бригадирша Никонова предложила сдать — по 20 рублей. Я отказался, заявив, что подарю и больше, но при

условии, что госпожа Демина пригласит на именины. Большинство слесарей и банщиков последовали моему примеру.

— У Деминой — патологическая ненависть к мужчинам, — заметил тогда электрик Юрий Боков, — и нам незачем протягивать ей руку помощи. Она по 10 тысяч в месяц гребет, а у нас едва по две выходит. И те норовит под разными предложениями, урезать. Грозится, что будет нерадивых лишать премии: от 5 процентов и больше.

Напрасно Александра Никитична выжидала до 8 часов вечера у кассы: никто не подошел к ней с поклоном.

20 октября (понедельник) на собрании директор вновь поносила банщиков. Телегина Алексея за грубость «генеральской дочке» Ганне, Женю Гошина за безбилетную помывку его приятеля. По рапорту Никоновой он лишен 100 % премии (577 рублей) — за октябрь, меня с Крайневым за плохую уборку помещений. В этот день Толя в ответ на замечание директорши, что у него — климакс, вызывающе бросил: «У тебя самой климакс!»

Дабы урезонить Ракитина, она прочла инструкцию, где фигурировал т.н. экран, а затем заставила нас всех подписать ее.

— Хватить бастовать — пора работать, — резюмировала она свои действия.

8 и 9 ноября (суббота и воскресенье) в помощь ко мне с провокационными целями был прислан татарин Мальков. Его наглость не имела предела. Он обвинил меня в продаже его дареного веника, лез во все дыры, всячески компрометировал перед клиентами. Последние были этим крайне возмущены. Михаил Жарков, например, нажаловался бригадирше на то, что Мальков не убирает парилку, а ею полдня занимается он с Сергеем Нужным. Бывший слесарь бани Корнеев Николай Иванович назвал бугра «корявым» не только за малый рост, но и за его подлые поступки.

Когда в санитарный день 10 ноября Демина стала понукать мною, я не выдержал и вновь отчитал ее за нетактичность и грубость.

— Как вы, будучи учительницей начальных классов (Демина, окончила Болховское педучилище) смеете грубить директору школы?!

— Это я директор бани, а вы просто рабочий,— огрызнулась она.

— Тогда почему вы дали Малькову отгул в рабочий день? Почему вновь издеваетесь над нами, оставив вдвоем с Крайневым мыть зал, где и пятерым не управиться?!

— Не ваше дело!

— Раз так, тогда сами берите швабру и гнитесь над полом.

— Я доложу Генеральному директору, что мы с вами не сработались!

— Докладывайте! — отвечивал я.

Уходя, домой, уже у раздевалки, в присутствии агронома Наташи, я показал Деминой на часы.

— Вы задержали нас на час 20 минут. Вам не жаль нашего времени, а сами устраиваете истерику из-за 5 минут. Вы не отпустили сегодня Крайнева сдать бутылки, а это дело именно пяти минут.

— А почему вы медлите с уборкой? Женщины успевают, а вы нет!

— У них просто меньший объем.

— Ничуть не меньший!

— Пустой разговор, — подытожил я и наскоро попрощавшись, покинул баню.

17 ноября (понедельник) заявившись, в раздевалку, Александра Никитична доверительно спросила меня:

— Ну, а сегодня я не мешала вам работать?

— Благодарствую — нет. Потому во время и управились.

На собрании взял слово Алексей Телегин и в картинках, с шутками и прибаутками, обрисовал историю проверки со стороны начальника КРО и администратора Ганны, обнаруживших у него недостачу одного билета.

Выступил с разъяснениями своей позиции и перестраховщик Мальков, который накануне продемонстрировал Ганне 100 рублей, данных ему в качестве взятки клиентами.

— Ты подставил бригадира Старикову,— отчитывала «корявого» старейшая банщица Любовь Васильевна.

— Я свою шкуру спасал, — сознался «бугор» и не хочу, чтобы меня, как Женю лишили на 100% премии.

Сам Гошин с хмурым видом хранил гордое молчание. И лишь изредка, тяжелым вздохом, реагировал на те или иные выпады директорши и ее льстецов.

— Как только найду место, — признался он мне, — сразу уйду. Гарин оказался предателем, он — пошел на поводу у баб. А у них хоть раз выпей, как все едином махом хорошее смазывается. Опостылело все!

Несколько слов о сторожихе Тихоновой. В октябре ей исполнилось 50 лет и мужчины, за исключением Крайнева, как ранее и Деминой — отказались собирать ей по десятке.

— Этой стукалке? Ни за что!

Не сдал деньги и я. Узнав об этом, Валентина решила проехаться и на мой счет.

Встретив меня у порога, утром 18 ноября, она зло выдала:

— Иван Данилович! А на вас, я читала, клиенты, жалобу написали?!

— Пусть. И на президента Путина пишут. А у дома Шеварднадзе толпы с кинжалами стоят. На то она и демократия!

Ее муж, банщик 5-й, с июня не получающий зарплаты подумывает перейти в первую. Вот и подыскивает место для своего суженого, доносчица Деминой.

— Тихонова провоцирует меня на написание рапорта Генеральному, — признался мне сторож Володя, — от коего в октябре сама получала и грамоту и премию. Она хочет вызвать его гнев. А на мое место устроить своего мужа Виктора Ивановича.

О чем еще замышляет сатрап в юбке со своими ближними против непокорных славян, нам неизвестно, но если верить слесарю Алексею Ильину, то дни самой директорши сочтены. Ведь, не зря же в администраторах подвизается дочь Генерального — рискованная красавица Ганна свет Евгеньевна!

Глава четырнадцатая

РАЗГРОМ

*Не рой другому яму, —
Изрек Омар Хайям —
Не то, случится, спьяну
В нее свалишься сам!*

В своих записках я часто указывал на факты «фракционной» борьбы. Моя постоянная трезвость и рассудочность выводили из себя оппозицию. И в лице администрации — не желает участвовать в торжествах, а особенно недовольны были моим поведением банщики — выпивохи: хочет быть чистеньким. Еще Лев Толстой заметил, что порочные люди, чтобы творить зло объединяются между собой. В правоте данного постулата великого художника слова я имел несчастье убеждаться вновь и вновь. За примерами ходить далеко было не нужно.

Словесник Гошин

14 октября 2002 банщик Евгений Гошин поклялся, что научит меня «пить» в течение двух недель. Прошел год. Я напомнил ему как-то о неисполненном обещании. Женя замялся, покраснел и озаботился отомстить. Он не привык проигрывать: ни в шашки, ни в разгадывании кроссвордов, ни в словесной дуэли. Считая себя эрудитом, он смотрел на окружающих свысока. А тут вдруг такая промашка: я и с пьянкой, подобно ему, не скомпрометирован, и в шашки порой переигрываю, и с эрудицией все в порядке. Ко всем этим незадачам прибавилась подозрительная забывчивость товарища одаривать его десятками за простыни.

Действовал Гошин исподтишка. То выставит на смех перед своими клиентами, то, походя, нагрубит и унизит перед знакомыми (как это случилось во время беседы с Виктором Тихоновым), то подбросит веник для продажи Малькову в укор мне, то нашепчет какую-нибудь пакость бригадиру или Ганне. А то и Деминой выразит свое неудовольствие качеством моего труда.

Особенно занервничал Евгений Викторович после того, как сорвался — закутил с юристом и накликал на себя гнев Никоновой, а там была озвучена пьянка с директором Шаховской школы. Лишенный премии за октябрь он вообще вышел из равновесия и потерял былую уверенность. А рядом товарищ уже скоро два года, как работает, а никакого наказания не понес. Не порядок. Вот и стал он уговаривать своего сменщика Алексея Телегина подвигнуть меня на поход к Гарину с жалобой на Демину, дабы приклеить мне в будущем ярлык кляузника. И тут промашка вышла. Я отверг домогательства Алексея на этот счет, ибо выразил сомнение в успехе. Рассудил так: если Гошин, сам будучи в дружбе с Гендиректором, угодил в опалу, то от нашего визита к нему, тем более, добра ждать не приходится.

Бес ненависти терзал душу эгоистичного сребролюбца.

Вокруг « СЕЙФА »

Как-то сломался замок на сейфе, где мы хранили простыни и вещи клиентов. Некий Костя принес мне новый замок, который с помощью слесаря Ильина мы и установили. По совету Гошина я предложил сменщику Крайневу уплатить мне половину суммы от цены замка и взамен получить ключ. Тот отказался — скарденность помешала. Пожалел на благое дело и Мальков, что привык жить на халяву. При этом он нажаловался директорше на мое единоличное владение сейфом, где хранится общая аптечка.

Директорша не преминула распорядиться: «Снять замок!». Я сама поставлю его, но он будет доступен для всех». Сама же, как говорится, подобно сельскому петуху — прокукарекала, а там хотя и не рассветай. Прошел месяц, долгожданный рассвет не наступил. Замок мне пришлось снять. Тем более что накануне, я нашел сейф открытым. На столе лежала записка Крайнева.

«Ракитину. Довожу до сведения, что пришел в четверг в 9.30. Сейф был открыт. Должно вы забыли закрыть или другая причина. Я тут же сказал Александре Никитичне об этом. Пропасть ничего не должно. Им я, как и раньше до поломки, не пользовался. Обхожусь эти дни нашей комнатой. Так что обо мне плохо не думай. Толик».

Западня

30 ноября, вечером, когда на дежурство уже явилась сторож Тихонова, я направился с горой мусора к двери. Она оказалась закрытой. Я стал звать пропавшую даму. Наконец она явилась и с укором:

— Что кричишь!?

— Открывайте дверь!

— Успеешь.

— Открывай! Не видишь — из мешка вода течет.

— Вот и не открою. А напишу рапорт, что ты по — всячески оскорблял меня и драться кидался!

— Ну и склочница же ты! — от такого наглого заявления я буквально оторопел.

— Когда подам бумагу директору, тогда и узнаешь, кто я, — продолжала шантажировать меня расвирепевшая сторожиха.

На другой день Валентина действительно жаловалась Никоновой, но вместо рапорта на меня написала заявление об увольнении. Причиной тому явились: низкая зарплата и невозможность спокойно работать — хулиганы разбили дверь фирмы «БИЛАЙН», а начет сделали на нее. А тут еще новые арендаторы устроили буфет в коридоре. От пьяниц, вообще, спасения не стало.

Устроила Тихонова западню мне, а сама же в нее и угодила. Как ей было не гневаться: и у мужа, и у нее с работой полная незадача, а проклятый Иван Данилович не только любим в 5-й, но и в 1-й прижился. Есть от чего сойти с ума!

Анонимка

28 ноября я был вызван в кабинет Деминой. Здесь же присутствовала бригадир Никонова.

— Иван Данилович, тут на вас жалоба от клиентов поступила, — начала неприятный разговор директор.

Из прочитанного ею текста я узнал, что обвиняюсь в «лужах» и вымогательстве со ссылкой на администрацию. Более всего поразил вывод, что 30 лет первая баня процветала, а с воцарением Ракитина померкла.

— Пишите «объяснительную»! — распорядилась хозяйка только что отремонтированного кабинета, — тут еще, кроме вас, на парикмахершу жалоба есть. Она уже свой отчет написала.

— А я не буду!

— Как?! Маникюрша написала, а вы нет!?

— Именно так. Подпись есть?

— Да. Это Алексеенко.

— Число?

— От 22 ноября.

— Адрес?

— Есть и адрес.

— Тогда пригласите автора, и мы выясним мотивы жалобы.

— Глафира Ивановна напишите акт и передайте его юристу.

Пусть он с ним сам разбирается

— Так будет вернее, — согласился я, — тем более что в «лужах» виноваты инженеры, что не сделали стока, а в вымогательстве Вы, ибо сами распорядились, чтобы припозднившиеся на более чем 2 часа, клиенты уплачивали за мойку в двойном размере. Не так ли?

На этом и закончилась моя короткая аудиенция. К юристу меня никто не вызывал и я уже начал успокаиваться, когда, по прошествии несколько дней, ко мне заявила сама директор.

— Вот Иван Данилович, — сказала Александра Никитична с упреком, — вы на меня обижаетесь, а я несколько дней потратила на расследование и выяснила, что на вас написал анонимку Мальков.

— Как!? — удивился я.

— Вы когда были в отгулах?

— С 11 по 17 ноября.

— А жалоба появилась в четверг 13 ноября. В этот день за вас дежурил Мальков. Он все и организовал!

— Н-да! — засомневался я, — но так высокопарно он не смог бы сам написать. Тем более что уволен. Ищи теперь ветра в поле. А подпись, дата?

— Подпись ложная. Адреса и даты нет. Подлинная анонимка.

— Но вы говорили!?

— Забудьте об этом. Важно, что я сейчас говорю. Работайте спокойно.

— Вы — настоящий друг! — пожал я руку улыбающейся Александре Никитичне. При этом я не сомневался в подвохе.

7 декабря, в воскресенье, добропорядочные клиенты Лапин и Калитин занесли в Книгу заявлений благодарственное письмо, в котором дали высокую оценку моего скромного труда, воздав хвалу моей добропорядочности и чуткости. А главное, что они не постеснялись назвать себя и указать свой полный адрес. Это был целенаправленный удар по анонимщикам.

Проделка БОЛИВАРА

С мая по конец декабря 2003-го госпожа Демина уволила с работы пятерых банщиков: Сергея Спирина (не без ее участия), Ивана Гришина, Владимира Кривцова, шахтера, не прошедшего испытательный срок, наконец, обоих Анатолиев — Малькова и Крайнева. Поистине, Боливар не выдержал двоих «Толянов» и, сбросив наглых седоков, ускакал в прерии.

О проделке Боливару есть смысл поговорить поподробнее.

Ничемные, алчные до «халявы» людишки, которые не гнушались никакими подлыми средствами (подсиживанием, наговорами, воровством и ложью) дабы держаться на плаву, сами оказались жертвами произвола сановной леди.

Дабы избавиться от склочного «бугра», она явилась в воскресенье 30 ноября в 22.00, время закрытия бани, чтобы проверить физическое и нравственное состояние Анатолия Александровича, который к тому времени, по обыкновению, находился в изрядном подпитии. Весь юмор заключался в том, что, не смотря на голых клиентов-мужчин, она самолично, после неудачных попыток электрика Юрия Бокова исполнить ее волю, вытащила из парилки, спрятавшегося там от ее гнева, находящегося в полной прострации банщика Малькова.

А на другой день, 1 декабря, он уже был рассчитан по всей программе.

Явившись к нам через неделю бывший «бугор» хвастливо за-

явил, что он уже работает сантехником в Белом Доме — администрации Северного района (там все свои и дом рядом).

Настала очередь за вторым «Толян»». Крайнев давно надоел Деминой, своим наглым поведением. Он, с нескрываемым азартом играл, во время работы, под интерес, с автоматом, что размещался на улице. То не убирал во время мусор, то бесшабашно пьянствовал, то ругался матом. Терпение ее лопнуло. Директор дала задание бригадиру Стариковой Антонине Николаевне изловить проходимца на шулерстве — использованием комнаты отдыха в корыстных целях, что и было с четкостью проделано в воскресенье 14 декабря. Следуя примеру своего шефа, бригадир явилась в Русскую парную тогда, когда этого не ждал Крайнев. Там обнаружила разгулявшихся клиентов, тогда как ключ от комнаты находился у нее. Отсюда вытекало: или у Крайнева был свой ключ, или он не закрывал комнату вовсе. Факт налицо — Толян присвоил себе деньги «за постой».

В санитарный день, 15 декабря, Анатолий Иванович был принужден писать заявление о добровольном уходе. Визит к Генеральному директору ничего не дал. Не помогли ни заверения в почтении, ни слезы раскаяния. Демина стояла, на своем решении: «Сам не уйдешь — статью найду!».

Едва ли не ежедневно Крайнев появлялся в бане, все еще надеясь на милость. Проливал, крокодиловы слезы:

— Дайте два года до пенсии доработать. Я еще ничего жене не говорил. Узнает, что я не работаю — из дома выгонит. Она у меня знаете какая!? Не лучше директорши будет.

Стенания бывшего банщика остались гласом вопиющего в пустыне.

Никто не помог ему — однозвучно звенел колокольчик. Крайнев оказался крайним. Забыл, как ровно год назад, следуя указаниям господ «четверговских» он с уборщицей Галиной составили против меня заговор, нечестно обвинив в плохой уборке. Не случайно тогда Иван Гришин зло выругался: «Не роите другому яму — сами в нее и упадете!».

Провидцем оказался мой былой сотоварищ. Сегодня Александра Никитична прямо заявляет непутевой Гале: «Не можешь до пяти вечера работать — увольняйся! Никто тебя тут не держит».

На другой участок работа Галя уходить не желает. Ведь ей надо обрабатывать подаренный телефон. Не подводить же господ— четверговских!

Конфузия

В известном фильме «РОССИЯ МОЛОДАЯ» таможенный офицер Клыков, при обнаружении контрабандного груза, объявлял иностранному кораблю — конфузию.

Нечто подобное произошло и с администраторшей, когда она, не зная броду, полезла в воду.

По самонадеянности и неопытности она отменила 11 декабря, канун Дня Конституции, короткий рабочий день, сделав его полным.

Идя на поводу «четверговских», Ганна попыталась выставить дураками все смену бригады Никоновой, вкуче с директором бани Деминой, но сама попала в неудобное положение — за переработанное время рабочим следовало заплатить из собственного кармана. Да плюс моральную неустойку. Когда я сказал ей об этом, Ганна заносчиво заявила: « Ну и пусть удерживают, я согласна».

Когда на собрании 15 декабря Александре Никитичне доложили, что самоуправство ее администраторши доходит до глупости, то обескураженная директорша, тяжело вздохнув, изрекла:

— Что поделать — терпите!

— А, если терпение уже лопнуло!? — не сдержался электрик Юрий Боков.

— Терпение — цветок, но не в каждом саду цветет! — бросила пышную фразу одна из присутствовавших банщиц.

На короткой летучке 22 декабря Демина поставила задачу: дать до плана 120 тысяч рублей. Провести новогодние вечера. Что касается недостающего банщика на втором этаже, то его будем принимать на конкурсной основе.

— Уж так они к нам и разбежались! — вспыхнул банщик бассейна Валерий Стругов, — не надо было наспех увольнять. А я на подмену не пойду. Один раз дурь покажешь — с живого не слезете. Загоняете, А я не хочу быть козлом отпущения.

— Тогда на подмену пойдет майор Володин.

— Я согласен, — буркнул себе под нос былой летчик, — куда я денусь, если приказываете.

Юлил азиат. Он давно мечтал воцариться в Русской парной. Да вот беда уборщицы противятся тому: «Лентяй он, а не банщик!»

Глава пятнадцатая **ЯНВАРСКИЕ МЕТЕЛИ**

*Январские метели
Сугробы намели —
Они принцессу Ганну
Над баней вознесли.*

Год обезьяны

Накануне нового 2004, года обезьяны, произошли немало-важные события. Например, на коллегии МУП БПХ было принято решение о сокращении бригады ремонтников. В результате, попавший под сокращение слесарь Серафимов дал согласие работать в паре со мною банщиком «Русской парной», что меня крайне обрадовало. Он был не чета моим бывшим сотоварищам — Сергею, Ивану и двум Толянам. Его от них выгодно отличают: внутренняя целеустремленность, интеллект, порядочность. Впрочем, о «Серафимыче», как я его привык называть, речь еще впереди.

Главным событием стал уход в вынужденный отпуск госпожи Деминой и вручение руководящего жезла администратору Ганне Евгеньевне Гариной.

Оказавшись под дамокловым мечом увольнения в виду пенсионного возраста (57 лет) Демина забила тревогу. Кинулась к юристам. Ей разъяснили, что это не инициатива Гарина, проявляющего отеческую заботу о дочерней карьере, а решение мэра Орла г-на Уварова. Вездесущий режиссер Гошин усек, что экс-директор получила 25 тысяч отпускных и 11820 рублей зарплаты за последний месяц 2003.

— Потерять такой куш — не просто, — не без ехидства высказал свою мысль Евгений Викторович, — она пойдет на все (походы по инстанциям, подлог и уговоры), чтобы не потерять былой престиж. Нам следовало бы написать коллективное письмо на предмет ее злодеяний. Боюсь только, что подпишемся лишь мы трое: Телегин, ты да я. Что касается летчика Володина и инженера Захаркина, то боюсь, они струсят, как все наши продажные женщины, способные лишь на лесть и вероломство.

— Пожалуй, что ты прав, — кивнул я,

— Кстати 5 января к нам заходил Крайнев. У нас три недели хранилась его сумка с вещами. Так он скрывает от жены факт своего увольнения, а потому не несет их домой. Физиономия в синяках. Спрашивал уборщицу. Видимо надеялся испросить самогону, чем наша Валя промышляет. Да не повезло, она была в бегах за сбором банных сплетен.

— Что же он ко мне не заглянул? Видимо за что-то обиделся.

— За то, что тебя следом за ним не уволили. У нас, русских, так водится: у меня украли машину, так пусть у тебя корова сдохнет. Анатолий никогда не был настоящим человеком. Мелочный и скользкий тип. За отпуска просил дотации. Отгулы не использовал даже в последние дни. Жил за счет «халявы», а потому все твои карты портил.

— Это так, — согласился я, — сколько раз уговаривал: »Давай напишем заявление на отгулы, а их у нас из-за «четверговских» добрый месяц скопился, отказался»

— И поделом ему теперь бегать по биржам. Его дядя, бывший майор, работал в Железнодорожной милиции. На почве пьянства, все потерял: жену, семью, работу. По его стопам и племянничек пошел. Как говорят: «Яблочко от яблочка недалеко падает».

Визит Штефина

После увольнения 1 декабря Малькова, а 15 числа Крайнева в «Русской парной» образовался вакуум. Его замещали, то Володин то Захаркин. От летчика, как в том убедилась бригадир Никонова, толку не было. Работал медленно и плохо — ленился! Много мусора оставлял после себя и Валерий Стругов, за что и получил на-

гоняй от Ганны. Хотя я убеждал и ее и бригадиров, что в том вина уборщиц, которые никогда не выносили после себя отходы своей деятельности. Моему голосу вняла лишь Глафира Ивановна, да и то не надолго. Воз остался и ныне там. Банщики, как и прежде, выполняют несвойственные им функции уборщиц, как на то была державная воля госпожи Деминой.

На стене остался плод ее творчества — объявление: «1-й бани (вместо «Бане») требуется рабочий по обслуживанию». (Заметим, что грамотностью учительница начальных классов не отличалась, что видно из подготовленных ею многочисленных документов). Но никто не приходил. Она звонила на биржу. И оттуда молчание. Тогда Александра Никитична решила облагодетельствовать своего знакомого по отдыху в санатории «Дубрава» некого Штефина Бориса Павловича, пообещав ему ставку в 2400 рублей.

26 декабря ко мне на стажировку явился стройный, самоуверенный мужчина и скромно представился — Борис.

— Помилуйте, — пошутил я, — но мы же не ребята, чтобы нас величали одними кличками. Как ваше отчество?

— Павлович.

— А фамилия?

— Ну, это уже лишнее.

— Простите, но нам надо будет вместе работать. Стоит ли скрывать? Я — РИД — Ракитин Иван Данилович — начальные буквы вы видите на кармане моей формы.

— Ха-ха! Певец Дин РИД!

— Вот именно. Я полезный для бани человек: воспеваю ее прелести.

— Согласен. Однако проводите меня в вашу комнату.

Мы прошли через раздевальный зал, и оказалась в нашей обшарпанной комнатухе с одним окошком.

— А, где шкафы для одежды?

— Их нет. Вот пару вешалок на четверых: двух уборщиц и двух банщиков.

— Но, обитать вместе с женщинами, это унижение.

— Возможно. Но, как вы скоро сами убедитесь, не самое большое.

— Что имеете ввиду?

— Хотя бы то, что за полгода пребывания Деминой, вашей протеже, в ранге директора бани, ею уволены пятеро банщиков.

— Кстати, она мне что-то говорила, что она и вас собирается убрать.

— Вот-вот. Затем возьмется за 3-й этаж, а там и ваша очередь подоспеет.

— Да, ну? В прочем, она мне сразу не понравилась. Юлит, все что-то недоговаривает. Сколько вы получаете?

— В ноябре получил на руки 1935 рублей, — я протянул расчетный лист своему собеседнику.

— Не густо. Мне нужно не менее 3 тысяч, чтобы пересмотреть пенсию. Она у меня составляет 1600 рублей.

— Маловато.

— Мне нужно год от звонка до звонка пропахать, чтобы увеличить ее.

— Кто же вы по профессии?

— Инженер-механик. В 1993 году сбежал из Грозного, после известных чеченских событий. Приехал в Орел. По специальности не устроился, а потому десять лет слесарил в «Дубраве».

— Когда вы родились?

— 23 июня 1940.

— А я 1 июля того же года.

— Мы ровесники, но я на неделю старше, — рассмеялся Штефин.

— Не возражаю. Будьте «старшим» и у меня по работе.

— Нет-нет. Я чувствую, что Саша меня обманет. Но, ведь я могу ее и куда следует, послать...

— Как бы не так?! — усомнился я, — мой недавний сменщик, как вы того только намериваетесь, уже «послал», и тут же оказался за воротами бани.

— Вот стерва, — не удержался от грубости мой собеседник, — иду в отдел кадров и заберу, пока не поздно, свои документы.

— Но, вы еще зайдете?

— Постараюсь.

Бориса Павловича Штефина, с того памятного визита, я более

так и не увидел, зато Александра Никитична зачастила ко мне на этаж с допросом:

— Что вы наговорили Борису? Почему он забрал документы?

— Его не устраивает мизерная, менее прожиточного минимума (2650) зарплата.

— А сколько ему нужно?

— Не менее 3-х тысяч.

— Где я ему столько возьму. А, что вы ему еще говорили?

— А то, что летом мы получаем голый оклад, а это всего 1650 рублей.

— До лета еще дожить надо, — хмыкнула себе под нос обескураженная директор и, недовольно ворча, удалилась в свой кабинет, благо он рядом, сразу же по коридору от помещения «Русской парной».

Помимо неудачи с трудоустройством Штефина Александру постигла та же участь и с бывшим замом главного инженера, пенсионером Владимиром Владимировичем, чернявым, низкорослым, с глазами навывкате мужчиной. Он обещал принести документы, но после того как узнал, что банщиков пачками увольняют «за пьянку», засомневался; не постигнет ли и его подобная участь. Более под строгие очи директорши, он так и не явился.

Серафимыч

5 января состоялось очередное (после санитарного дня) собрание, на которое вновь не пришли Гошин с Телегиным, а потому весь гнев директор обратила против меня, обвинив в том, что из-за оставляемых мною луж сгнили диваны. Нина Федоровна, родная, добрая женщина этого факта не подтвердила, за то молодая Люба, дабы угодить начальству, наивно поддакнула: «Да, я видела, были лужи». Эта ее фраза вызвала всеобщий смех.

6 и 7 декабря я пребывал на выходных, а, явившись на работу 8 числа, вдруг, узнаю, что всесильная владыка Первой в отпуске и, как уверяли ее недоброжелатели, ушла насовсем. Этот факт мне подтвердили работники ООО «Здоровый мир» банщик Тихонов и ныне, после ухода на свои хлеба Елены Прокловой, кассир Лидия Алисова (бывшая бригадир и банщица). Анжела была еще более категорична:

— Деминой недовольны в мэрии, — сказала она, — все работники бань ее просто ненавидят. Москвичи собираются взять первую под казино. Люксы в четвертой уже взяты арендаторами. Нам, с августа не платят зарплату. И в отпусках никто не был.

Еще более удивил меня Виктор Тихонов, объявив, что его жена Валентина трудится во второй, а его сменщик Сережа Савин учится в колледже. С августа ушел. Сейчас банщиком работает один выпивоха со «сталепрокатного». Бригадиров у нас нет — полная анархия. Каждый работает на себя. Госпожа Багрова Елена Сергеевна, является лишь под вечер, чтобы «забрать кассу». Других забот у нее нет.

Заглянул я в раздевалку и парную. Всюду грязь и спертый воздух. Подумалось: «Вот бы сюда прислать Демину, она бы в ужас пришла!»

И еще вспыхнула в душе благодарность госпоже Улановой и моему нынешнему сменщику Якову Петровичу, что вытащили меня из хаоса 5-й.

...9 января Серафимов явился ко мне на стажировку. Мы с ним перетаскивали в слесарную поломанные диваны и принесли к себе другой сейф. Он был хотя и ржавый, но имел все четыре ножки. А приваренные приятелем ушки позволяли вешать на него висячий замок. Его купил так же мой сменщик.

10 и 11 января Петрович работал самостоятельно. Первый блин, правда, оказался комом. В субботу один из клиентов не уплатил ему за прокат простыни. Вызвав милиционера, лишь усугубили конфликт — клиенты напали и на него. Пришлось вызывать целый наряд стражей порядка и писать заявление. В воскресенье посетители комнат отдыха саботировали его требования на соблюдение режима. Пропали три простыни. Серафимову пришлось беспокоить жену на предмет возмещения убытка

В санитарный день 12 января мы увидели в идеальной чистоте раздевальный зал, но в парной, моечной и особенно в нашей комнате — гору веников и мусора. Это меня мало беспокоило, ибо я знал, что это происходило по неопытности. Мы навели достойный порядок во всех отделениях. Смutilо меня замечание бригадира Никоновой, что Яков не выносит парной. И это не беда

— справлюсь один. Главное, что рядом — все понимающий, порядочный и трудолюбивый человек.

Явившись, по окончании уборки, новоиспеченная заведующая Ганна Гарина восхищенно похвалила:

— Все чисто! Молодцы!

Хотя всерьез данную здравицу мы не приняли, зная вольный характер молодой начальницы, но всякая похвала, известно, и кошке приятна.

13 января, во время моего дежурства, Яков привел ко мне свою жену, чтобы познакомить.

— Степановна! — представилась скромно миловидная пожилая женщина, — а я слышала, что вы мой коллега — учитель.

— Бывший, а теперь банщик и друг вашего мужа.

— Он знаком с Вашей женой. Так вы с нею к нам, пожалуйста, в гости приходите.

— Все у нас впереди, — весело отшутился я. Мне нравились — простота в выражении мыслей и чувств и застенчивая улыбочка новой знакомой. Она была под стать своему мужу. И чрезвычайно огорчало то, что режиссер Гошин называл моего друга, симпатичного мне, еще с «Тихой обители», грубо и насмешливо — Сарафанычем. Словесник патологически не переносил его, как человека серьезного и трезвого, которого, как воробья на мякине — не проведешь. Потому, при всяком удобном случае старался отпустить в адрес Якова колкую фразу или язвительную усмешку. Что поделатъ — на чужой роток, как говорят, не накинешь платок.

Глава шестнадцатая

ДВУХЛЕТИЕ

*Февраль поземкой расписался,
Как среди пара и огня
Клиентам скупо улыбался
Два пенсионных года — я!*

Февраль 2004. Канун Дня защитников Отечества. Эта памятная дата говорит о том, что исполнилось ровно два года, как я исполняю обязанности банщика. За этот срок я потерял более десятка товарищей — уволенных большей частью за пьянство. Покинул 5-ю и мой первый коллега Виктор Тихонов — не вынесла душа обманов. Хаос, задержка с зарплатой, а главное потеря перспективы, допекли таки моего приятеля, и он подался на заработки в другие, еще не обворованные обители. Виктор Иванович не пропадет. В октябре ему будет начислена пенсия, и он обретет новые крылья.

Об этом мне поведала «Арсений», Сообщила она и о своем муже Викторе, что часто болеет, о новом банщике, что входит в обойму «своих» у арендаторши Багровой.

Встретившая меня в холле 5-й уборщица Лидия Сазонова ласково улыбалась:

— К нам на работу Иван Данилович?

— Да, кто же меня возьмет! — отшутился я.

— А Вы и не проситесь.

— Вот именно! — не промолчала при этом разговоре и былая бригадир Шахова.

Простыни

В свое время, лермонтовский герой Печорин, поглядывая на самовлюбленного приятеля Грушницкого, чувствовал сердцем, что рано или поздно, но ему доведется встретиться с ним на узкой тропке и одному из них — не сдобровать. Нечто подобное постоянно испытывал и я по отношению к банщику Гошину. Взбешен-

ный своими неудачами он решил посорить меня с Никоновой. 18 января он выпросил у меня простынь, а бригадиру объяснил, что не помнит: то ли Данилович у него брал, то ли он у него. Лишь на другой день, он вернул, якобы утерянную им простынь, не принося извинений. Хуже того 22 января он трижды заимствовал у меня три простыни, за последнюю не рассчитался, а потому я был вынужден уплатить за ее прокат свою личную десятку.

Причина такого вероломства заключалась не только в том, что, напившись пьяным, он боялся показываться на глаза начальству, а более всего потому, что он хотел дать мне понять, что догадывается о причинах отказа сотрудничать с ним (с 14 октября 2003 я не стал дарить ему десятки за простыни по принципиальным соображениям). Мне не понравилась его мстительность по отношению к Ивану Гришину, который, как и я нес ему добро, а получил зло.

Не лучшим образом вел себя и его слуга Телегин. Появляясь в бане, он проводил в ней по дню. Пить «на халяву» Гошин, в одиночку, не любит, а потому Телегин — его постоянный компаньон.

Выведенный из равновесия, я отчитал за склоку с простынями Евгения и заказал ему, чтобы впредь он ко мне на второй этаж не являлся. Он и впрямь перестал ко мне заглядывать, но коварная натура режиссера-словесника все-таки дала о себе знать. Он начал подсылать своих клиентов ко мне за вениками, а когда я требовал за них плату, то Женя вручал им свои веники и те демонстрировали мне его доброту (?). При удобном случае он всячески старался насолить мне. Не зря любил повторять Печорин, что натура — дура!

Уборщица Пронина

Не меньше зла приносила мне, а теперь Елизавете Дмитриевне и «Серафимычу» наша несравненная уборщица Галина Пронина. У бабушки «божий одуванчик» она выкрала 100 рублей от зарплат, у приятеля — десятку, у меня — ключи.

21 февраля мы с Яковом довели до сведения бригадира Антонины Ивановны Стариковой о данных фактах. Та, пообещала разобраться и посодействовать ее переводу в другой цех.

Наглость молодой уборщицы превзошла все границы. Ей мало показалось любезничать с «четверговскими», промывать наши косточки, она теперь стала водить на работу своих родственников, чтобы помыться и поохотиться за нами. С уходом «Толянов» ее вольница окончилась — выпить не с кем и не за что. Вот и перешла Галина с вымогательства на обыкновенное воровство. Ведь, за подаренный ей кавалерами мини-телефон, платить надо. И не мало. И каждый месяц.

Ганна, Батов и Бурков

Отсутствие у банщиков ключей и Положения привели к тому, что наглые посетители берут один 50-рублевый билет на пребывание в комнате отдыха, а гуляют по 7-10 человек. И не два часа, а, сколько заблагорассудится. 28 января сама директор Ганна взялась за дело. Прошла через мужскую раздевалку в комнату №1, где вместе с исполняющей обязанности бригадира Зоей Васильевной, попыталась разогнать компанию молодых мужчин, долго и грязно развлекавшихся друг с другом в бане.

Тщетно. Они откровенно демонстрировали перед ними свои члены, ругались матом, угрожали расправой. Майор Володин и я, присутствовавшие при этой вакханалии, предложили вызвать милицию. Директор пообещала позвонить знакомому юристу. Дело до конца так и не довела.

6 февраля старое повторилось сызнова. Я привел в кабинет директора некоего юриста Сергея Батова, который тринадцать лет тому назад пять минут числился моим учеником (в его классе я замещал биолога Платову). Потребовал от клиента уплатить за пребывание в комнате отдыха с каждого из пяти посетителей, а не за одного, как пытались это сделать господа «голубые». Батов выкручивался. То ссылался на то, что я его выгнал из класса и тряс за воротник в коридоре (я, дескать, затаил обиду за его хулиганство в школе) и теперь, будучи банщиком, напрасно придираюсь к нему и его товарищам. То указывал на отсутствие Правил, где предусматривались бы сроки помывки.

— Мы же все имеем высшее образование и все понимаем, — изрек с хитрою ухмылкой Сергей, — раз нет бумаги, то нет и спроса.

— Да-да. Это так, — соглашалась доверчиво наивная Ганна, — а Иван Данилович, если бы был плохим банщиком, то мы его давно бы выгнали.

Такое откровение бросило меня в краску и вызвало ликование у несостоявшегося ученика. Явившись к приятелям, он рассказал о своем походе к красавице Ганне и те лишь дивились ее глупости. Они-то, от того же Батова отлично знали, что за учитель был Ракитин! О его уроках ходили легенды. С его авторитетом считались все — учителя, родители и дети.

Я был буквально обескуражен, когда узнал от самой Ганны, что она окончила Академию государственной службы в 2003 году. Иметь высшее образование и не понимать психологии людей (ведь Батов просто насмеялся над нею и здравым смыслом) — это нонсенс. Правда, солидные клиенты, хорошо знавшие, ее отца, высказались более чем ясно и определенно: «Папа ей купил диплом, а она — самая обыкновенная дура». Солидный клиент инженер Есипов выразился еще откровеннее:

— На детях гениев — природа отдыхает.

О самом Гарине шла добрая слава. Как руководитель и как человек он заслуживал доброго уважения.

Правоту моего убеждения в глупости дочки генерального, подтвердил еще такой факт. Когда я, после устранения аварии (протекла труба на 3-м этаже и вода залила 2-й), купил на сданные бутылки три шоколадки и вручил, две из них — уборщице Антонине Павловной и бригадиру Никоновой, с разъяснением — за умелые действия в аварийной ситуации. И что же? Ганна отвергла мой добрый жест — третью, ей предназначавшуюся шоколадку, не приняла, под предлогом, что это — взятка. Пусть простить меня бог, но, я ее, с той поры, всерьез, директором бани не воспринимал, а смотрел на нее, как на несостоявшуюся ученицу.

Данное событие произошло 11 (среда), а еще 6 февраля, я неожиданно, у ее кабинета, встретился с бывшим наставником — майором Бурковым. Игорь Иванович был в сопровождении молодой жены и очень смутился моим восторженным речам о рыбалке, о делах 5-й бани. Он был на приеме у Ганны — явно хотел подвизаться в роли массажиста или культуриста-танцора. Вы-

давать свои секреты не захотел, а потому стушевался и наскоро распроставшись, спустился вниз по лестнице. Пообещал вскоре заглянуть. Слово же свое по обыкновению не сдержал. Да и что возьмешь с Нарцисса. Он, как всегда, в своем ампула. По разуму же Бурков — не чета Ганне.

Глава семнадцатая

ЭКСПЕРИМЕНТ

*Я долго ждал минуты этой,
Чтоб «подлость» вывести на свет:
Удачным пользуясь моментом,
Я свой провел эксперимент.*

Не зря гласит пословице: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Полтора года уборщица Галина Пронина безнаказанно развлекалась с господами «четверговскими». В течение этого же срока бригадир Никонова подыгрывала их союзу. Майский ожог ноги, постоянные переработки, скандалы и угрозы ничему не научили лукавую Глафиру Ивановну. Она целенаправленно вела дела к прямому конфликту между мною и союзниками, чтобы заработать дивиденды. А, чтобы не оказаться запачканной самой, бригадир изобрела хитроумную тактику — каждый четверг уходить в отгулы, оставляя за себя ничего не ведавшую о грозящей опасности банщицу Жарову, И на этот раз, 2004-04-08, бригадир пребывала на отдыхе, а Жарова управлялась с ее обязанностями. Прослышав о приходе наглых визитеров, она сокрушенно покачала головою: «Какая хитрая Глафира Ивановна, как наступает четверг — она в отгул».

По окончании рабочего дня, в десять вечера, известные клиенты находились в мажорном настроении. Бородавчатый клиент не сводил вожделенных глаз с круглого зада, вертевшейся перед зеркалом в прихожей раздевалки, выпившей Галины. Было ясно, что затевалось очередное издевательство над банщиком. Осознав это, я, на этот раз, решил действовать.

Пригласил к себе на этаж Жарову, и доложил ей, что уборку провел, а ждать пока «четверговские» покинут зал, не стану. Забросив на плечо черную сумку я побежал по порожкам вниз к выходу. Вот тут-то все и началось. Галя, будто взбесилась. Она неистово закричала: «Уходить не имеешь права! А вдруг нас прибьют! А кто мусор понесет!?!». Нечто подобное провозгласила и зам бригадира.

Однако, оставив без внимания вопли дам, я убрался восвояси. Жребий был брошен.

На утро следующего дня ко мне в комнату банщиков ворвалась побагровевшая от гнева бригадир Никонова и начала на всю Ивановскую отчитывать меня: «Как ты посмел уйти, когда клиенты еще не разошлись?!». Я отвечал кратко: «Не хотел, чтобы мне набили физиономию!».

Не удовлетворившись ответом, Глафира Ивановна решила действовать. Она продиктовала Жаровой и Прониной содержание докладных. Так, две кляузы, легли на стол Ганны, которая потребовала от меня написать объяснительную. Я категорически отказался, не чувствуя за собою никакой вины. Дважды она присылала за мною электрика Юрия Бокова, но все напрасно. Я не удостоил своей подписью и рапорт об отказе от объяснения, при этом заметил: «Пока не дадите отгулы, я ничего не подпишу». Свое заявление на 272 отгула я оставил у секретаря Генерального. Ранее, 15 марта, мы с Яковом Петровичем отнесли ему наши предложения по усовершенствованию работы Русской парной. Среди документов, подготовленных нами, были: должностная инструкция рабочего по обслуживанию (ранее написанный кадровиком Лазаревой, ее текст был подвергнут нами редакторской правке), Правила пользования банями и комнатами отдыха, трехстраничное письмо Генеральному с объяснением своей позиции, над которым, по отзыву Ганы, ее отец два дня смеялся.

Первые шаги самого Евгения Владимировича, явно обескураживали. Заподозрив меня в единоличном авторстве, он явно решил посеять раздор, вручив Серафимову, по случаю Дня работников коммунального хозяйства (21 марта) Похвальную грамоту и 300 рублей премии, обойдя подобным поощрением меня. Кроме

того, он стал неожиданно обращаться со мною на «Ты». А, когда я сообщил, что хочу помочь ему, как Болховскому земляку, то он несколько подобрел и дал согласие на персональный прием.

Накануне нашего визита произошло два события. Первое — драка пьяного клиента бани (пожарника) с массажистом Виктором. Второе — ожег ноги в парилке неким молодым «гомиком». В последнем случае Ганна обвиняла меня, хотя инженерное оборудование парилки — ее забота.

На приеме

5 апреля, по окончании санитарного дня, мы с Яковом Се-
рафимовым оказались в кабинете Генерального директора МУП
БПХ Гарина. Он вызвал по телексу: дочь и инспектора отдела кад-
ров Лазареву Светлану Борисовну.

Тон в квартете задавал сам хозяин. Вооружившись текстом нашего письма, он начал, от пункта к пункту, давать свои ком-
ментарии. Разъяснил, что банщики в Москве моют вместе с мас-
сажистами своих клиентов, за что получают большие деньги. В
Орле, это не практикуется, а потому, согласно Положению МКХ,
мы являемся просто рабочими по обслуживанию. Далее он согла-
сился с нашим утверждением, что заниматься «работой после ра-
боты» нельзя, ибо это запрещено трудовым законодательством.

Автор критикуемой Инструкции госпожа Лазарева, не выдер-
жала подобного издевательства над своим сочинением, и грубо за-
явила: «Иван Данилович, вместо того, чтобы убирать лучше грязь,
занялся «писательством» и его надо просто выгнать с работы.

Я рассмеялся и сказал: «Меня уволить можно, но пробле-
мы останутся». К тому же я предвидел такой расклад, а потому в
конце письма добавил, что мы воспользовались правом «вносить
предложения по совершенствованию работы». Это оговорено в
вашей же инструкции.

«Да, да, — подтвердил Гарин, — он имел на это право».

Свое неудовольствие поспешила выразить так же и директор
бани Ганна Евгеньевна. Захлебываясь словами, она выдала:

— Да он надо мною просто издевается. Я требую написать
объяснительную, а он отвечает, что передал ее прокурору и что

меня нужно судить за то, что я, за час работы, рисую уборщицам — семерку. У него в парной обжегся посетитель, а он ему вместо бинта дал кусок от оборванной простыни. Я об этом написала вам в своей докладной.

— Ладно, ладно, — прервал лепет дочери отец, — мы сами разберемся, а сейчас вы с Лазаревой, можете быть свободны.

Оставшись наедине, мы поведали Генеральному директору о недостойном поведении уборщицы Прониной и об интригах бригадира Никоновой, организовавшей смуту между клиентами и работниками бани. Серафимов потребовал перевести их на другие участки. Назначить бригадиром опытную и порядочную Марию Алексеевну Светлову.

Гарин поддержал такую постановку вопроса и пообещал это сделать в ближайшие сроки. Согласился он и с тем, что ключи от комнат отдыха должны быть у банщиков, Последних он решил менять местами (по две недели), чтобы не допустить перерасхода фонда заработной платы, как мы и предлагали.

На мое заявление об отгулах был дан письменный ответ. В нем сообщалось, что согласно табели учета рабочего времени за период с сентября 2003 по апрель 2004, (мною) отработано 1160 часов при норме 1163 и что переработки в 272 часа, указанной в заявлении, установлено не было.

Письменного ответа на наше письмо от 11 марта не дал, видимо посчитал, что устных разъяснений для нас вполне достаточно.

После аудиенции Серафимов пообещал мне посчитать все отработанные мною часы и найти, наконец, спрятанные в воду концы моих печальных отгулов. Ведь более чем странно. Мы с бригадиром работаем в одно время, она же гуляет по дню каждую неделю, были в отгулах так же он и Володин и лишь у меня, их не оказалось. Вздор какой-то! А может и не чепуха, а просто злой умысел! Впрочем, время покажет.

Всезнающий Евгений Гошин, на этот счет, высказался более чем ясно: — Гарин «Колхиде», так он, за грузность фигуры и неповоротливость звал Александру Никитичну Демину, дал 60 тысяч отступного, дабы освободить место для глупой Ганны, а тебе жалеет заплатить за кровно заработанные отгулы, это всего-то

две-три тысячи рублей. Он просто тебя надувает». Обратил он внимание и на такой факт, что я оказался прав, когда в ссоре с «Колхидой» заявил ей, что мое положение банщика надежнее, чем ее директорское. Ее уже нет, а ты все работаешь.

Не менее любопытна и такая закономерность. Как только что-либо натворят худое, во избежание ответственности: Демина, Никонова, Пронина, так сразу же уходят на бюллетень. Сегодня же, вслед за директоршей и уборщицей, пошла в очередные отгулы сама бригадир.

Когда я рассказал своему другу Сергею Шмелеву о подготовленных мною реформах в бане, то он совершенно серьезно обронил: «Да, ты, а не Горбачев, и есть — самый настоящий «Диспетчер перестройки» и добавил: «Впрочем, где бы ты не работал, всюду вносишь свою творческую инициативу».

Я рассмеялся и вспомнил вещие слова эрудита Гошина: «Самый опасный человек — это дурак, с инициативой!». Печально, если я окажусь таковым. А, впрочем, прав Михаил Задорнов, когда сказал:

— Дураки, мы — все!

Глава восемнадцатая

ПРОРЫВ

*Мои «реформы» обсудили
И, кажется, о них забыли —
Ничто в судьбе не изменив,
Как, вдруг, наметился — прорыв!*

Подарок земляка

После визита к Генеральному директору, в особенности, после его официального отказа предоставить отгулы, я начал уже сомневаться в целесообразности затеянных мною реформ — плетью обуха не перешибешь. Мой приятель Серафимов, напротив,

проявлял оптимизм, он не сомневался в успехе и оказался прав.

10 апреля, спустя всего пять дней, как мы побывали в просторном кабинете Гарина, нас озадачили цифры в полученных за март расчетных листах. В моем листе, например, сумма начисленной зарплаты, превышала январскую более чем на одну тысячу и составила 3078 рублей. У Якова Петровича — на двадцатку поменьше. Это обстоятельство так удивило членов моей бригады, что они не преминули уточнить: «Это, что? Расчет за отгулы?». Никонова, опустив очи долу, прямо таки заливалась краской гнева. Она рассчитывала на удержание премии. На худой конец «выговора». И право! Две «докладные» ею организованные — не фунт изюма! А тут вышло все, да наоборот. Было, отчего ломать перья!

— За, что такая милость, Иван Данилович!? Из грязи да в князи! — вопрошали коллеги.

— Военная тайна, — отшутился я, хотя в первые дни после полочки, сам склонялся к подобному выводу. Когда же в сан день, 12 апреля, директор бани Ганна предложила мне пойти в отгулы, то пришлось удивляться во второй раз. Невольно вспомнились слова знаменитого Остапа Бендера: «Лед тронулся господа присяжные заседатели!».

Прорыв явно обозначился. Правда, пока только по двум пунктам. Но с приемом на работу банщиком, таксиста — инвалида Сергея, успевшего в течение трех дней моего пребывания в деревне (16 – 19 апреля) покорить сердце непутевой уборщицы Галины Прониной — оказался выполненным — третий. А тут еще, два понедельника подряд Генеральный водил к нам в «Русскую парную» членов комиссии горсовета и горячо убеждал их в необходимости ремонта (о чем мы писали с Яковым) парной, моечного зала и раздевалки. Невероятно правильная реакция.

Такое поведение Евгения Владимировича обнадежило. Явно, что мой голос не оказался «гласом вопиющего в пустыне». Блага, что, как из рога изобилия сыпались на меня, сам я воспринимал, как достойный подарок земляка. Оказывается, прав был мой друг Сергей Шмелев, когда называл меня — «диспетчером перестройки».

Неудавшаяся интрига

Много глупостей можно прочесть в наглядной агитации. Над парикмахерской, например, висит плакат: «Слава бане — величайшему изобретению всего человечества». Уж очень выпренок. Куда проще было бы написать: «Слава бане — прекрасному изобретению человека!». В объявлении, что красуется на стене раздевалки, можно прочесть, что пятница (с 18 марта по 30 апреля) объявляется льготным днем до 17.00 часов. Но почему не весь день? Таким ограничением мы лишь унижаем пенсионеров.

В женской парной установлена цена 40, а в мужской 35. Почему!/? За право пользования комнатой отдыха амплитуда колебаний цен и того контрастнее: 5.40 — 15 с клиента. И опять без всяких объяснений.

Любят создавать интриги в МУП БПХ. Мастером в этом деле, безусловно, является наш бригадир. Никонова решила, например, своеобразно отметить день рождения моего внука Максима, что выпал на 24 апреля. Об этом она узнала из моего телефонного звонка имениннику. Весь день бригадир обдумывала план действий. И решилась. Запустила в три комнаты отдыха клиентов, не передав ключей, и ждала-ждала моего возмущения. Напрасно. Я хранил олимпийское спокойствие. Тогда бригадир прибегла к беспроигрышному варианту. Спустя час после закрытия кассы, в девять часов вечера, она открыла двери перед тремя клиентами-цыганами, дождалась той минуты, когда они разденутся, чтобы застать врасплох — вызвала меня из моечной комнаты.

— Иван Данилович, — сказала она, — к вам пробежали цыгане. Возьмите с них деньги.

— Почему вы их так поздно впустили?

— Не усмотрела. У меня другие заботы есть.

— Я занимаюсь «уборкой» и прихода их так же не увидел. Денег они мне полностью не заплатят — это в их обычае.

— А вы все равно возьмите!

— Нет. Это уже ваша забота! Вы же нарушили правила.

К концу смены бригадир явилась к гостям и потребовала оплату. После долгих пререканий клиенты все-таки рассчитались за мойку.

— Вот они 105 рублей у меня, — торжествовала бригадир, — а то они вам бы достались.

Вся эта комедия происходила на глазах банщика Володина, пришедшего ко мне, чтобы попариться. Он явно недоумевал: «Да она просто ловит тебя! Пожалуйся Генеральному! Деньги взяла, а в кассу наверняка не сдаст ни сегодня, когда касса закрыта, ни завтра — забудет».

Прав оказался приятель Володин. Чека на 105 рублей она так и не принесла. За то, вместо их, она утром 25 апреля вручила мне ключи от комнат отдыха. Как я понял, чтобы задобрить. Передавала с улыбкой, театрально. В словах — ложь, за спиной — нож.

«Божий одуванчик»

70 — летняя уборщица Елизавета Дмитриевна, которую мы уважительно величаем бабушкой «Божий одуванчик», наблюдая за работой нового банщика Сергея Озерова, была явно расстроена: «Туалет мыть отказался — это, дескать, ваше, уборщиц дело. Парилку за ним я сама переметала. Мусор поразбросал — не вынес, Толку из него не будет. А тут еще с Галей поддуливает — пьют вместе».

Был я свидетелем ее жалоб на строптивную помощницу.

— Галя — лентяйка! — убеждала она лукавую бригадиршу, — Судите сами. Она 60 дней в году, бывает на больничном, 60 как и теперь — отдыхает за свой счет и 30 — в отпуске. Мне одной за нее приходится отдуваться. А, как работает!? — Стены не могу мыть — боюсь упасть. Туалет не убирает — брезгует, я, мол, и дома его не убираю. В парилку не заходит — голова кружится. На что же нам такая работница нужна?!

— А почему же вы Елизавета Дмитриевна, — заметил я, — не рассказали бригадирам о краже Галиной у вас 100 рублей!?

— Да, жалость проклятая! — развела руками старушка.

— Жалость — плохой советчик.

26 апреля, после санитарного дня, Сергей и Галя остались дневать за пивом. Меня, выпроваживая в отгулы, Галя зло напутствовала: «13 мая — это четверг, на работу не приходите, а то вам опять «четверговские» настроение испортят. Ха-ха!»

До 13 мая дожить надо, а вот в злополучный понедельник мое настроение действительно было испорчено. По возвращению домой я увидел на столе телеграмму от брата Александра: «Срочно выезжай. Умерла жена Нина Федоровна».

К поезду «Орел — Москва» меня провожал Яков Серафимов. Мы о многом переговорили с ним. В том числе и том, что наряду с выполнением наших просьб, Генеральный не решил кадровый вопрос.

«Уберет он обеих, — убедительно заверил меня приятель — и бригадира и уборщицу. Есть уже и подвижки. Свою дочь Ганну, он в мае отправляет в отпуск, чтобы зря не компрометировать. Вместо нее директором побудет известная нам Ирина Новикова. Всякому груздю — свое время».

Глава девятнадцатая

ОТРЕЗВЛЕНИЕ

«Жалок тот, в ком совесть нечиста».
(А. С. Пушкин).

В воскресенье я встретился в банной раздевалке с полковником Дмитрием Ивановичем — большим знатоком и любителем русской бани, добрым и отзывчивым человеком.

— Бандиты больше не беспокоят? — спросил меня.

— Вроде утомонились.

— Присылал к вам майора из СОБРа. Он беседовал с вашим директором.

— Спасибо. Знаю от Деминой.

— А уборщица Галина Пронина, по-прежнему в интиме с ними?

— Все по-старому. Они ее сотовым телефоном снабдили для лучшей связи.

— Если, что отчебучат, то не стесняйся, звони.

— Хорошо.

— А как Гарин, помогает?

— Премию нам с напарником дал и в отгулы отпустил.

— Это он вам рот закрыл.

— Не может быть?

— А, вот посмотришь. Чиновник сначала уступит, потом утраченное звено, вернет. Тот же, Ковалев, сам свидетель, с коллективом 5-ой как поступил? Вначале снял замок с дверей, а потом вновь повесил. Вот и стал я в первую ходить, хотя в железнодорожной бане пар лучше. Но, вы не бойтесь. Вздумает притеснять, сходите с жалобой в мэрию. К его вышестоящим начальникам.

— Может, как обойдется. Жаловаться, вроде, нехорошо.

— Смотрите сами.

Чеки

Анна Югова, тихая 40-летняя кассир находилась в тесной дружбе с бригадиршей Никоновой и, как мы убедились, со многими банщицами. Их отношения были доверительными и основывались на общем интересе. Прямо скажем — на корысти! Разработанная ими афера не таила в себе головоломных комбинаций, однако, и не так проста.

Механика манипуляций с кассовыми чеками такова. Подает клиент деньги на билет в 35, скажем, рублей, она вместо таковой суммы, будто невзначай, дает чек на сопутствующий товар (реализуемый из кассового ларька) стоимостью в 9 или 11 рублей. Разницу забирает себе. Я не раз возвращал назад подобные талоны и этим вызывал недовольство. В первую очередь у кассира. Другой пример. Приносят кассиру доверенные лица, пробитые компостером билеты. Она обрезает компостер и вручает их новым клиентам. Укороченными листами, а часто без числа и времени они вновь красуются в каком-либо отделении бани. Навар делится между кассиром и банщиками. Этим не занимаются только, ленивые или совестливые, вроде нас с Яковом Серафимовым.

И вот, 27 мая 2004 в присутствии, заглянувшего ко мне, эрудита Жени, дает мне два талона за №№ 302 и 303 (на 40 и 20 рублей — расценки душевого отделения) некий Михаил Жаров (муж зам бригадира). Талоны с просроченным на полтора часа временем.

Они, как можно выразиться, уже отработали свое. Теперь же оказались, вдруг, у него. На поверку Миша с приятелем помылись у меня по фальшивым талонам. Гошин, повертев бумажки, усмехнулся: — Данилович! Что делать? Миша — муж банщицы. Надо выкручиваться!

Однако, вернемся к событиям 14 мая. В полдень ко мне заглянул молодой клиент Николай Мельников, мой бывший ученик. Вручает билет за 36 вместо 35 рублей. Я смеюсь:

— Коля ты рубль переплатил: сходи в кассу — тебе его вернут!

Он в ответ:

— Да сидит там крыса-кассир и обрезает талоны. При этом болтает с бригадиршей Никоновой. Я ей подал деньги, а она ни гу-гу. Я стал ругаться. Она в крик, что я отвлек ее от черного дела, бросила со стола бумажку и вот она теперь у вас. Помоюсь, к Гарину на прием схожу, отнесу ему их творчество. Пусть своих жуликов к рукам приберет. Ведь в кассе она ничего не пробивала. Может Вы, Иван Данилович, сами билет ему отдадите и телефон мой заодно?

Николай подал мне бумажку с цифрами домашнего телефона (36-05-56).

Я понимал, что нарываюсь на скандал, но стыд перед бывшим учеником, которого не один год учил добру и справедливости взял верх над здравым рассудком. Да и злость меня брала на женщин, которые завидовали нам, сдающим пустую тару. Сами же без труда тысячами воровали у казны. А тут еще предприниматель, инженер Николай Михайлович Жаворонок неоднократно жаловался, что кассир дает ему билеты без пробивки. Он так же просил меня воздать им должное.

И я решился на поступок.

Генеральный директор не замедлил с реакцией на мой доклад — началась проверка. Что она выявила, воздержанный на язык Гарин, не поведал. За то бригадир Никонова ни преминула упрекнуть:

— Ах, Иван Данилович! Что вы сделали? Югову теперь накажут, а она вас всегда защищала.

— А кому она давала книгу жалоб, когда на меня готовили анонимку, не сказала? Знает, а скрывает. Нечего на других указывать, если сама виновата!

Юмор заключался в том, что уже после проверки, спустя 3-4 часа кассир вновь присылала ко мне клиентов с чеками на сопутствующие товары (бутылки воды за 11.30) вместо 35 рублей. Или сдвоенные билеты в сумме (34.65 + 1-29) Время: 17.23, а в 20.00 чек (23.78 + 3.43). Урок, как видно, не пошел ей в прок. К тому же Серафимов мне набрал из своей кучи десятка два укороченных, со срезом компостера, свежих талонов.

Как дым улетучилась вера в благородство и порядочность главного шефа. Гарин, видимо, хорошо усвоил грустное резюме одного историка: «В России воруют — все!».

Лжевыборы

В понедельник 17 мая состоялись перевыборы бригадиров. Еще 5 апреля, мы с Яковом Петровичем требовали от Гарина перевести на другие участки работы наших сотрудниц — бригадира и уборщицу за связь с бандитами. Действий не последовало. И теперь выборы.

Две кандидатуры: Никонова и Губова. Хотя последняя мне не импонировала, но я проголосовал не столько за нее, сколько против Глафиры Ивановной. Бюллетень отдал Гошину. Пожелал, чтобы он, вместе со своей бумажкой, бросил в урну и мою. Женя тут же все обнародовал. Этим самым раскрыл тайну выборов и продемонстрировал Никоновой свою лояльность. Более того, попукаемый им преданный сменщик Алексей Телегин, стоял поодаль и беседовал с Гаринным. Он доказывал шефу, что Никонову, как мать троих детей, нужно в бригадирах оставить и повысить ей зарплату. Гарин, как мог, отбойривался от назойливого оратора и что-то невнятно обещал.

Лазарева собрала бумаги, и управленческие боссы покинули первую. По результатам голосования победила Глафира — большинство не хотело перемен — свыклись.

В среду 19 мая ко мне на этаж зашла бригадир и обескуражила вопросом:

— Вы будете писать на меня докладную Гарину?
— Я ни на кого не пишу подобных бумаг, — ответил я.
— Но, вы против меня голосовали.
— Не скрываю. Да и Женя вам об этом сказал.
— Вы мне Галю простить не можете. Но даю слово, что ее я уберу с этажа.

— Не верится.

— Если обещаю, значит, сделаю. Сергея Озерова, ее собутельника уже уволили. Он ушел в недельный запой. Будем нового банщика брать.

— Так уже взяли?

— Но, он всего вторник — один день поработал и ушел. Грязь не захотел убирать.

Забегая вперед, замечу, что слова своего бригадир так и не сдержала. Галина Пронина по-прежнему красуется перед клиентами. Сказала: «Ее сама Елизавета Дмитриевна защищает».

Я усмехнулся и подумал про себя: «Не бабушка «Божий одуванчик» тут помеха, а более высокие покровители».

Провокация

Во время субботнего дежурства (22 мая) ко мне заглянул Се-рафимов. Мы мирно беседовали, когда в комнату к нам заглянул, весь в выразительных наколках, молодой мужчина. Мямля блатные слова он упрекнул меня:

— Почему парилку не убираете?

— Парилка только что убрана клиентами, а я уже успел убрать мусор возле нее.

Клиент удалился, а спустя уже нескольких минут, он явился, с вопросом:

— Почему зал не убираете?

— В зале пока чисто, — отвечаю.

А сам думаю: «Тут что-то не так».

— Да!

— Это Гана провокатора к тебе прислала, — сказал Яков Петрович, — они в управлении, после выборов с Глафирой и Лазаревой собрались и решили тебя, а заодно и меня извести.

— Одна компания!

Неожиданно Ганна явилась моему взору:

— Почему вы курите в коридоре!?

— Привычка, — отвечаю.

Клиента я больше не видел. За то ко мне на этаж ворвались молодая директор Гарина с бригадиром — запричитали:

— Иван Данилович! Почему зал не убираете? Клиенты жалуются. Пишите объяснительную!

— Но, это же провокация! — возмутился я.

Ушла. Глафира Ивановна, оставшись, стала горячо убеждать:

— Иван Данилович! Может здесь и провокация, но поверьте, это не моих рук дело.

— Верю! — с улыбкою ответил я.

Выговор

Первые дни июня меня буквально вытолкали в отгулы. Мы с женою за 4 дня сумели обустроить и выкрасить ванную комнату. Побегать с другом Шмелевым по гаражным делам. Лишь в понедельник 7 июня я вышел на работу. С банщиком Валерием Струговым наводили порядок в бассейне. Тут меня вновь ожидал сюрприз. В раздевалку, где я возился со шваброй в руках, нагрянули отец и дочь Гарины. Они в один голос потребовали, чтобы я написал заявление на отпуск. Я пообещал, что напишу, когда узнаю срок окончания практики внука. Причина такого активного выпроваживания заключалась в том, чтобы я, на время, отошел от банных дел и не вздумал бунтовать против наложенного мне взыскания — первый путь к изживанию.

10 июня я оказией заглянул к начальнику ОК Лазаревой, которая предложила мне расписаться под приказом № 107 от 10.06.04 г. «О наложении дисциплинарного взыскания».

22.05.94 г. клиенты бани № 1 Бижунув А. В. и Калиманов К. А. обратились к бригадиру смены Никоновой с жалобой на рабочего по обслуживанию общего мужского отделения Ракитина И.Д, который, по их мнению, не убирает в отделении, а на их претензии ответил: «Зачем мне убирать, здесь много людей». Клиенты оставили письменную жалобу в Книге отзывов и предложений.

Администратор бани №1 Гарина Г. Е. и бригадир Никонова Г. И. провели проверку санитарного состояния мужского отделения — состояние раздевального помещения действительно не соответствовало предъявляемым требованиям.

Согласно должностной инструкции рабочий по обслуживанию бани в течение смены обязан проводить уборку помещения отделения, поддерживая чистоту.

Ракитин И. Д. дать письменное объяснение по существу жалобы отказался, о чем был составлен соответствующий акт.

Руководствуясь ст. 193 ТК РФ

ПРИКАЗЫВАЮ:

Ракитину И. Д. за неисполнение служебных обязанностей, объявить «выговор».

Основание: докладная, акт, копия жалобы.

Генеральный директор Е. В. Гарин.

В жалобе указан адрес: г. Орел, ул. Пушкина, 214, кв. 14. Любопытно, что чуть выше было начертано: «Большое спасибо и искренняя благодарность Серафимову Я. П. — за отличное обслуживание». Воромирин А. В. Малая Куликовка, 108.

Это сделано, как я понимаю, для контрастного сравнения. Разделяй и властвуй. Как же был прав полковник Дмитрий Иванович, когда предостерегал меня от возможных чиновных западней.

Выговор — следствие провокации администраторов. И еще любопытная деталь. В докладной Ганны, начертана ее отцом следующая резолюция: «ОК. В приказ с 1.06.04 на бассейн. Объявить выговор». Вот оно что: оказывается, что я подвержен наказанию, ссылаясь под бассейн, а не плановому переводу, тем более что банщик Валерий Стругов по здоровью идти работать в «Русскую парную» категорически отказался.

Мучило другое. Яков Петрович наверняка был уведомлен о несправедной лакировке бригадиром Стариковой, а умолчал. Вот таков он мой друг!

Утром 11 июня у дверей раздевалки меня встретил сам Генеральный. Пожимая мне руку, он, показывая глазами на мою рабочую сумку, спросил: — Сумка полная — с харчами, поди?

— Полна моя коробочка, — грустно отвечаю, и тихо говорю, — меня вчера в отделе кадров обрадовал ваш царский подарок — «Выговор».

— Ха-ха, — развел руками и заулыбался господин Гура, — ты же грязь развел. Ничего в отпуске отдохнешь. Вернешься, и с новыми силами за работу.

— Евгений Владимирович, вы все-таки скажите кадровику, чтобы она мне копию приказа дала.

— Конечно, скажу.

Лазарева встретила меня предупредительно и доброжелательно. Я решил потрафить ей, говорю: «А вы знаете, как я вас зову?». «Нет» — «Цветок лазоревый!».

— Ха-ха-ха! Спасибо, — расцвела она, уже перекрашенная, из белого в хмельной цвет, — это другое дело. Не то, что вчера — ругались «В суд подам!»

— Это все по глупости, — уничижительно сознался я, — мною такое бывает. Копию приказа, все же дайте.

— Со всеми это бывает, — взмахнула она своими пышными кудрями.

— Так спасибо за подарок земляка.

— Это вы о Приказе?

— О нем родимом.

— Пожалуйста, — вздернув плечами, она подала заранее подготовленные бумаги, и удостоила меня своим недоуменным, но выразительным взглядом.

Что еще выкинет этот неутомный революционер?

Глава двадцатая

РЕМОНТ

*Волк считанных овец крадет...
Начальство же куда мудрее,
Чтоб «зашибить»
Деньгу крупнее,
Оно берется — за ремонт!*

С 1 июня 2004 я начал трудиться «под бассейном» в паре с Валерием Струговым, который чрезвычайно агрессивно встретил меня. Мои реформы направленные на взаимозаменяемость не понравились ни ему, ни другим. Покидать насиженные гнезда никто не желал.

21 июня я отказался подменить Володина, чем вызвал бурю негодования. Его выручил, принятый банщиком, некий Николай Яковлевич, знакомый режиссера Гошина. Им рекомендованный в первую, Николай, ранее работал гробовщиком в частной фирме Айвазова. Спустя две недели он уже был уволен с мотивировкой — «за пьянку».

С 28 июня по 26 июля был в отпуске. Посетил сестру. Порыбачил с ее внуками. Расписался косой на поляне. Заглянул за грибами в Сивковские леса. Попотел на дачных грядках. Наведался в Шахово, но грибов почти не собрал — пустое лето. Выручила осень. Будучи на «годовщине памяти Илларионыча», прямо за Калиновским поселком, напал на богатый урожай опят, насобирав — две корзины отборных красавцев.

С 15 июля по 14 октября длился ремонт второго этажа, который по утверждению слесаря Леонида Ильина обошелся в 1 млн. 600 тыс. рублей. Гарин определил за укладку плитки (кв. м.) не 169, а 132 рубля — сэкономил.

Генеральный приватизировал гараж и землю под ним, что располагался сразу же за административным корпусом. В общем, земляк не дремал.

С августа по конец октября Александра Никитична Демина решила вновь устроиться инспектором БПХ и, как мне сообщил

электрик Юрий Боков, уже с 25 октября приступит к своим обязанностям. Ее неотступно мучает обида на Ганну, занявшую ее доходное место. Раньше Гарина работала в городской администрации под руководством Чурилова, который, по утверждению Деминой и словесника Гошина, едва, сплавив папе, избавился от несостоявшегося — «ведущего специалиста».

Яков Петрович побывал у себя на родине — в Киргизии, а по возвращению, до 26 октября был командирован во вторую баню.

14 октября, в день Покрова, открылся «АКВА — ЛЮКС», так отныне стал называться мужской зал 2-го этажа, где совместились воедино: Русская парная, Сауна и душ. Стоимость посещения определена в 50 рублей. Теперь, после ремонта билеты стали стоить 200 рублей. Там трудятся Володин и его новый (мне еще незнакомый) сменщик Юрий Петрович Нестеров, бывший работник Часового завода. По отзывам Ганны его, приняли кадры без согласования с нею.

В тот же памятный день мне нанесла визит, коллега Людмила Ивановны Лучинкиной, руководитель ее экскурсионного бюро Клавдия Петровна Курцева. Она позондировала почву на предмет моего с ними сотрудничества.

И еще. Ровно два года назад, именно в праздник Покрова я был принят на работу в первую баню. Это событие женщины-коллеги предложили мне отметить застольем или шоколадками. Я с улыбкой напомнил им, во что мне ранее обошлась моя доброта, когда Гана отвергла мой подарок. Они рассмеялись и более не докучали.

20 октября у меня, состоялись две интересные встречи: с экс — слесарем 5-й бани Козловым Евгением Анатольевичем и экс — банщиком Тихоновым — старшим. Беседуя в трамвае с Алексеем Ивановичем, я узнал, что его брат Виктор сейчас работает в Лужках на лесоторговой базе.

Из разговора с посетителем бассейна Козловым уяснил, что шеф 5-й Багрова, с мая месяца, ничего не платит своим рабочим. Вот почему Евгений Анатольевич подал на нее в суд. В прокуратуре, где он также побывал, установили, что Багрова приказов о принятии на работу не пишет, а уволившиеся не могут найти

концов. Тот же Козлов вынужден был доказывать факт своего трудового участия с помощью свидетелей. Шахова же и Анатолий Крайнев, подвизавшийся ныне банщиком 5-й, из боязни, навлечь немилость арендаторши, подтвердить данный факт отказались. Они предпочитают свое плечо не предоставлять — великие хитрецы, они действуют по принципу: «Узы-узы, а сами — под телегу», — возмущался Козлов.

Генеральный едва ли не каждый день заходил ко мне, чтобы осведомиться о моем настроении и здоровье, а в последнее время превратился в невидимку. Не докучает мне и Ганна. А 18 октября удивил своим доброжелательством ко мне сменщик Валерий Стругов. Тихо и незаметно ведет себя и мой бригадир. Такая обстановка мне напоминала — затишье перед грозой.

Обвал

24 октября (воскресенье) в бассейн заглянул средних лет мужчина с двумя билетами: один за 40, а другой за 50 рублей. Объяснил, что взял сразу и в «Акква-люкс». Посетовал, что жену в бассейн без пропуска не допускают. Попросил помочь. Я направился к бригадирше. Никонова отказала, как отрезала: «А может она больная?!»

— Но Вы же заводите ко мне до десятка знакомых, а они все без справок, — пытаюсь урезонить лукавую даму.

— Это мое дело!

Я объяснил клиенту Тидоренко Дмитрию Анатольевичу (тел. 9-92-64), представившемуся работником милиции, суть отказа. Во время нашей беседы в раздевалку ворвалась Аграфена Ивановна и устроила переполох. Ее грубая развязность возмутила клиента. Тидоренко, махая удостоверением, потребовал жалобную книгу. Она в амбицию: «Никаких книг не дам! Вон Ганна Евгеньевна идет!»

— Почему не дадите — это право клиента! — возмутился я.

Директор бани пригласила меня в свой кабинет. Я иди отказать. Вместо меня к ней направился Тидоренко.

Явившись в раздевалку, уже в конце смены, Аграфена Ивановна упрекала: «Вы Иван Данилович меня ненавидите за перевод в бассейн, а потому и желаете зла!»

— Ничуть! — ответил я, — это вы коварно мне мстите за голосование против вас. И все потому, что боитесь. Весь журнал учета клиентов изорвали, Зачем? Да, чтобы я ваших левых в нем не показывал!

— Да вы меня ловите!

— Ха-ха-ха! — рассмеялся я и спросил, — а знаете, какая между нами разница?

— Какая?

— Вы боитесь, что вас выгонят с работы, а я нет!

— Как не бояться? У меня на иждивении трое детей. Да муж алкоголик.

— Тогда и ведите себя скромнее.

Скромностью, а точнее совестью ни Аграфена, ни Ганна не отличались, а потому вновь решили грязно мстить.

В понедельник, 25 октября мы с напарником, провели санитарный день, а на следующий, в его смену, произошло ЧП — обрушился потолок. Полтонны мусора и щебня свалилось на головы 15 купающихся в бассейне школьников. К счастью никто не пострадал. Переполох, однако, был большой. Вызывали МЧС. Наведывалось начальство всех мастей из всех волостей. Было принято решение — бассейн закрыть на ремонт.

28 октября его вымыли, а в понедельник 1 ноября вновь навели порядок. За 20 минут до конца смены мы с Валерием покинули баню. Тем более что бригадиры отправили нас в бессрочные отгулы.

Когда возвратились на работу, то я получил из рук бригадира квиток — уведомление о зарплате и увидел — о, ужас! — премия за октябрь не начислена.

— Я тут не причем! — сразу среагировала на мое недоумение Никонова, — это так директор решила. Она на вас рапорт писала. С ней и разговаривайте.

Молодая Гарина была невозмутима: «Вы на 20 минут раньше ушли с работы и жалобную книгу требовали! Но, причем тут книга? Ушел с работы я вместе со Струговым. Его, что, тоже лишили премии?»

— Его я не видела! — был ответ.

— Инцидент с уходом имел место 1 ноября, а премию удержали за октябрь! — возмутился я, — буду говорить с вашим отцом.

— Ваше право.

Однако к Генеральному директору я не пошел. Решил — не унижаться!

15 (понедельник) ноября я отказался мыть полы в «Аквальяксе». Разъяренная бригадирша доложила о том самому Гарину. Тот не замедлил явиться в баню. Мы вежливо за руку поздоровались с ним, и он не упустил возможности сделать замечание по поводу моего проступка. «У меня есть свой участок работы, — объяснил я, — а если я вам не нужен, то увольте по сокращению».

— Нет, сокращать не буду. У нас в 4-й бане вакансии есть.

В этот день нам сделали прививку от гриппа. 16 и 17 подменял Гошина, а 20-21 ноября работал вместе с агрономом Наташей в ванно-душевом корпусе. 22-го единолично мыл бассейн. Во вторник 23 ноября ходил купаться в «Аквальякс». Дежуривший там Яков Петрович жаловался мне на сменщика Нестерова, который оказался, по его убеждению, жадным человеком — левые заработки единолично кладет к себе в карман. Обратился с просьбой — вернуться на 2-й этаж.

— Переведись в смену бригадира Стариковой. Попроси Гарина, — настойчиво уговаривал он — Аграфена сволочь. Она не перестанет тебе мстить.

— Никого просить не буду — резко заявил я, — это не в моих правилах. Сочтут нужным — сами переведут. А нет — обойдемся! Серафимов погрустнул. Видно тяжело ему без меня.

Газета «Просторы России» от 17 ноября 2004 года опубликовала статью Светланы Савельевой «БАНЮ АРЕСТОВАЛИ?».

В ней утверждалось, что 25 октября судебный пристав-исполнитель В. Шаркова вручила Гарину Е. В. постановление о возбуждении исполнительного производства. Далее, по тексту:

«Проблемы в БПХ начались с 2000 года, с прекращением финансирования из городского бюджета. Из 4-5 миллионов рублей ежегодной дотации город оставил 1 миллион 200 тыс. руб. в возмещение затрат на бесплатное обслуживание детей до 7 лет и

льготное за полцены от 7 до 14 лет. Все остальное коллектив должен был зарабатывать сам.

В первый «самостоятельный год» недоимка составила 600 тысяч. В 2001-м из 5-ти удалось возместить 3 миллиона. В 2004 недоимки составляют более 7-ми миллионов. Долгорукие московские парни готовы выложить 25 вместо оцененных 22 миллиона, чтобы прибрать баню в частные руки.

Выход один — увеличить цену за помывку до 60 рублей. Тяжелые времена грядут для клиентов центральной бани Орла. Придется в который раз раскошелиться».

Глава двадцать первая

УВОЛЬНЕНИЕ

*«Сколько веревочке не виться,
а конец будет»*

(Пословица).

Известный закон физики гласит, что на каждое действие есть противодействие: не пожелал я убирать второй этаж, как сразу же вызвали Генерального. Это случилось 15 ноября. Следующий понедельник я вновь не пошел к «друзьям», а потому одиночно убирал бассейн. То же самое я планировал осуществить и в санитарный день, выпавший на 29. Но не тут же было. Разгневанная моим «противлением злу насилием» коварная бригадирша тут же вызвала директрису.

— Это чем вы тут занимаетесь?! — услышал я гневный голос Ганны.

— Как видите, навожу порядок.

— В бассейне вам делать нечего. Пол вымоете, и отправляйтесь в «Акква-люкс».

— Если будет время.

— Будет. Тут в раздевалке дел на минуту.

— Как сказать.

— И не спорьте!

— В спорах рождается истина.

— Истина — это мой приказ! — Ганна развернулась на 180 градусов и удалилась из помещения.

Я не торопился. И лишь в 11 часов дня заглянул к приятелям. Пришедшая, по обыкновению помогать тунеядцам «Второго», Нина Федоровна вежливо со мною поздоровалась и доверительно сообщила:

— Знаете, Иван Данилович, бригадиры с Ганной ходили к Евгению Владимировичу на вас жаловаться. Так он их слушать не стал. Потому они вас трогать боятся, а теперь они хотят отправить в отпуск без содержания недавно поступившего на работу в баню Нестерова.

Тут же присутствовавший Юрий Петрович без обиняков заявил, что уходить в незаслуженный отпуск он отказался. На что, по его словам, Гарин резко отреагировал. «Иди! — сказал, — я без тебя все решу!».

Было ясно, что они затевают что-то со мною. Ведь все другие банщики так же наотрез отказались, идти на отдых «без содержания».

Мы с шутками и прибаутками убрали с Ниной Федоровной пол: все вымели, оттерли и помыли. Затем всей бригадой повесили кисейные занавески на окна зала и коридора. Заменяли, бракованные диваны, новыми, что ребята принесли из раздевалки родного бассейна. Мое бывшее место работы, таким образом, опустошалось, отчего я испытал некоторую горечь. Что греха таить — привык. Пусть работа под бассейном, кроме оклада, никаких «левых» не сулила, но была относительно спокойна. Пользуясь досугом, я перечел здесь много добрых книг, и от того получал не малое удовлетворение. Совмещал, так сказать, приятное с полезным.

В конце смены на 2-й явились бригадиры. Нина Федоровна не преминула похвалить меня за хорошую работу. Бригадир Никонова была явно недовольна таким раскладом и, обращаясь ко мне, распорядилась: «Завтра выйдете вместе с Володиным на совместное дежурство — это приказ начальства. Теперь будете дежурить по двое».

На следующий день я явился в «Акква-люкс», где провел генеральную чистку рабочих помещений от затоваренной посуды. В середине рабочей смены к нам заглянул банщик Яков Серафимов. Он в свою очередь предложил мне сдать его стеклотару. Доходы честно разделил поровну.

Не чистый на руку летчик наградил меня в конце смены лишь 15 рублями, но я не сетовал. Была среда. Клиентов наведальсь мало, а потому и доход оказался мизерным.

Яков Петрович продолжал настаивать на моем переводе в смену Стариковой: «Будем трудиться вместе, — убеждал он, — мы оба порядочные, а не то, что эти жадюги — Володин с Нестеровым. У меня с ними — психологическая несовместимость».

— В космос, при таком раскладе, вы с ними бы не полетели!? — пошутил я.

— Ни за что! — отрезал он, — я сейчас сам, раз ты не хочешь, пойду к Гарину и поставлю этот вопрос.

— Не возражаю, — ответил я.

Позже я узнал, что Серафимов, не застав на месте Генерального, ставил эту задачу перед его дочерью, на что молодая директриса пообещала, что после 10-дневного отпуска, в который отправлялась, она этот вопрос урегулирует. Она, конечно, лукавила, ибо в планы трио: зама по кадрам Лазаревой, бригадира Никоновой и ее, объединенных общей ненавистью к строптивому банщику, не входило мое возвращение на круги своя. Цена за входной билет возросла на 2-м до 50 рублей, а потому возможности с махинациями явно прибавились. Посвящать в это принципиального Ракитина, это все равно, что пустить «козла в огород». «Трио» направились убеждать Генерального в том, что в моем лице для всех них грядет опасность. Евгений Владимирович, не устоял, перед натиском дам. Он согласился с их требованием, но предупредил, что он решит вопрос с Ракитиным — честно, «по-хорошему».

Ядовитый «цветок»

*«И обмануть меня не трудно,
Я сам обманываться рад».*

А. С. Пушкин.

1 декабря 2004 года — последний день моей работы в бане я дежурил на 3-м (банщик Евгений Гошин отпросился в отгул — менять батареи). В два часа дня бригадир Никонова объявила, что меня в 15.00 вызывают в отдел кадров.

— Никак увольняют!?! — осведомился я.

— Если бы выгоняли, то уж я бы знала, — важно ответствовала она.

Ровно в срок я предстал пред светлыми очами Лазаревой. Светлана Борисовна подчеркнуто ласково встретила меня и усадила на стул. Встряхнув белокурыми кудрями, эта мною воспетая «Цветок лазоревый» начала свой монолог.

— Иван Данилович, вы знаете об аварии в бассейне. Он закрыт на ремонт. Это может растянуться на год, а то и два. Сложилась такая ситуация, что банщики оказались лишними. Один из них трудоустроен сторожем, а вам мы можем предложить работу на стройке в качестве подсобного рабочего. Вы конечно не согласитесь.

Она говорила тоном, не терпящим возражения. Я молчал и слушал. Внимательно глядяваясь в выражение моего лица, она продолжала:

— Вы просили Генерального сократить вас. И мы решили пойти вам навстречу.

— Заплатите за три месяца вперед и можно расстаться, — сказал я, и вдруг по лукавой искорке в глазах моей собеседницы понял, что сморозил глупость.

— Не за три, а больше.

— Если больше, то я вам бутылку вина поставлю.

— Вина не надо. Мы вам уплатим, как вы скажете.

— Хорошо. Давайте лист бумаги, и я вам дам свое письменное согласие.

— Пожалуйста.

Взяв ручку, я написал соответствующее заявление. Прочитав его Лазарева явно довольная, умиленно улыбнулась.

— Вот если бы вы не лезли туда, куда не надо, то никто бы вас не трогал. Работали бы себе спокойно.

— Не правда!

— Что имеете ввиду!?

— А то, что я два года никуда не лез, а на меня появилась в книге жалоб злобная анонимка.

— Но она прошла без последствий. А вот, когда вы бумаги ворох принесли?!

— А вы обиделись, что я подверг критики сочиненную вами «инструкцию» и потребовали от Генерального выгнать меня.

— Вы ее отредактировали, а сделали для себя хуже. Зачем вам это было нужно?

— Что поделать, раз у меня такое воспитание.

— Какое?

— Коммунистическое. Советское. Со всеми пунктами морального кодекса.

— Вы отстали от жизни.

— Возможно, — ответил я и покинул кабинет. Следующая наша встреча должна была состояться 6 декабря в 11.00.

В назначенный срок я вновь появился в кабинете госпожи Лазаревой. На этот раз «цветок лазоревый», как мне казалось, источал яд. Она подала мне приказ № 206 от 6 декабря 2004. «О сокращении численности работников МУП БПХ и изменении штатного расписания». В нем указывалось, что «В связи с закрытием бассейна бани №1 на капитальный ремонт с 7 февраля 2005 года подлежат сокращению банщики: Ракитин и Кузина, а также ликвидируются две вакансии».

— Но в приказе говорится о двухмесячной отработке.

— А вы не хотите?

— Нет.

— Тогда перепишите заявление, а приказ завизируйте.

— Пожалуйста.

Когда я исполнил указание, Светлана Борисовна торжествующе потрясла бумагами.

— Теперь вы на меня в суд не подадите.

— А я не собирался.

— Вы считали себя умным, а не знали, что вам положена компенсация за 5 месяцев, а раз теперь вы написали заявление и подписали приказ, то получите лишь за три, и то в рассрочку.

— Коварная же вы женщина! — вырвалось у меня.

— Какая бы не была, а я стою на страже интересов предприятия. Если вы не довольны, так можете пожаловаться на меня Генеральному директору.

— Не хотелось бы его вмешивать.

— Нет, Вы сходите.

— Хорошо. Схожу, если вы настаиваете.

В кабинете Гарина я произнес тираду относительно женского коварства. Тем более что я знал о том, насколько земляк некогда сам пострадал от прекрасного пола (первая ревнивица жена изгнала его из дому, в наследство от которой выросла непутевая красавица дочь, перекрестившая себя из Галины в Ганну).

— Женщина — это черт вывернутый наизнанку.

— Это вы о ком? — принял мою шутку Генеральный.

— Да, о «цветке лазаревом». О Лазаревой. Обиделась за критику и теперь мстит — экономит деньги для предприятия. А, когда увольняли по сокращению Демину, то ей 60 тысяч уплатили.

— Брехня! — отрезал Евгений Владимирович, — у нее совпал с увольнением День именин, вот мы ее окладом и вознаградили.

— Я согласен, вместо пяти получить и за три, только сразу.

— Хорошо.

Гарин вызвал к себе Лазареву и распорядился, чтобы завтра в 11.00 мне был дан полный расчет. На прощание сказал:

— Как только бассейн начнет работать, то непременно приходите. Будете продолжать трудиться. Я знаю. Вы банщик хороший.

— Благодарю на добром слове, — улыбнулся я.

7 декабря мне вручили 7 438 рублей — это был неплохой подарок за мой трехлетний, добросовестный труд.

8 октября мы с другом Шмелевым приобрели сотовый телефон, и я с женою уже успели поговорить по нему с любимой внучкой Настей.

Посетил «Тихую обитель». Надеялся увидиться с Лидией Сергеевной. Но не судьба, то была не ее смена.

ЭПИЛОГ

«Сооружение бань — обязанность государства».

Платон.

Великий греческий философ Платон утверждал, что только тот, кто соединяет в себе силу, здоровье и выносливость со стойкой волей, умом и сердцем, настоящий атлет. Вся жизнь философа был сторонником гигиенического режима. Первое благо для человека, говорил он, здоровье, второе — красота. Самая целительная медицина — телесные упражнения. Купание и баня снижают не только усталость, но и болезнь. Чтобы взбодрить себя, сбросить лишний вес. Платон часто прибегал к банной процедуре.

Через столетия до нас дошли слова философа: «Сооружение бань — обязанность государства». И действительно в Греции наряду с частными активно строились общественные бани. Издавались законы, обязывающие граждан регулярно ходить в баню. Назначались «смотрители купаний», которые следили за неукоснительным соблюдением этих законов.

Но, если в Древней Греции правители думали о благе народа, то в наши дни стали думать лишь о толщине своего кошелька. Дабы не прослыть голословным приведем несколько строк из документов. Газета «АИФ в Орле» в № 16 за 2008 год, под броским заголовком «Почему муниципальные бани в Орле убыточны?», сообщает о следующем:

«История банкротства орловского банного хозяйства началась не сегодня. До недавнего времени в Орле действовали расценки, установленные еще в декабре 2004 года (это время увольнения с работы автора повести «Жар малиновый» Ивана Ракитина), которые были сравнительно невелики. Если учесть, что предпри-

ятие ежегодно обслуживает около 69 тысяч (таково количество населения города Ливны, где, вообще, нет ни одной общественной бани) льготников, то одни прямые потери БПХ составляют порядка полутора миллионов рублей в год.

Если ранее выпадающие доходы от предоставления льготных услуг банно-прачечному хозяйству возмещал городской бюджет, то, начиная, с 2006 года, в городской казне вообще не предусмотрена подобная статья расходов. В итоге, политика сдерживания тарифов, привела к обострению ситуации с банкротством бань. (Третья, например, в настоящее время закрыта вообще. На 320 тысячный город сегодня приходится лишь три коммунальные бани).

Миллионные долги МУП БПХ ведут историю еще с 2004 года — 25 миллионов рублей. В декабре 2006, в отношении МУП БПХ, в связи с неплатежеспособностью началась процедура банкротства. Решением Орловского арбитражного суда было введено внешнее (московское) управление. Кредиторская задолженность по налогам и расчетам с поставщиками составила около 30 миллионов рублей.

Представители мэрии придерживались позиции, что банно-прачечное хозяйство должно стать рентабельным, предложили горсовету программу вывода из кризиса: повышение тарифов, продажа имущества, которое не участвует в профильном бизнесе. Предусмотрено развитие новых услуг, способных достойно конкурировать с частными банями.

Тем временем долги предприятия составили 33 миллиона рублей, пять из них, приходились на налоговые платежи».

В той же газете, но уже за № 18 в информации «Совсем запарили», говорилось: «В банно-прачечном комбинате заменено руководство: отстранена от работы и лишена права подписи генерального директора БПХ Татьяна Башкунова — (она в 2005, получила этот пост от, известного нам по повести, господина Гарина Е. В., а теперь, сама оказалась в отставке). В настоящее время МУП БПХ руководит представитель внешнего управляющего. Горсовет рассматривает возможность выкупа кредиторской задолженности БПХ, которая на сегодня составляет 22 миллиона рублей».

30 января 2009 года я заглянул в центральную баню Орла, что-

бы помыться. Узнаю, что льготные билеты стали стоить 53 рубля, вместо 45, ранее. Дай-то бог, чтобы такое повышение способствовало стабилизации банного хозяйства в условиях нынешней острой конкурентной борьбы и жители Орла были впредь спокойны за свое здоровье, которое им приносит баня.

Читателям повести Ракитина «Жар малиновый» наверняка будет интересно узнать о том, как сложилась банная судьба ее главных героев.

Ушли в вечный мир Мальков и Крайнев, а за ними и Ракитин. Бригадир Никонова добилась таки своей коварной цели. Поймала на очередном хмельном застолье во время работы режиссера Евгения Гошина и, по ее докладной, госпожа Башкатова уволила его. Следом за ним был принужден покинуть «Сауну» и его верный напарник и друг Алексей Телегин, что вновь стал трудиться на одном из орловских предприятий, по своей старой профессии — термиста. Не благосклонной оказалась судьба и к самой Никоновой. Госпожа Башкатова обвинила ее в финансовых и трудовых нарушениях и выставила, как водится, за порог предприятия.

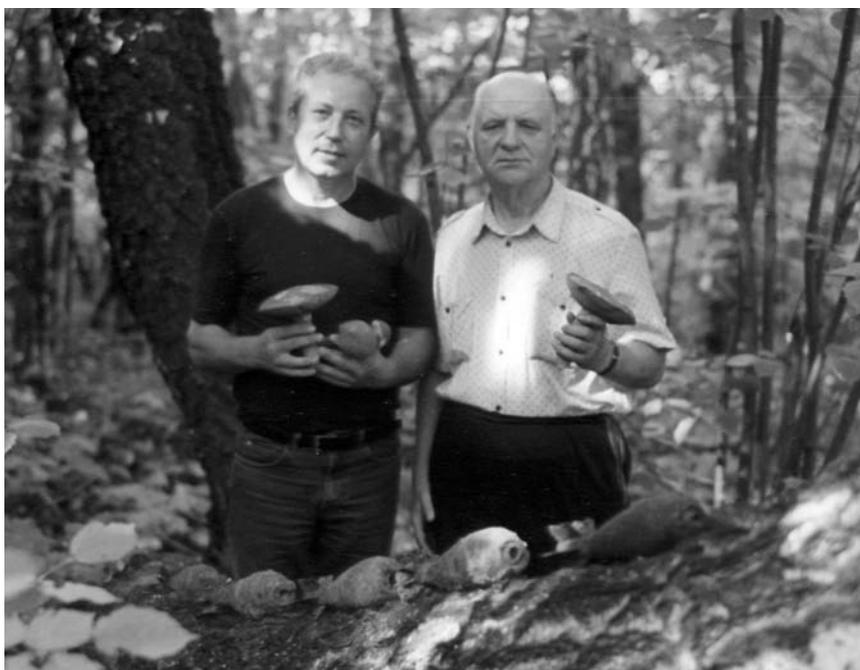
Не сдаются без боя старожилы бани: бригадиры: Старикова и Светлова, банщики Серафимов, Володин и Стругов, слесари: Ильин и Громов, Электрики: Гвоздев и Боков.

Все они, как старого и доброго знакомого встречают меня, а после банных сеансов мы еще долго обсуждаем дела минувших дней, отраженных в повести Ракитина «Жар малиновый».

Об огромной пользе «русской бани», для здоровья и бодрости духа, говорят такие правдивые строки поэта:

Как после бани дышится легко —
Душа летает выше облаков.
Всем хочется прощать
И всех любить,
Лишь после бани,
Начинаешь — жить!

ЗАПИСКИ ГРИБНИКА И РЫБОЛОВА



АФРИКАНЕЦ

*Он — русский, а не иностранец,
Хоть носит имя — Африканец!
Майор спецназа воевал —
В далекой Никарагуа...*

Потомков негров в США именуют — африкандерами. В России стало нормой называть участников войны в Афганистане — афганцами, а сражавшихся на стороне прогрессивных сил республики Никарагуа, бывшей союзнице СССР — африканцами.

С одним из них, бывшим майором спецназа Гареевым Георгием Ивановичем (фамилия по известным причинам изменено), мне довелось несколько дней совместно порыбачить летом 2008 года на Юрьевском пруду и Хотынецком озере.

1.

Гарееву сегодня всего 50, но вот уже 15 лет, с 1993 года, как он числится в пенсионерах. Инвалидность — следствие ранения в голову и позвоночник, Георгий Иванович получил при исполнении воинского долга. Ему подобные, увечные фронтовики, пытаются адаптироваться в мирной жизни. Не имея гражданской специальности, они соглашаются работать охранниками, на худой конец — сторожами. Гареев же, напротив, весь отдался увлечению детства — рыбалке. И в этом деле достиг полного совершенства. Не смотря не на какие капризы природы, он слывет удачливым рыболовом.

Успех достигается за счет безупречной снасти, которая у него любо посмотреть: полное соответствие размеров и цветов — крючков и лесок, поводков и грузил. Подкормка и наживки строго пропорциональны величине и породе рыб. Учитывается все: скорость и направление ветра, атмосферное давление, температура воды и воздуха, облачность и время дня. Свои знания он черпает не из умных книг бывалых рыболовов, вроде Аксакова или Сабанеева, хотя с их трудами неплохо знаком, а из многолетнего личного опыта. В силу слабого зрения, в последние годы, Гареев сменил поплавочную удочку на «Резинку». С нею больному

позвоночнику легче переносить нагрузки. В отсутствие клева есть полная возможность ослабить его напряжение — встать, размяться, а то и прилечь на зеленом берегу.

Гареев — хороший товарищ, без предрассудков. Всегда поделится не только добрым советом, но и наживкой.

— Садись со мною рядом, — как-то он предложил мне, — и будем соревноваться: кто больше поймает?

— Кто может сравниться с Матильдой моей? — отшутился я, хотя его предложение и принял.

— Я тебе не Матильда, она дома допивать осталась.

— Ты о ком?

— О жене своей, хотя ее иначе — Норой зовут. Пьянь баба! Больше мужика глушит. От нее я чаще всего и спешу на электричку, чтобы мои глаза ее кислую физиономию не видели. На рыбалке все горести забываются.

— Выходит с норомом твоя Нора?

— Ха-ха-ха! Это уж точно. Она, что бык колхозный: упрется во что рогом, с места не сдвинешь! Из-за нее, проклятой и я пьяницей стал. Начнет бузить или перечить, да так наосточертеет, что взял бы за горло, да и придушил. Сидеть вот только за нее не хочется: у нас дочь славная растет. Жаль девушку сиротою оставлять.

— Жена на пенсии?

— Нет — годы не вышли. Еще работает. Одно не знаю, как ее еще держат там?! Впрочем, сейчас при демократах весь мир превратился в бардак: пьют, гуляют! Кто, на что горазд.

— Выходит, она, как некогда пел Владимир Высоцкий: «Пью, но на свои».

— На мои 4 тысячи в месяц здорово не разгуляешься. А тут еще недавно на два куска милиционеры судом накрыли.

— Что за притча? — поинтересовался я.

— Не притча, как ты культурно выражаешься, а обыкновенная глупость на меня снизошла.

— Нельзя ли подробнее?

— Отчего, это можно. Однако, приятель, извини, клюет, — Георгий ловко взмахнул удочкой, положил ее на подставки и начал быстро выбирать леску. На одном из 8-ми крючков оказался

крупный, грамм в триста, карась, — вот видишь каков гусь — это на мою перловку такие идут, не то, что у тебя на червя — до ста граммов не дотягивают. Выходит, сидим рядом, а я ловлю рыбу, а ты — рыбешку! Так, как с тобою, мы и с Филипповичем, с кем часто рыбалим, соревновались. Я наловил 8 килограммов крупника, а у него — три мелочи.

— Не беда. Я внимаю совету поэта Дмитрия Бlynского, что писал:

Что же ты не ловишься, рыбешка?
Разве ты не заешь, что война...
Мне бы пескарей
Хотя б немножко,
Мне большая рыба не нужна.

— Ты мне о войне не напоминай. Я этого киселя (провел рукою по горлу) вот как нахлебался. Лучше возьми у меня перловки, коль своей нет, да и лови, что надо.

— Я и не напоминаю. Просто к слову пришлось. А за перловку спасибо.

Но, сколько я не нанизывал — на подаренную наживку у меня вновь шла разная мелюзга — не по коню корм. Я понимал, что тут дело в снасти, а не в наживке. Моя же «Резинка», образца 80-х, в отличие от Гареевской, никуда не годилась. Тут дело мастера боится. Да, Гареев был настоящим мастером своего дела.

Когда крючки ушли в воду, и наступила пауза, Георгий Иванович сам вызвался продолжить, прерванную неожиданным клевом, беседу.

— Вернемся, как говорят на Востоке, к нашим баранам, — сказал он, — то — есть к событиям, что произошли у меня на Юрьевском пруду.

— А разве там и милиционеры были? — некстати спросил я.

— Обратней в погонах там, к счастью, не было. Они появились уже в электричке, когда мы с приятелем — рыболовом Андреевичем там оказались. Мой собутыльник набрался так, что не мог

идти. Чтобы не опоздать к сроку прибытия электропоезда, я его от пруда, более километра, буквально тащил на себя. И это с больным позвоночником при 34 градусах жары. У нас, спецназовцев, это в крови: сам погибай, а товарища — выручай! Вот и выходит Андреевича — этого 70-летнего выпивоху выручил — доставил на перрон, где он продолжал отсыпаться, а меня копошащегося возле него милиционеры и задержали. Обработали за непочтение к ним резиновыми дубинками и доставили в КПЗ.

— Ну и что!? Надеюсь, разобрались и выпустили.

— Как бы не так. Все дело в моей профессии. Тащит, оскорбляет меня лейтенант, а я ему говорю: «Ты куда майора волочешь? Я вас всех троих могу замочить». Развернулся и заехал первому попавшемуся по лбу своей тяжелой пятерней. К тому же ненароком и штаны ему порвал. Вот с того и «пошла, писать губерния». На меня дело завели по статье — сопротивление властям. Подготовили справку медэкспертизы по поводу синяка на голове потерпевшего. Дочь посмотрела по компьютеру, сказала: «Папа, это по УК РФ на 8 лет тянет». Известно, дурное дело не хитрое. На суде здорово адвокат помог. Где-то хорошую характеристику на меня раздобыл. Я, протрезвев, понял, что натворил лишнее, извинился перед милиционером. Но, куда там. Обиженный офицер УВД потребовал от меня выплатить две тысячи за порванные брюки и 10 тысяч за моральный вред. Нужно отдать должное судье, что снизошел к инвалиду, проявил милосердие. Он, установив мою личность по компьютеру, узнал о моих боевых ранениях, и тут же переквалифицировал статью с «сопротивление властям» на мелкое хулиганство. Компенсацию за моральный вред счел излишней и оштрафовал меня — за испорченную форму на две тысячи рублей. Хуже этого позор — появилась 1-я судимость.

— А, как же Андреевич? Ведь он то же пьяным находился в общественном месте.

— С него, как с гуся вода. Он был в отрубе, сопротивления не оказывал — его просто бросили на платформе и забыли. Говорю ему после суда: «Из-за тебя весь сыр-бор. Ты хотя бы с уплатой штрафа помог». Ответ огорошил: «Нет денег». На самогон хватает,

а помощь товарищу средств нет — такова психология хитрецов. Вот, и выручай таких «слабых» из беды. С того времени я видеть его не могу, а не то, чтобы вместе выпивать. Сам, наверное, слышал, как на пруду я ему в ответ на предложение «взять самогону», при тебе же, ответил: «С тобою пить я завязал».

Такой факт действительно имел место, но тогда я еще не знал, что его собеседника, походившего к нам с рюкзаком за плечами, зовут Андреевич, ни событий с ним связанных. У меня как-то сложились стихи, и я их прочел вслух:

Его пример тебе наука,
Как с кем попало есть и пить.
И поднимать на власти руки —
Опасней, чем в спецназе быть!

— Не знаю, откуда ты эти стихи взял, но тут ты конечно прав, — согласился африканец и как-то грустно и задумчиво, продолжил, — не спасай скорпиона, он и защитника укусить может. Такова сущность этого пресмыкающегося. Андреевич, ведь самый настоящий скорпион и есть. Знаешь, что он мне сказал: «Никто тебя не просил тащить меня — сам виноват, сам и расплачивайся!».

2.

Как-то, прощаясь в электричке, Гареев живет в Заводском районе Орла и выходит на станции ЦОН, он сказал мне: «Приезжай завтра. Сходим на озеро, там клев надежнее, чем на Юрьевском пруду, где уже дважды зло поусердствовали электроудильщики — головы бы им всем поотрывать». Я пообещал и верный своему слову в 4.18 утра забрался в электропоезд «Орел — Брянск». На ЦОНЕ Георгия Ивановича не оказалось. Я подумал, что приятель просто проспал, а если и приедет, то уже 8-часовым рейсом.

Я в полном одиночестве сошел на станции ХОТЫНЕЦ. Все другие рыболовы отправились дальше, на 73 км.

Озеро предстало передо мною во всей красоте утренней зори. Тишь и гладь. Лишь изредка гогочут гуси, да раздается нудное кваканье лягушек. Оказавшись у знакомой сижки, я быстрень-

ко разобрал и забросил в воду грузило. Однако, не удовлетворившись этим забросом, учитывая, что моя «Резинка» имеет около 11 метров длины и при рабочем натяжении 1 к 5 подведет мои крючки близко к берегу, я решил завести ее, как можно дальше. Раздевшись, я взялся рукой за страховую леску и поплыл вперед. Отыскав грузило — тяжелый, округлый подшипник, я потащил его к противоположному берегу, до которого было не менее 200 метров. Меня же вполне удовлетворяло расстояние в 40-50. Озеро, имевшую глубину до шести метров, на моем участке оказалось неглубоким, а потому мне удалось легко справиться с поставленной задачей.

Выбравшись на берег, я нанизал на крючки червей, накопанные мною на собственной даче, установил удилище и стал ждать поклевки. Выудив пару небольших карасей, я отправил на леске несколько прикрепленных к ней кусков заранее подготовленного теста — клев стал активнее. Еще дважды я отправлял подкормку в воду, прежде чем, услышал знакомый голос:

— Дмитриевич! Ты уже на месте. Молодец! Немножко посто- ронись, я свою снасть рядом заброшу. Не возражаешь?

— Какой разговор, пожалуйста. С чего опоздал?

— Вчера вечером выпил, утром подниматься тяжело, вот и приехал лишь к десяти. Но ничего, времени у нас до пяти вечера много, так что успеем и отдохнуть и рыбы наловить.

На этот раз Гареев был не один. Рядом, с велосипедом в руках, стоял седой, крепкий старик. Крупные черты пришельца говори- ли, что передо мною — «лицо кавказской национальности».

Дмитриевич! Это мой товарищ. Он грузин. И это ничего, что с Грузией мы сейчас в неладах. Пусть их президент Саакашвили — фашист, что уничтожил сотни невинных осетин, зато Зураб за много лет проживания успел ассимилироваться в России и стал другом русских.

— Чего нам делить. Сотни лет вместе. Почитай — с царицы Тамары и князя Георгия. Политики уходят и приходят, а простому народу надо жить в дружбе.

— Верно Зураб. Еще Карл Маркс говорил, что нет таких гнус- ностей и мерзостей, на которые, во имя власти, не отважился бы

пойти капитал. Будь он грузинским или американским, еврейским или тем же русским. Пролетариям же ничего не остается, как только объединяться. Спасибо тебе, что дал похмелиться, не то голова кругом шла.

— Пожалуйста. А ты разве сегодня не навестишь Зину? Роскошная женщина, да и ты мужчина видный. Вы не плохая пара была бы.

— Когда я ходил к ней за самогонкой, то намекнул на амурь.

— И что?

— Говорит, что нельзя — муж, дети.

— Одно другому не мешает.

— Ха-ха! Сегодня буду у нее, еще побеседуем.

На этом разговор африканца с сыном Грузии печальной, завершился. Зураб сел на своего железного коня и пообещав встретиться с ним на станции после рыбалки, чтобы вместе отправиться в Орел, нажал на педали.

Установив орудие лова, Георгий Иванович не замедлил порадоваться отличному экземпляру. На крючке бился крупный, едва ли не полукилограммовый карась.

— Ура, молодцам! — шутил он, — а у тебя лишь мелочь.

— Каждый петушок — знай, свой шесток! — скромно парировал я, — впрочем, можно провести эксперимент.

— Какой?

— А вот смотри, — сказал я. Спешно раздевшись, я взял с собой большой куль с комбикормом и направился в воду. Высыпав у крючков содержимое, я вернулся на берег, оделся и стал ждать. Не прошло и минуты, как я выудил большого карася.

— Н-да, — улыбался Гареев, — действительно на искусного ловца и зверь бежит.

— Рыбе не столько наше искусство нужно, сколько отличный корм.

— Все верно, — согласился Георгий Иванович, — однако мне пора проведать красавицу Зину. Ты тут покарауль мою удочку, вещи, но ничего не трогай, я этого не люблю.

— А вдруг у тебя клевать начнет?

— Пусть, но, ты, пожалуйста, не пытайся тащить.

— Сказано — сделано, — отрапортовал я, — не прикоснусь, будь спокоен.

С готовою посудой в руках, через рвы и чертополох, Гареев отправился в направлении дома самогонщицы Зины. Спустя час, где-то около половины двенадцатого, бывший спецназовец пришел с 600-граммовой бутылкою в руках.

— Как тут у меня?

— Клевало, но я, как мы уговорились, рыбью удаль проигнорировал.

— Все правильно. Не выпьешь из Зинино гранатомета?

— Я в детстве перепил самогона, — отвечаю, — а потому меня от одного его запаха воротит. Я больше на сигареты налегаю — на ленинскую «Ностальгию».

— Курить вреднее, чем пить. И напрасно Зинино изделие клеймишь. Оно чистое — из сахара приготовлено, хотя мне кажется, что тут и этиловый спирт присутствует. От того ее самогон, смотри, (он встряхнул содержимое бутылки), что десятилированная вода — кристально чистый, а главное — крепкий. Не попробуешь?

— Нет.

— А я выпью.

— Вольному воля. Только вот, возьми мой огурец, вчера с дачи принес, закуси — я протянул Гарееву огромный зелено — желтый овощ. Ешь, только шкуруними. Нож дать?

— У меня есть свой, — майор вынул из кармана огромный серебристый нож с самовыкидывающимся лезвием. Полюбовался им и начал чистить, выбрасывая шкуру прямо в воду.

— Не засоряй озеро. Сам же клеймил жителей поселка за хлам, сбрасываемый ими прямо на лед по весне. Смотри, — я показал рукою на близлежащий ров, — там покоится шкура моего огурца, что до твоего прихода я съел, и там же лежат пустые сигаретные пачки.

— Как скажешь! — легко согласился Гареев, забрасывая огуречные отходы теперь уже в ров. Играя ножом, он пустился в воспоминания, — знаешь, иду как-то по темени, ранним утром на электричку, а навстречу мне три здоровенные фигуры.

— И, что им было от тебя нужно?

— Мужик, говорят, дай закурить? Я им в ответ: «Еще не купил!». «Тогда, — говорят, — дай нам денег мы сами купим». «Денги надо зарабатывать, а не выпрашивать, — отвечаю».

— Ты еще нам грубить вздумал! — крикнул один и бросился на меня. Благо в кармане был нож. Открывать его, не было времени, так я ударил нападавшего в голову прямо тупым концом. Тот, ясно, брык с ног. Второго уложил ударом ноги в его толстый зад. Но, тут, со спины на меня напала третья фигура. Ею оказалась натренированная женщина. Она сдавила мне руками горло.

— Не на того напали! — не сдержался я от восклицания.

— Вот именно, — подтвердил Гареев, — невольно опасаясь за больной позвоночник, я, тем не менее, ловким приемом сам перехватил одной рукою ее гибкую шею. Ведь нас в спецназе, от рядового до полковника, учили одному — сворачивать вражьи головы. Сноровка пригодилась. Лежат хулиганы, корчатся, а я спокойно продолжал держать свой путь на железнодорожную станцию.

— Неудачно покурили ребята, — съязвил я.

— Крепкими были парнями мои обидчики. Да и дама то же. Не будь ножа и подпусти их к себе ближе, мне бы не сдобровать.

— Не удался им их разбойный промысел.

— На этот раз, да. Но с тех пор я осторожнее вступаю в ночные беседы и всегда держу нож наготове.

Поговорив еще о том — сем, мы занялись удочками. К тому же, после обильной подкормки, у меня отчаянно клевало. Георгий Иванович поймал еще лишь пару крупных карасей и отошел в тень под ракиту, где и прилег соснуть. Я не беспокоил товарища. Таким образом, сон «никарагуанца» — богатыря продолжался три часа: с половины двенадцатого до половины третьего.

— Ба! Да уже скоро три будет, а я все дрыхну, — подошел к удочке Гареев, — ты уже пескарницу — килограммов шесть наловил, а у меня всего четыре особи — одного килограмма нет.

— Ничего, я с тобою поделюсь. Ведь ты мне как-то десяток мелочи своей отдал, когда у меня не клевало. А сегодня я в фаворе. Настало время рассчитаться.

— Не дури! — остановил меня Георгий Иванович, — у меня дома одной сушеной рыбы целый мешок, а свежей — вся морозилка забита. Ведь я карасями не торгую, хотя и ловлю по 7-8 кг в день. Разве только, когда на бутылку поменяю.

— Спились защитники России! — вырвалось у меня.

— От такой жизни, как некогда говорил Михаил Шолохов, — невольно запьешь. Не говорю уже о лжедемократах и бандитах, кои все и вся обложили, тут от собственной жены на край света сбежал бы.

— Выходит, она за бутылку и ты за ней?

— Ха-ха! Клин клином вышибают!

— Развеселая, жизнь.

— Скорее, горемычная. Впрочем, нам уже и на станцию пора. Зураб, наверняка, заждался.

Мы вытащили на берег свои снасти, отряхнули их от нацепившейся травы, коей устлано все дно округлого, широкого озера. В этом я наглядно убедился, когда дважды забирался в теплую и с тинной зеленью воду.

— Вон, видишь на противоположном берегу огромную ракиту. Несколько лет назад, я установил напротив ее 20-метровую «Резинку» и вытаскивал одно килограммовых карасей. Причем, ловил с полводы. Клев был отменный. Сейчас крупника выловили, но еще можно что-то взять.

— Как-нибудь попробуем, — предложил я.

— Это можно, — согласился Гареев, — укладывая за спиной, на этот раз, совсем не тяжелый рюкзак. В нем находилось всего пять карасей. Это обстоятельство, впрочем, не расстроило хмельного рыбака.

С увесистой пескарницей в руке, я направился на взгорье, вслед за товарищем. От озера до станции всего одна верста, но преодолевали мы ее с трудом. Майор был пьян, а я не хотел оставлять его одного. По пути встретили Андреевича. Он был с немым рыбаком и, как Гареев, в доску пьяным. Видимо, из опаски конфликта с бывшим приятелем, Андреевич приотстал. Немой же, напротив, увязался за нами. У станции стояла высокая водо-

напорная башня, дававшая тень. Под нею на траве сидели двое: наш старый знакомый грузин Зураб и обросший черной щетиной, средних лет, крепкого телосложения местный бомж. Он обратился ко мне с просьбой дать ему пару карасей.

— Зачем они тебе? — поинтересовался я.

— Я их съем, — ответил чернобородый.

— Сырьем?

— Да! Рыба сегодня стала дорогая.

— Тогда, возьми и хлеб, а то вырвет, — я протянул бомжу рыбу и половину белого батона, что захватил из дома.

Едва бомж завладел моими подарками, как его осадил грозный голос спецназовца:

— Ты, почему побираешься, а не работаешь?! На тебе еще пахать и пахать можно. На озере живешь, а рыбою побираешься. Чужую удочку, что? Пропил?! Лодырь!

Не успел чернобородый бездельник, что-то промямлить, как получил от Гареева увесистую затрещину.

— Зачем ты так? — возмущился я, — за что?

— Он сам знает за что! — был его ответ, — вот, черт, крепкий, я его ударил, а он не упал, а устоял. Удивительно! Видно от самогона я слаб стал.

Бомж с моими дарами в руках бросился на — утек, а мы отправились к подошедшей электричке. Уже, сидя в вагоне, Георгий Иванович поведал мне о бомже.

— Вот, видишь, немного рыбака? — спросил он.

— Да, — отвечаю.

— Так, в прошлом году, он, будучи на рыбалке, выпил. Устав от жары, он положил свой рюкзак в укромном месте, близ станции, а сам отправился в магазин, чтобы купить воды. И, что же? Этот, проклятый бомж, выследил и украл у него его рюкзак со всеми рыболовными снастями. Женщины видели, как он бежал с чужим рюкзаком. Немой пришел к поезду, а снастей нет. Покричал: «А-а-а!» и на этом все и окончилось. Вот сегодня этого бомжа я и пытался проучить. Да, жаль только, дело до конца не довел. Ну, ничего, Зураб знает, где он обитает, скажет.

Божь мне еще ответит, как больных людей обижать, — заключил африканец.

— Солдат, всегда солдат! — вырвалось у меня.

— Не совсем так, — поправил меня Гареев, — спецназ всегда спецназ!

И днем и ночью,
В трудный час,
От бед спасает нас
Спецназ!

ПРИЧУДЫ ЮРЬЕВСКОГО ПРУДА

*Их не один, а добрых три,
Безлесных скромных водоемов.
И от зари и до зари
Плескалась рыба в их затонах.*

*Но радость рыбаков сразил
Ночной удар электрошока...
Он все живое погубил, —
Мальками, засорив протоки.*

В 13 км, к западу от Хотынца, на невысоких холмах, издавна располагается село Большое Юрьево. На окраине его в 80-е годы здесь был отстроен добротный животноводческий комплекс. Для животных потребовалось много воды, а потому не случайно в ближайших оврагах, где били подземные ключи, заботливые животноводы и землепашцы соорудили два пруда. Один назвали — большим, а второй — малым. Позаботились крестьяне и о личном подворье. Непосредственно в селе был расширен собственный небольшой водоем. Сюда завезли несколько бочек мальков: карпов, карасей и даже особей белого амура.

Местный житель, назовем его Владимиром Юрьевским, в ту

пору работал на Орловском заводе приборов. Его заработки составляли по 400-500 рублей в месяц — это стоимость по советским меркам доброй коровы, а потому он, без обиняков — не обременительны расходы, предложил сотрудникам рыбопитомника 100 рублей за бочку малька, с тем, чтобы зарыбить им два животноводческих пруда. Те согласились. Так, спустя несколько лет, село Большое Юрьево стало притягательным местом не только для своих любителей, но и для заядлых рыболовов из Орла и Брянска. Правда, уже в 90-е годы, нашлись двое «новых русских», которые стали изымать с приезжих за лов рыбы непосредственно в сельском пруду плату в сумме 100 рублей. Не велики, по сегодняшним временам, деньги, но орловские рыбаки — пенсионеры предпочитали ловить рыбу в двух бесплатных водоемах — для кармана легче, да и избежнешь разочарований на случай неудачи. Брянские же удильщики, напротив, спешили сюда, наслышанные о добротном клеве. Те, кто были хитрей, просили у «контролеров» выдачи квитанции. Объясняли при этом, что передадут их в налоговую инспекцию.

— Мы квитанций не выдаем, — разводили руками, удивленные такую наглостью, поборники «дани» и снисходили — черт с вами, сегодня ловите бесплатно, но более не приходите — не пустим.

О существовании Юрьевских «рыбных водоемов» я узнал от своего приятеля, заядлого грибника и рыболова Геннадия, некогда слесаря завода «Текмаш», а теперь инвалида — пенсионера. Устав бегать с кошелкою в руках по дремучим лесам, он, ради отдохновения, закупал червей и опарышей и спешил на электричку, что направлялась в сторону Брянска в 4 часа 18 минут утра. Вот и долгожданная остановочная платформа, именуемая 73 км. Верста ходу — это даже для его больных ног, не в тягость, и перед взором открывается манящая панорама двух открытых всем семи ветрам водоемов. Выбирай место, устраивай свою «Резинку» и замирай перед вожделенным клевом. Некоторые его товарищи, подняв удивленно брови, декламировали Михаила Боярского: «Куда вас к черту, сударь, занесло?!» и добавляли: «Не уж то ближе места для рыбалки нет?».

— Нет, — вздыхал Геннадий, — а если и есть, то не для нас — честь! Или плати, или лови мелюзгу — чистить устанешь. А на Юрьевском водоеме, что не карась — то стограммовый, а порою попадается и в 200-300 граммов веса. Его не то, что себе пожарить, но и продать можно. Все, никак, расходы на поездку оправдаешь. При моей пенсии в 4-5 тысяч рублей и самому существовать не просто, а тут еще надо безработную учительницу — дочь кормить. В общем, не разгуляешься, так что приходится вертеться, чтобы выжить.

С доводами приятеля трудно не согласиться, ибо таковы реалии быта. Правда, сам я, в отличие от предприимчивого Гены, никогда рыбу не продавал. Ею любила побаловаться моя жена Валентина Алексеевна, дочь Ирина со своей семьей. Для внучки Насти я непременно привозил в пескарнице живых карасей, с которыми она вдоволь игралась. Нередко я угощал «водными трофеями» и закадычного друга Сергея Шмелева. Рыбалка для меня не имела товарного значения, а была лишь, подобно писателю Сергею Аксакову, увлечением, делом «для души». Однако каждый волен распоряжаться своим товаром по собственному усмотрению.

По-разному складывалась моя рыбацкая планида на Юрьевском водоеме. Иногда я привозил домой всего по 10-20 особей, но в один из дней, установив 16-метровую «Резинку» на обочине пруда, я наловил более 5 килограммов отличных карасей. Но радость была омрачена в один из солнечных, нестерпимо жарких дней июля 2008 года. Изматываемые зноем и кровососами — оводами коровы с шумом кинулись в пруд. Они порвали и затоптали ногами и саму «Резинку» и крючки с лескою. Молодой пастух по имени Сергей загадочно улыбался. Он ничего не предпринимал, а лишь для виду покрикивая и играя кнутом, чтобы остановить животных, которых в стаде насчитывалось ныне, не то, что в годы власти Советов, всего лишь несколько десятков голов.

— Разве их при такой жаре удержишь!? — сказал он в свое оправдание.

— Но, ты бы мог предупредить? — сетовал я, — да и «Резинка» стоит в 35 метрах от берега. Можно было, и остановить их прыть.

— Да, они оводов, больше, чем моего кнута бояться.

— Но, тут глубоко, они же утонут!

— Ха! Коровы, как кони или те же свиньи умеют неплохо плавать! Они весь пруд, что шириною в 300 метров легко преодолеть могут.

Мне было ясно, что местные жители не рады приедем и при случае всегда горазды, испортить им настроение.

В один из последних дней июля я приехал на пруд уже с одними удочками, что в отличие от «Резинки» легче убрать из воды в случае очередного нашествия беспокойного стада. Устроился на верхнем — малом пруду. Бросил в воду подкормку и стал ждать. Но как в «Сказке о рыбаке и рыбке», сколько я, подобно неудачнику — деду с его неводом, не забрасывал свои удочки, сколько не менял наживку — все бесполезно. Непокойно было лоно водоема. Северный ветер гнал большую волну. По берегам — ни кустика. Лишь посреди прудов маячили сухие остовы былых берез и ракушек. Удивительно, но даже там, где всегда взбивались буруны от прыгающих из воды карпов, было тихо. С криком и шумом пронеслись чайки, выхватывая с гребней волн плавающих на поверхности мальков.

Переменив несколько мест, в том числе и на большом пруду, я выудил за 11 часов лова всего лишь одного золотого карася.

— Да, твой «золотой», что рыжий Чубайс один — трех стоит! — шутили надо мною приятели — рыболовы. Они приехали 10-часовым рейсом электропоезда. Прежние мои два товарища, из-за отсутствия клева уже свернули рыбалку и поспешили в Орел 11-часовой электричкой. Приехавшие, на смену им опытные старики — рыболовы использовали для ловли тубики с жидкой смесью манки. Крючки укладывали с опаскою на зацеп прямо у подводных кустов. От того у них, хотя изредка, но клевало. К 17 часам, ко времени отъезда домой, они сумели выудить по десятку особей, Я же к своему «Чубайсу» так и не сумел, как не старался, ничего присовокупить. Свою неудачу я списал на причуды Юрьевского пруда, да на неблагоприятный северный ветер.

Побывавший на 73 км, уже 1 августа 2008-го, мой приятель Гена вернулся также как и я — ни с чем. Но ему удалось, наконец, раскрыть секреты Юрьевского пруда. Оказывается, что там здорово поработали браконьеры. Если ранее они выбивали электра — удочками карпов, предварительно обложив кусты сетями, дабы не пропал их труд, то теперь прошлись по обоим прудам. Отчего здорово досталось и несчастным карасям. Белого амура еще ранее загубили. Их работа вылилась в большое количество уснувшей рыбы, что ветер гнал потоками к водному сливу. Это обстоятельство было к удовольствию разве только одних ненасытных чаек.

— Но, где был хозяин и смотритель Владимир Юрьевский? — наивно поинтересовался я у приятеля, — ведь ему не безразлична судьба его хозяйства?

— Да, сам он все и организовал, не иначе, — тяжело вздохнул Геннадий, — нам запрещал использовать донки. Те же «Резинки». Лодочников просто гнал с пруда. Теперь же, видимо, решил вычерпать все живое до дна. Откроет ставни — затворы и спустит всю воду. Ведь не случайно он как-то вел разговор с нами об очередном — новом зарыблении водоемов. Постоянно твердил о своем бескорыстии, но «жаба наживы» скрытно душила его — не по душе было нашествие любителей — рыболовов. Вот нам в пику он и устроил это чудо. Сегодня рыболову, как и крестьянину — некуда податься. Прекрасный пруд в «Понырях» загубили теми же электра удочками прокуроры и милиционеры. Местные жители с жалобами на них в суд, а им от ворот поворот. Спустили, но так и не восстановили великолепный водоем в Куракино. Да мало ли где нашему брату — рыбаку устроили препоны. Лихое время пришло, а жить как-то надо.

СПЕКУЛЯНТЫ НА МИЛОСЕРДИИ

*Есть спекулянты разных видов:
Одни на рынке — цены рвут,
Другие, нагло и открыто —
В счет милосердия живут!*

Нет, наша речь пойдет не о назойливых бедных цыганках. И не о жалких «таджикских девочках — наркоманках». И, не о бомжах — калеках, что, получив «милостыню», тут же выбрасывают за забор «пустую мелочь». На человеческом благородстве часто спекулируют вполне нормальные, здоровые и сытые люди. Тому не мало классических примеров.

Ротозей

*Не редко слышу от друзей,
Что я — простак и ротозей!*

Вспомните, один из эпизодов популярного советского фильма «Операция «Ы» и другие приключения Шурика». Несчастный герой не смог сесть в троллейбус, а все потому, что ублажал очередь: то, пропускал вперед себя стариков, то старуху с ее корытом, то молодую маму с ребенком.

Таким, на поверку ротозеем, нередко оказываюсь и я. И не только в подобных ситуациях, но и когда прихожу в поликлинику, где обязательно пропущу вперед себя: то «старших», то явных калек, то женщин и девушек. Глядишь, а время приема уже окончилось.

Чиновники развесили объявления гласящие, что к врачу, вне очереди, могут пройти: Герои России, ветераны войн, кавалеры трех орденов Славы. Я же, ветеран Труда, с полувековым стажем, молча и терпеливо жду свой черед. Нередко задумываюсь: «А почему бы для всех «заслуженных», не организовать отдельную поликлинику, типа некогда Кремлевской больницы?». Зачем искусственно усложнять жизнь больным людям. Нет, сами чиновники стоять в очереди не будут, у них все схвачено, а милосердия они добиваются за счет рядовых граждан.

Меня несказанно удивило наимудрейшее решение нашего всесильного губернатора Егора Семеновича Строева: не выплачивать, в целях экономии средств, «Ветеранам Труда» их — поощрительные 300 рублей, если они переходят в разряд инвалидов. Дескать, льгота должна быть «едина». Нонсенс, да и только. Забывает «Почетный Председатель Совета Федерации», что сам он пользуется многочисленными льготами, и не от одной из них публично не отказался. На поверку, все та же «добродота», но за чужой счет.

Синдром Мули

*Есть сказка,
Как побитый волк
Лису нес с пруда,
Сам не свой.
По глупости,
Не взявши в толк,
Что одурачен был Лисой!*

Находчивая, дородная героиня (актриса Раневская) так же одного из советских фильмов навесила на своего малорослого и смешного мужа Мулю всевозможные сумки с ребенком в придачу и гордо выбивает у граждан «слезу» снисхождения. Совестьливых людей не мало, и они уступают ему, а значит и ей, свою очередь и свои места в транспорте.

«Синдром Мули» срабатывает и сегодня, в постсоветское время. Как-то в жаркую пору лета 2008, в вагон поезда «Орел — Михайловский рудник», на платформе «Гостомля» ввалилась пожилая чета. Еще молодежавый старик — пенсионер, весь красный от натуги тащил тяжелую корзину с грибами, а следом за ним с неполным ведром шагала его ухоженная и крепкая половина. И, что же? Она страшно сетовала, что места, где была тень все заняты, а ей приходится сидеть под палящими лучами солнца.

— У моего мужа, — упрасивала она проводницу, — большое «Давление».

— А вы опустите тент, и окно откройте, — посоветовал ей мой сосед — инвалид Геннадий Иванович, — и солнце не будет

досаждать и свежий воздух смягчит усталость.

— Чем советовать, лучше бы уступили свое место! — осадила его ретивая пассажирка.

— Да, я старше и чахлее, после инфаркта, твоего мужа! — парировал товарищ, — да и какая была нужда одному 4-х ведерную кошель с больным сердцем волочь? Не голодный год. Можно было и на двоих груз разделить.

— Тебе не спросились! — огрызнулась, урезоненная дама.

Самое удивительное было в том, что по прибытию на станцию «Орел», незадачливый грибник, также как ранее, один, вытаскивал из вагона огромную корзину, а следом за ним, подобно Раневской, с горделивым, как у гусыни, видом, полупустая, вышагивала его цветущая супруга, неизменно требуя уступить им дорогу.

Наблюдая, за сей комедией, Геннадий Иванович в досаде сплюнул, сказал:

— Поистине, наглость — второе счастье!

Лукавые сестрицы

*Как льстивы и блаженны лица,
Когда им надобно помочь.
Но, как грубы в Ваш след сестрицы,
Когда от них уйдете прочь!*

Из многочисленных рассказов о славном Ходже Насреддине мне особенно запомнился эпизод с тонущим богатым человеком, который, погибая, все никак не хотел расстаться с тяжелым кошельком.

— Дай руку! — просили его смелые горожане, — и мы вытащим тебя.

Но, все напрасно: несчастный барахтался в воде и на обращение «Дай!», никак не реагировал. И лишь находчивый Ходжа отыскал способ спасения.

— Разве не видите, — сказал он собравшимся, — что это богатый человек, а значит, он не знает или не хочет слышать слово «Дай!». Мы поступим иначе.

Насреддин достал золотую монету и, поманив ею утопающего, приговаривал:

— На!-На!-На!

И произошло чудо: богатый человек протянул руку за монетой и был спасен.

Совсем не бедными, а с солидными, в 9 тысяч, пенсиями, живут — поживают две старушки — сестрицы, коим на двоих 163 года. Одна, громадного роста, с рокочущим басом, сухощавая и жилистая старше другой — писклявой, низкорослой и худенькой где-то на два-три года. Всем заправляет старшая сестра. Она определяет места в вагоне, когда они, что происходит довольно часто, вместе отправляются за грибами, время завтраков и полдников. Едят они шумно и долго, постоянно ссорясь и мусоря.

Старшая, по имени Рита, всегда с худым рюкзаком за плечами и неизменной палкой в руках, младшая — Груня же тащит не только рюкзак, но и большую корзину, кою впору волоочь разве лишь сильному мужчине.

Здравомыслящие горожане порою диву даются: зачем им столько грибов? Им впору самих себя до первых кустов дотянуть. Наивные! Посмотрели бы только на них в деле! Мне это доводилось и не раз.

В страдную пору, когда свиных и подберезовиков, хоть какой коси, они набирают их полную корзину. Взявшись за концы веревков, несут двое. Но, чаще всего находят добряков, вроде меня.

— Мил человек! — обращается ко мне Груня, — не сможешь ли нам донести нашу кошелку, вон до тех кустов. Она показывает на далеко маячившую стайку берез, до коей не меньше полукилометра.

Что делать. Оставляю свой груз у приметной ели, примечаю, и, вскинув на плечи веревку, волоку их поклажу.

— Вот, молодец! Вот хороший человек! — с улыбкою приговаривают они. Подсластив лестью мою горькую пилюлю, они, однако, быстро умолкают. Некогда балясничать — еще ведра пустые. Весь в поту, я дожидаюсь их у заветных берез. Наконец, они с полными ведрами коричневых свинушек появляются возле меня.

— Отдохнул, — говорят, — а теперь, будь добр, поднеси еще немного, хотя бы вон до того дуба.

При этом елейно приговаривают: «Вот это — труженик, настоящий мужчина, не то, что некоторые олухи и бездельники, коих не дозовешься, не допросишься. Уважительный человек, культурный, не оговорится, чтит старших!».

Решаю про себя: «Взялся за гуж, не говори, что не дюж». Выполняю и эту просьбу.

— Вот, спасибо! — рокочет Даша, — а теперь и будка видна, и платформа, как на ладони. Иди, добрый человек, к своей корзине, а тут мы теперь и сами сладим. Или, вон еще, мужик по кустам бредет, что твой бугай здоровый, поможет. Ха-ха-ха!

Это их «ха-ха-ха» отрезвляет меня. Из слабых, тщедушных старушек они мигом превращаются в моем сознании — в лукавых и привередливых страшилищ, так похожих на сказочную Бабу-Ягу.

Когда, будучи уже дома, я рассказал о них своей жене Валентине, то она, выругав меня, назвав простофилей, сказала:

— Таких — алчных и жадных старушек и на нашем рынке полно. Недалеко от нас торгует 83-летняя бабка. У нее муж полковник. Он 20 и она 14 тысяч получают одной пенсии. Все мало. Приносит на базар поношенные свои тряпки или скупает где что по дешевке и торгует — рубля не уступит. И твои Даша с Груней — хапуги известные. Пенсию в чулок складывают, а за грибы водкой отовариваются. Не смей больше помогать им!

Однако, не вняв ее приказу, я еще дважды помогал сестрицам, а затем, памятуя, что Бог — троицу любит, стал сторониться их. Тем более я стал замечать, что они втихаря выпивают в вагоне. Не редко выпрашивают сто грамм у доверчивых подруг, коих называют, как в деревне, доверительно ласково — товарками.

И теперь, когда я слышу вновь льстивые речи, обращенные к молодым грибникам, помогающим, за незнанием сути, затащить в вагон их громадную, широченную корзину, то мне становится грустно, не по себе. Ибо, как день, ясно: лукавые сестрицы в своем ампула! А простаков на Руси — пруд пруди!

ХЛЕБ ДЛЯ БЭМА

*Хлеб, предназначенный для Бэма,
Я отдал не голодным псам,
Как сам он, дачник неизменный,
А сизо — черным голубям!*

Начало лета 2008 выдалось хотя и прохладным, но сухим. Трава в низинах и ложбинах, где была тень, под раскидистыми, с густой листвой деревьями, наливалась соком. На взгорьях и открытых солнцу равнинах, напротив, сохла и желтела. Бродя по редколесью в поисках грибов, я нещадно мял ее своими толстыми кожаными ботинками. Под их широкими подошвами слышался неприятный шорох и хруст, а порою и звуки, напоминающие треск лесного костра, когда в него бросают охапки тонких пересушенных веток. Грибов попадалось мало. Да и те, что изредка тешили взгляд своей внешней красотой, на поверку оказывались негодными, сплошь изъеденными червями, мокрицами и слизняками.

10 июня, шестичасовой электричкой «Орел — Тула» я прибыл на остановочную платформу 117 км. Сошел из вагона и устремился через овраг, в ближайшую березовую рощу, что была слева по ходу движения состава. Успел вспотеть, ибо путь на гору, через густую крапиву и колючий шиповник был не из легких. Возбравшись, наконец, я увидел на ее вершине, под мощной березой останки белого гриба. Пройдя несколько метров, наткнулся на тройку свинушек. Они оказались, как я и ожидал, также непригодными для употребления. Пришлось преодолеть более километра, прежде чем, я наткнулся в ложбине, у стройного ряда толстоствольных берез на огромный гриб. Ножку белого красавца, по известным причинам, пришлось ликвидировать. Внимательно присмотревшись, я обнаружил под мелкими ветками и редкой травой еще пять грибов. Они были совсем молоденькие, симпатично тугие, но у самых корешков и здесь поработали слизняки. Положил я в лукошко и пару свежих подберезовиков. Пересчитал трофеи. Треть корзины заняли, кроме них, еще семь белых. На все это у меня ушло не более двух часов. Времени для сбора лесных

даров еще было много, и я устремил свои стопы в направлении дачного поселка, что расположился у платформы 119 км.

На взгорье, разделенные защитными полосами, бежали друг за другом плантации садов. Большая часть яблонь состояла из сушняка. На свежих ветвях висела молодая завязь. Подумалось: осенью будет урожай.

Впереди виднелась белоствольная роща, что сладко манила к себе в объятия, но путь к ней преграждали густые заросли крапивы и колючего кустарника. Я решил спуститься, по накатанной машинами дороге, в низину. А, пройдя, по известной мне, по прошлогодним походам, тропе, выйти к березам. Все бы так и было, если бы мне путь не преградила громко лающая собака. Рыжая, ростом с овчарку, она смело бежала мне навстречу. На мои команды: «Назад!», «А-ту!», «Домой!» она никак не реагировала. Осмотревшись, я не увидел близ себя ни палки, ни камня. Будучи совершенно безоружным, перед разъяренной рыжей бестией, я решил повернуть назад. Не побежал, дабы не спровоцировать собаку на погоню, а, преднамеренно сбавив ход, направился к дачам. У крайнего от дороги низкого дачного домика с высокой остроконечной крышей, покрытой талью, я увидел пожилую женщину. Вежливо поздоровался. Спросил: «Когда будет ближайший, на Орел, поезд?».

— Десятичасовая электричка уже ушла, — со следами былой красоты хозяйка дачи внимательно оглядела на меня, поинтересовалась — ну, как, грибов-то нашли?

— Не густо, — я показал ей содержимое корзины.

— В такую сушь и это хорошо. У вас есть время. Походите еще. Вон, моя соседка Дарья, что видите, в огороде копается, — отменная грибник. Она любому мужчине — любителю фору даст, — собеседница указала рукою на склонившуюся над грядками пожилую женщину в брюках и светлой кофте, — после дождика или в теплое утро, на зорьке, пойдет в лес и без трофеев не возвращается. Есть у нее старозаветные места. Всегда они ее выручают. Да у нее, как у собаки на мясо, на грибы чутье есть.

— Именно собака мне и помешала.

— Вы о которой?

— Да, рыжая овчарка за мною гналась. Никакие уговоры не помогли — дорогу так и не уступила.

— Да, это же наш БЭМ! Как всегда голодный. Вы бы ему хлебушка бросили. Он старый, уже без половины зубов и добрый. Всех нас до остановки провожает, а то и встречает. Хозяин его ослаб, редко на дачу навещается, вот он за счет общества и кормится. Вы, сейчас, подождите, пожалуйста, я хлебушка возьму.

Симпатичная, на редкость сердобольная пенсионерка, быстро сбегав в дом, вынесла и протянула мне большой кусок пшеничного хлеба, мягко сказала:

— Идите спокойно. Залает Бэм, а вы ему хлебушка и бросьте. Он мигом замолчит — за друга признает. Вот вам в лес путь и будет открыт. Походите, походите. Глядишь, что — ни будь и еще найдете. Добавьте жене на жаркое.

— Спасибо! — тепло поблагодарил я дачницу, что родом из Мценска, старинного русского городка, где не перевелись еще советского воспитания — внимательные, добропорядочные женщины.

Покинув гостеприимную хозяйку, я направился напрямиком к березовой роще. В руках у меня лежал хлеб. Я напрасно оглядывал дорогу: Бэма нигде не было — не видно и не слышно. Со словами: «Прости, Бэм!» я положил предназначенное ему угощение в корзину и взобрался на пригорок. Внимательно осматривая полянки с редкой травой между деревьями, я обнаружил у высокой сосны небольшой белый гриб, затем у березки — второй. На этом моя «тихая охота» и окончилась. Несмотря на то, что я еще вышагал не менее трех верст, но лес так и не подарил мне более радости встреч ни с белыми, ни с подберезовиками, ни с прочими грибами. Сушь сделала свое дело. Как шутят у нас на Руси: грибы появятся после дождика в четверг.

Возвратившись в Орел, высыпая на балконе своей квартиры дары леса, я, вдруг обнаружил среди них, уже забытый мною кусок пшеничного хлеба. Вместе с ним спустился по лестнице в подвезд, вышел на улицу. У меня было твердое намерение отдать предназначенный для Бэма хлеб, какому-нибудь его бродячему собрату. Увы! Поблизости, как прежде на мценской даче, ни одного гуляющего пса. Незадача, да и только. Но, тут мое внимание привлекли

токующие голуби. Им то я, предварительно раскрошив, и отдал его, со словами: «Вот вам угощение от Бэма. Клюйте и благодарите!». Голуби, распутив крылья, все так же воркуя, активно заработали черными клювами.

АНТИСУСАНИИ

*Когда мы были сбиты с толку
И не могли решить вопрос:
— Где отыскать Оки — истоки?
Пришел на помощь Чемикос.*

По сотовому зам Генерального директора туристической фирмы «Актив-Тур» Людмила Ивановна Ассессорова сделала мне предложение выступить в роли экскурсовода по теме «Исток Оки».

— Он имеет место быть, где-то близ деревни Александровка Глазуновского района, — сказала она, — но точный маршрут водитель, к сожалению, не знает.

— Я, давненько, правда, бывал на рыбалке в колхозе имени Ленина, — отвечал я, — недалеко от их пруда, по моему разумению, и берет свое начало матушка Ока. Но, дороги, как и все на этом свете — в вечном изменении, как бы не опростоволоситься.

— Не будем зазря печалиться, — успокоила меня Людмила Ивановна, — язык, известно, до Киева доведет. Не впервой открывать неведомые пути.

На том и решили. Я основательно подготовил теоретическую часть и утром 29 мая 2008 года с учениками и учителями 19-ой школы Орла экскурсионный автобус под управлением высокого ростом и плотного телосложения молодого водителя, назвавшегося Александром, взял курс на поселок Глазуновка.

— Ока — главный приток великой русской реки Волги, — рассказывал я ребятам, — она начинается в неглубокой заболоченной балке, на высоте 226 метров над уровнем моря. Ее бассейн занимает 60 процентов территории Орловской области с площадью

водосбора 16 540 квадратных километров. В пределах водосбора насчитывается 1315 потоков, из которых 1200 (91,3%) составляют ручьи длиной менее 10 км. Общая длина всех малых речушек — 6 403 км. Протяженность Оки на нашей территории — 220 км.

На мой вопрос: «Какие вы знаете крупные притоки Оки?», школьники хором назвали: Зушу, Рыбницу. Цон, Кромы, Орлик и Оптуху. Это не удивительно. Многие реки они ранее видели сами или слышали о них от учителей и родителей.

Весь путь, вплоть до развилки дорог, вблизи железнодорожной станции Глазуновка я не выпускал микрофон из рук. Во всех подробностях дал ребятам характеристику водных ресурсов, животном и растительном мире родного края. Но, настало время решать: куда нам путь вершить? Одинокая пассажирка у автобусной остановки указала рукой: «Езжайте, вправо!».

Миновав железнодорожные рельсы, мы выехали на широкий простор полей. По пути посадили молодого человека, дабы уточнить маршрут. Наш гид, одетый в защитную форму оказался студентом по имени Виктор. Сходя из автобуса, он поблагодарил нас за мягкую доставку — за лесом уже были видны дома его отчей деревушки. На прощание, Виктор убедительно наставлял водителя: «Держитесь прямо, там и упретесь в этот самый исток!».

Погода в этот светлый четверг была поистине майской — теплой и солнечной. Души наши ликовали от восторга встречи с живописной сельской природой. Когда же, влево от нас оказался поворот, то я сказал водителю:

— Саша! Я помню, как еще 20 лет назад, я на своем красном мотоцикле марки «Минск» мчался на рыбалку. Это поворот, как раз и ведет к пруду колхоза имени Ленина.

— Но наш гид предупредил, чтобы не сворачивали, — ответил тот.

— Что ж поверим в разум студента, — не стал спорить я.

И, как выяснилось, совершенно напрасно. Миновав ухоженную трассу, мы оказались на совершенно разбитой дороге и, проехав не менее 15 верст, притормозили у одинокого дома неизвестного нам селения.

— Наш поселок называется Новый Хутор, — объяснила нам хозяйка усадьбы Нина Васильевна Чемикос, — сами видите, живем среди лесов и болот. Мы да звери. Лисы так обнаглели, что белым днем кур воруют. Уже от четырех несушек одни перья, только за эту весну остались. Мы с мужем долгое время работали в Киргизии, а когда в 1991-ом случился развал СССР, то на следующий год переехали на жительство в Россию. Вот уже 16 лет и обитаем здесь, на этом глухом хуторке. Вы ищите исток Оки? Но о нем вам лучше мой муж расскажет. Вон, кстати, он сам и легок на помине.

Вежливо поздоровавшись, пятидесятилетний мужчина в защитном камуфляже, внимательно выслушал нас.

— Исток Оки, если ехать напрямую, через лес, находится в 6 км не более, — твердо сказал он, — но на вашем громоздком автобусе там не проехать — мосток слабоват. Я на своем «Москвиче», в те места на рыбалку езжу, да и то разве в сухую погоду. Есть резон вернуться назад в Глазуновку и избрать другой путь.

— Но, в два конца это лишних 60-70 верст составит, — растерялся водитель.

— Это так, бензин и все прочее, но зато безопасно. У вас же дети. Впрочем, выход можно найти. Вы меня немного подождите, я сейчас из гаража свой автомобиль выгоню и покажу вам более безопасную, чем напрямик через лес, дорогу.

Действительно, не прошло и пяти минут, как Сергей Михайлович Чемикос, так звали нашего проводника, скомандовал:

— Разворачивайтесь на свою прежнюю трассу и следуйте за мной!

Водитель Александр неукоснительно исполнил указание коллеги. И мы, несколько растерявшиеся и погрузневшие от неожиданной неудачи, поехали в обратном направлении. Версты через три, при повороте на полевую дорогу состоялся обмен мнениями. Чемикос спросил Александра:

— Грунтовка не опасна для автобуса? Рядом с дорогой пашня, так что придется лавировать, держаться ближе к лесной обочине, где грунт крепче.

— Проскочим! — уверил товарища водитель автобуса.

— В таком случае — за мной!

Юркий «Москвич» газанул и быстро скрылся за облаками пыли. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Добрых 12 верст бездорожья, по ухабам и увалам пришлось выдерживать неунывающим экскурсантам, которым стало даже нравиться это дорожное приключение. Все мы, как-то сразу поверили в добропорядочность и надежность новоявленного знатока лесных троп, нашего Дерсу Узала.

Вот, наконец, и миновали последний увал. Впереди асфальтированная дорога. Все печали, как рукой сняло. С песнями прокатили по прудовой плотине, еще километр пути и перед нами обозначилась стела с русским сказочным петушком на самом шпиле. Он вертелся, подобно флюгеру, указывая направление ветра и стороны света. На стеле было можно прочесть слова: «Исток Оки». Внизу был помещен стихотворный текст и сообщение, что это охраняемая государством с 1996 года реакрационная зона.

Все мы выскочили из автобуса и окружили, опирающегося на кабину легковушки, улыбающегося Сергея Михайловича. По поручению Людмилы Ивановны, я вручил ему сто рублей со словами: «Это на бензин!». Со всех сторон посыпались в его адрес слова благодарности:

— Вы наш спаситель.

— Вы — второй Иван Сусанин!

— Никакой я не Сусанин, — возразил Чемикос, — Сусанин завел врага в болота, дебри, я скорее — Антисусанин, ибо вывел вас из таковых. Да километров на 60 помог бензину сэкономить.

— А ведь это правда, — первая угадала смысл нового термина учительница химии Васильченко Зоя Александровна, — как мы, порою, не задумываемся над точностью выражений. Сразу видно, что Сергей Михайлович — культурный, образованный человек. Наши бы орловцы никогда бы нас так не выручили из беды.

— Вы — киргиз? — поинтересовался я.

— Почему?

— Фамилия у вас не русская.

— Это украинское фамилия. Выходит я на половину — хохол и русский, хотя большую часть жизни и провел в Киргизии.

На прощание группа экскурсантов сфотографировалась с Антисусаниным, пообещав ему выслать в его адрес фотоснимки — на память.

Когда «Москвич» нашего героя скрылся из виду, минуя чертову дюжину лесных леших и русалок, выставленных у елочной аллеи, мы направились к месту истока Оки. Вот и небольшой колодец, в который, из вставленной в камни невысокого холмика трубы текла светлая и сильная струя холодного ключа — родника. Из колодца водосток устремлялся в болотце. Из него в небольшой, заросший травой и камышом, коряжистый пруд — излюбленное обиталище неугомонных трудяг — бобров. На высоком берегу пруда, там и сям, виднелись одинокие хатенки. Они-то, видимо, и составляли вкупе старозаветную деревушку Александровка — конечную цель нашего столь необычного путешествия, в котором главным героем были не экскурсоводы и педагоги, а ставший неожиданно знаменитым скромный житель поселка Новый Хутор Сергей Михайлович Чемикос — наш верный Антисусанин.

ДИРЕКТОР ЛЕСА

*Мадлен надменна, злее беса —
Ей только со зверями жить.
Ее зовут — директор леса,
За страсть людьми руководить.*

В лесу, на 75 км в направлении «Орел — Железногорск», мне как-то довелось встретить огромного, с ветвистыми рогами лося. Я, увлеченный сбором грибов, не заметил, как он оказался совсем недалеко, в каких-то двадцати метрах. Свысока оглядев меня, зверь ловко развернулся и устремился в трудно — проходимую чащобу березняка и осинника. Я же за благо счел направиться в противоположную сторону — от беды подальше. Вот так же, как с лесным зверем, я поступаю и при встрече в электричке или

на грибной тропе с высокорослой, в камуфляжной форме «гром — бабе» по имени Мадлен: бегу от нее, куда глаза глядят, дабы не сцепиться, не брать зазря греха на душу. Замечу, что Мадлен настолько известная и яркая личность среди грибников Орла и завсегдаев базарного мира, что называть ее настоящее имя чрезвычайно опасно — побить может. А уж, коль отколотить не удастся, так ославит на всю Ивановскую. Скандалы — ее хобби, ее форма существования. Нет ни одного самостоятельного грибника, пренебрегшего ее злой аурой, с кем бы она не поссорилась.

Мадлен еще относительно молодая — лет 65 — пенсионерка. И, вот уже десяток лет, как она промышляет грибами. По договору поставляет их: много или мало, в зависимости от урожая, орловским организациям ВОГ И ВОС. Глухие и слепые, завсегда имеют возможность отведать лесное лакомство. Цены за грибы у нее гораздо выше, чем у базарных торговков — наценка за качество и оперативность доставки. С этим у Мадлен, действительно, врать не станем, все в полном ажуре. Дождь ли, ветер, в праздники и будни, она завсегда с рюкзаком за плечами и сумками в руках. И ведро лесных даров предложит покупателю: грибок к грибку.

На «тихую охоту», впрочем, таковая редко случается из-за ее капризного, взрывного характера, она берет с собою одного — двух спутников. Дабы продемонстрировать перед ними свои умения и смекалку. Хвастливість, самореклама — ее неотъемлемые качества. Более предпочитает «охотиться» с мужчинами, они терпеливее и сходливее, чем женщины. Но, не дай бог кому-либо из сотоварищей вырваться вперед. Он тут же будет осажен окриком: «Ты, что вздумал у меня из-под носу свежаков рвать? А, ну, пошел в сторону!».

Мадлен удачлива. Она исходила и изучила все окрестные леса, знает, в каком овраге растут лисички, под какими березами укрывается белые, на каких пнях красуются опята. И не приведи господь кому-то набрать больше ее — тот сразу же зачисляется в разряд неблагонадежных соперников. С ослушником запрещается не только разговаривать, но и просто здороваться. Это она — первая и неповторимая, все остальные — глупцы и лентяи. Если кто-то из озорных дам, пытается это опротестовать, то тут

же получает оскорбление, типа: «Чья бы корова мычала, да твоя бы молчала!».

На станционной платформе, в вагонах поезда, она обойдет каждого и проверит: кто сколько собрал? И незамедлительно прокомментирует: «У тебя не грибы, а мусор» или «Твои свинухи и свиньи есть не станут — черви одни!». А дабы, каждый знал свое место — обязательно продефилирует с ведром лесных красавцев по всем вагонам. Некоторые любопытные пассажиры попадают на ее удочку, и покупает их у нее. И, безусловно — за высокую цену!

Мадлен часто урезонирует мелких торговцев: «Вы тут днями стоите на солнце, жаритесь, а что в итоге: одна — две тысячи барыша, а я на грибах по 6-7 тысяч в месяц имею — и никаких налогов. Надо трудиться, а не бражничать за счет спекуляции!».

— Но, не у всех твое здоровье? — тяжело вздохнут они, — что-бы по поездом и лесам мотаться, как ты? Да, и проезд кусается!

Как-то мой приятель Афанасий Петрович, не раз, сопроводивший в походах «директора леса», сказал мне:

— Знаешь, Мадлен мне призналась, что стала уставать и прихварывать. А я ей в ответ: «Ты не любитель, а грибник — заготовитель. Для тебя важнее всего — количество и прибыль! Так и молодого на — долго не хватит». «Да, изнасилась, — говорит, — набрала 10 тысяч, собираюсь поехать в Кисловодск, как некогда лермонтовский Печорин — на воды, подлечиться! Желудок стал барахлить».

— И поехала?

— Пока, нет. Жадность она и фраера губит. Жара, сушь стоит. Все дома отсиживаются, дождя ждут, а она и в зной испытывает удачу — болезнь усугубляет.

В один из палящих августовских дней 2008, я вышел на платформе 76 км и ужаснулся: из грибников нас оказалось лишь двое: Мадлен и я. По обыкновению, я сразу же устремился в лес. Меня озадачил злой окрик:

— Меня хочешь обогнать? Не удастся!

Не вступая в пререкания, я продолжил свой путь. Мне было ясно, что Мадлен обязательно наведается в урочище, что лежит за бетонкой, там всегда можно отыскать белые грибы. Встречаться там с нею был не резон. И я решил поступить, как это делают дилетанты: ищут там, где ничего нет. Умные туда не идут, ибо по опыту знают, что их нет, потому, что грибы ранее обобраны, а потому их не может быть. И право, как молодые, необстрелянные разведчики, оказываются порою удачливее опытных снайперов, у которых попросту «замыленный взгляд», так и я неожиданно оказался в фаворе. Буквально рядом с дорожкой, среди могучих белоствольных берез я отыскал такое количество царственных особ, что ими оказалась доверху наполнена моя двухведерная корзина, покоившаяся в рюкзаке, и плюс к тому в руках я держал еще небольшое лукошко — сетку. В ней также радовали глаз благородные великаны и их меньшие собратья.

На платформу я пришел за десяток минут до прибытия поезда. Сняв рюкзак, я сел на горячую от солнца панель и стал переобуваться. Там уже, с пустым, обвисшим рюкзаком за спиной, стояла Мадлен. Рядом, у ее ног, покоилось ведро с лесными дарами. «Директор леса», по-хозяйски, бесцеремонно, подняла мой тяжелый рюкзак, заглянула в мое лукошко и с нескрываемой обидой выдавила:

— Где, ты их столько насобирал?

— Ни за что, не поверите, — отвечаю, — но все это я нашел в лесу.

— Ну и лукавый ты, Дмитриевич, отчего я тебя и терпеть не могу. Не можешь ответить просто, а все с шутками, да прибаутками.

— Уж, каков есть, — улыбаюсь я и радостно кричу, — а вот и наш «паровоз вперед летит!».

— В коммуне остановка! — проскандировала вслед за мною Мадлен, — да, только сегодня мне людей порадовать нечем — совсем мало грибов. Да и что есть — все испорчены — червями изъедены, солнцем опаленные. До дождей не резон в лес мотаться. Болезни усугублять!

— Это уж точно, — согласился, на этот раз, я с «директором леса».

СЛЕДОПЫТ

*Большой поклонник Майна Рида,
Всем грибникам — и друг, и гид.
Мы говорим о Леониде:
Он — настоящий следопыт.*

Скоро, как семь десятков лет живу на свете. Срок не малый. Родился и рос в сельской глубинке. Учился, служил и опять работал и учился. Долгое время учительствовал, занимался журналистикой. Встречался со многими известными и совсем малозаметными людьми. Беседуя со своими героями будущих рассказов, я всегда пытался доискаться до изюминки. Ведь в душе каждого человека есть она. Нужно только уметь докопаться до нее. Найти заветный ключик. Таким заветным ключиком может оказаться случайно оброненное, но ставшее, вдруг, волшебным слово. Но, чаще всего человек раскрывается в живых действиях в поступках.

Главное же качество моего нынешнего героя можно определить единым штрихом — любознательность. Именно таковым, страстным грибником — первооткрывателем, чрезвычайно любопытно-внимательным ко всем изменчивым красотам природы, подлинным следопытом, арсеньевским Дерсу Узала, предстал передо мною Леонид Павлович Цуканов. По малым приметам — мху на пне, густоте листвы, силе ветра, проводам электролиний, сигналам тепловоза, он был способен определить стороны горизонта. Едва ли не все лето и осень 2008, мы провели с ним в совместных путешествиях окрест Орла. Собирали ягоды и грибы, не мало поездок совершили в Чернь за ярко-спелыми яблоками.

Крепко — сложенной, натренированной, коренастой фигурой, своим волевым лицом, строгим, испытывающим взглядом, сильным голосом Леонид Павлович напоминал мне великого полководца Георгия Жукова. Да и к военному делу он имел самое прямое отношение. Выпускник Львовского военно-политического училища, он семь лет, до самого выхода в отставку по болезни — облучению радиацией, командовал воинскими подразделениями.

ями. Был, как говорится на своем месте. Ему прочили высокую карьеру. Выросший в роду военных — и дед, и отец, и его старшие братья — все освоили одну профессию — Родину защищать. И оба зятя его — парни в пагонах.

— Не до капитана, как теперь, мог бы генералом стать, если бы не проклятая невезуха — болезнь, — с горечью признавался он, — а дисциплину, порядок я любил. И всякое дело надежно поставить мог.

И это не было пустой бравадой полевого офицера. Проводя с ним долгие дни, в жару и в холод, мороз и ветер в дальних прогулках по чащобам и завалам, рвам и кочкам я поражался его долготерпению и выдержке. Мне казалось, что он словно конь, который, неустанно трудясь, всегда остается способным идти вперед. Как выражаются, вдаль и с песней. Цуканов будто не знал усталости, был всегда жизнерадостен и целеустремлен.

Истинный комиссар. Он не только идет первым, прокладывая спутнику дорогу, но, при надобности, спешит помочь товарищу. То ненароком подхватит тяжелую корзину, то подаст руку и вытащит на крутой берег оврага. И при этом, остается, бодрым, спокойным и невозмутимым. Скромно, походя, без позы самолюбования. Именно о таких героях точно и верно сказал поэт Владимир Маяковский: — «Гвозди бы делать из этих людей, не было б в мире крепче гвоздей!».

Гостомля

*Среди холмов,
Берез и сосен,
Как щука, извивался пруд.
Здесь жил Лесков,
Бродил Рассохин
И грибники бывали тут.*

— Октябрь уж наступил, — и как далее писал Александр Пушкин: — уж рощи отрясали последнюю листву с нагих своих ветвей. Дохнул осенний хлад. Дорога промерзает. Журча, еще бежит за мельницу ручей.

В один из таких лучезарных дней золотой осени, мы с Цукановым, вышли из вагона на станции Гостомля. Директор леса Мадлен, вместе с напарником — баянистом Виктором Евгеньевичем Хомяковым пошли в правую сторону от железнодорожной ветки «Орел — Михайловский рудник». Мы же, дабы избежать нарочитой конкуренции, пошли влево. Наш путь лежал в направлении бывшего имения замечательного орловского писателя Николая Лескова. В еловых лесах здесь водились чудесные рыжики. Они-то и являлись нашей вожаделенной целью.

Ранее, я тут уже успел побывать с группой грибников во главе с директором леса неприступной и гордой Мадлен. Удача не сопутствовала нам. Как-то сложится все теперь?

За веселой беседою, мы быстро перешли широкое поле. Высокая стерня от скошенного жнивья мешала набрать скорость. Леонид Павлович предложил выбрать тропинку по тракторной колее. Действительно, идти стало легче. Через три версты начался ельник. Осматриваемся у корней вечнозеленых красавиц. Разгребаем густую траву. Есть розовый отшельник. Присматриваемся внимательней, находим его сотоварищей. Грибы крупные, явно переросшие, оттого и большинство из них оказываются пораженными червями. Но, духом не падаем. Переходим овраг, где по пригорку росли молодые деревца. То же самое. На два-три здоровых гриба — десяток червивых. Получается, по-Маяковскому: в грамм добыча, в год труды. Лукошки наполняются крайне медленно.

Совсем неожиданно встречаем усталых грибников. Двое мужчин и одна женщина оказывается, уже успели обегать рощицы и уже шли навстречу.

— Вы к плотине идете? — спросил нас дородный мужчина с огромною корзиной в руках, треть которой бала наполнена рыжиками.

— Да, Тимофеевич, — подтвердил Леонид. Они были знакомы.

— Напрасно потратите время, я уже весь пруд обошел, даже друга, где-то потерял в пути, но — улов, как видишь, не богат.

— Большевики не отступают, — шутит Цуканов, — как бы ты тщательно не шарил по траве, а все-таки, все собрать не смог.

— Это, как водится. У тебя, знаю, острый взгляд, найдешь все, что я пропустил.

— Постараюсь, — решительно ответил мой спутник.

Действительно, Леонид Павлович, не ленись бегать то вниз, то вверх по густо заросшим травой, холмам, и сумел наполнить свою корзину розовыми красавцами. Я же встречал больше остатки священнодействия Тимофеевича — порезанные особи. Лишь изредка выпадала удача найти гриб — молодой и здоровый.

Честно признаться это меня мало волновало, ибо я предавался воспоминаниям. Как-то мой земляк, доцент Университета искусств Александр Серафимович Логвинов рассказывал мне, что в Гостомльской средней школе, здание которой я мог хорошо разглядеть с пригорка, работал по распределению, его друг, выпускник Орловского пединститута, будущий поэт Виктор Рассохин. Здесь в него влюбилась десятиклассница. Девчонка оказалась такой настойчивой, что понудила молодого литератора к женитьбе. И теперь у четы Рассохиных вырос, как спелый гриб, их сын. Он уже успел и в армии отслужить. Бывшая смазливая ученица быстро превратилась во властную хозяйку, этакую — своенравную «Леди Макбет», только не Мценского, а Кромского уезда. Она стала вертеть слабохарактерным стихотворцем, как фигуристы обручем, отвадив мужа, от всех любителей хмельного зелья. Без ее согласия никто не мог переступить порог их орловской квартиры. В том числе и сам Александр Серафимович.

Смешно и грустно. Теперь, я, глядя на длинный, извивающийся, как могучая рыба в низовье холмов, пруд, припомнил и другое событие. В одной из рыбацких газет, которую редактировал Виктор Рассохин, была опубликована его статья и фотоснимок, на котором он, в торжествующей позе стоял, держа за жабру огромную щуку. И поймана она была вот в этом, узком и длинном — двухкилометровом водохранилище.

— Порыбачить бы здесь, — поделился я с Цукановым своим заветным желанием.

— Можно, — согласился он, — но, как ни будь летом. Правда, мы сюда и зимою приезжали.

— Щуки попадались?

— Нет. Все больше — окуни, караси да карпы.

— Богатый видать водоем?

— Иначе будку бы не поставили. Ты же видел ее, мы проходили, она вон за тем холмом, — Леонид Павлович указал мне в направлении, поросшего елями, крутого пригорка.

— Конечно, видел. Охраняют рыбные запасы. Чужаков не пустят.

— За бутылку все можно, — засмеялся мой спутник.

Пройдя по широкой плотине на противоположную сторону, мы стали взбираться по крутому берегу пруда в направлении станции. Заглянули в молодой ельник.

— Вот черед берез, — объяснил Цуканов, — под ними я порой находил много белых грибов. Давай и сейчас заглянем.

— Время еще есть, — согласился я. Но удача нам не сопутствовала — царственных особей мы не обнаружили.

Побегав еще от елки к елке, насобирав, сколько удалось розовых красавцев, вышли на прямую дорогу, ведущей к железнодорожной ветке.

На станции, в ожидании поезда, сидели грибники.

Тимофеевич охал: друг его, недавно оклемавшийся только после инфаркта, все не приходил.

— Опоздает на поезд! — горевал плотный старик.

— Не надо было бросать больного товарища, — резонно заметил Леонид Павлович, — вдруг сердце подведет — крутые увалы и здоровяку, преодолеть не просто.

— Да, видно, жадность погубила.

— Вот именно, — подтвердил Цуканов, — да вот он, кажется, идет.

— Ну, слава богу, — облегченно вздохнул Тимофеевич.

Ко мне подошел баянист Хомяков, полюбопытствовал моим «уловом»:

— Молодец, Дмитриевич, — похвалил он, — два ведра набрал, а я-то всего дно корзинки прикрыл.

— Надо было с нами идти, — ответил я, — вон у Леонида Павловича вдвое меня больше грибов — и в корзине и в рюкзаке. А тебе понесло вправо.

— Зато вместе с директором, — засмеялся Леонид.

— Я сама всего — ведерку набрала, — откликнулась рослая, как сосна, Мадлен.

— Вы и в прошлый раз, хотя и с коляской ходили, а мало что нашли, заметил я

— Не повезло, что поделаешь.

— Зря только Виктор Евгеньевич верит, что вы всегда — находчивые и удачливые.

— Не донимай, а то обижусь! — нависал надо мною, такой же, высокорослый, что и Мадлен, Хомяков.

— Ладно, ладно, помиритесь, — весело хохотал Цуканов, — будет еще и на вашей улице праздник. Лес-то не зря кормильцем зовут — всех выручит.

Бог есть!

*Коль душу одолела корысть,
То в ней подснежникам не цвести.
За каждый грех судьба с нас спросит,
Пусть Бог на небе,
Но, он — есть!*

Как-то раз напросился со мною за грибами, только что перенесший второй инфаркт, пенсионер Геннадий Малеев. Жена его, занимающаяся мелкой торговлей, Зина озабоченно наказывала:

— Петр Дмитриевич! Вы, пожалуйста, за моим Геной присматривайте, одного не бросайте, как бы не пожадничал, да не набрал много. Нести будет тяжело, а сердце — слабое, Упадёт, кто поможет?

— Хорошо, с нами еще Зинаида Ивановна, ваша тетка будет. Постараемся в беде не оставить.

— В какой лес идти собираетесь?

— В Шаховский, что по Брянской ветке.

— Буду, если что, знать, где искать.

Лес начинался сразу же за станцией. Остановившись, на широкой поляне, поросшей молодыми березками, я говорю:

— Гена, здесь свинушек пропасть — собирай. Я же пройду подальше, через овраг, вдруг, белые попадутся. На обратном пути найду за тобою.

— Не переживай, Дмитриевич, я тут рядом промышлять стану, — сказала наша спутница Зинаида Ивановна, — присмотрю.

— Все будет хорошо, иди спокойно, — заверил меня приятель.

Набрав грибов, я возвратился на поляну — никого не было. Решил, что мои товарищи уже на станции. Действительно там оказалась Зинаида Ивановна.

— Одна? А, где же Гена? — спросил я.

— Еще не пришел.

— Как?

— Он уже, наверное, в Орел уехал на дрезине. Я его с железнодорожниками видела.

— Не мог же он, больной, на открытой дрезине 50 верст ехать.

— Он все может. У него, как я поняла, бутылка была с собой. Выпили да поехали!

— И все-таки, я пройду в лес, покричу, а вдруг, он еще там?

— Сходите. Я за вашим рюкзаком присмотрю, да на поезд не опоздайте.

— Постараюсь! — я побежал по широкой тропке к лесу. Добрался до знакомой поляны. Звал громко и настойчиво. В ответ слышал лишь эхо. Вернулся ни с чем.

Уставшие и расстроенные, мы прибыли в Орел.

— Пропал наш Гена, — говорю жене, — сходи к его супруге, предупреди. Если надо, возьмем машину, съездим, поищем.

Валентина, выполнив поручение, пришла, успокоила:

— Гена твой веселый дома сидит, говорит, что на дрезине приехал.

— Но, почему же он нас не предупредил? Договаривались же вместе уезжать.

— Это ты у нас такой ответственный, а ему все до фонаря. Сердце больное, а он пьет, да посмеивается. Радуется — четыре ведра грибов привез.

— Ну, дьявол, больше я с ним в лес ни ногой. Переживания — одни.

— Зря ты с ним, вообще, связывался — не надежный он человек.

Когда я рассказал об этой грустной истории Цуканову, он громко расхохотался.

— Ты чего? — удивился я его неожиданной реакции.

— Да, ты просто не знаешь Малеева. Мы его просто Малеем зовем. Это, такой жадюга и проходимец, свет не видывал. Он тебе на рыбалке червяка не даст, а все будет смотреть, как бы за твой счет выпить.

— Ну, я не пью, а потому этого не знаю. Когда ездил с ним на 73км рыбу удить, у меня своих червей пропасть была — местным рыболовам одалживал.

— Я потому с тобою и дружу, что ты, в отличие от многих других, всегда трезв и разумен.

— Спасибо на добром слове.

— Получай, что заслужил, — продолжал Леонид Павлович, — а теперь послушай о приключениях с Малеем.

— А были такие?

— Сколько угодно. Случилось как-то года три назад, нашел Гена на станции Поныри, куда мы за карасями ездили, кошелек с 2500 рублями. Потрафила судьба.

— И деньги эти, он, конечно, сдал в кассу?

— Ха-ха! Как бы не так. Он присвоил их себе. Купил хорошую удочку и массу снастей с наживкою. Да, не повезло ему.

— Потрафило — не повезло. Парадокс получается.

— Именно, парадокс. Нашел — повезло. Потерял — не потрафило.

— Как, потерял?

— Вот так и получилось, господь он шельму метит. Или, как еще в русском народе поговорка прижилась: «На чужой каравай — рта не разевай!».

— Загадками говоришь.

— Проясню твое недоумение. Через пару недель, после поездки в Поньры, мы оказались в селе Городище Урицкого района. Там на пруду Гена новою удочкой рыбу ловил. Курить же, вроде тебя, он большой любитель. Бросил окурочек, а сам пошел к ребятам выпить. Разомлел, заболтался и не заметил, как сухая трава от окурка того, жарким пламенем загорелась. Сгорели и рюкзак, и удочка.

— Да, ну?

— Вот-вот и мы все подивились: как такое могло случиться? Кто и не верил во Христа, а с той поры решили: Бог есть!

Жареный червяк

Как-то, после неудачной «тихой охоты», уже по осени, Леонид Павлович, явно огорченный, говорит мне: «Дмитриевич! А не поехать ли нам семичасовым автобусом, вместо позднего поезда. И быстрее приедем в лес и грибов насобираем вне всякой конкуренции?».

— Далеко? — спрашиваю

— Ко мне на родину в село Червяк.

— И, где он такой ползучий располагается? — поражаюсь я такому странному названию населенного пункта.

— В Свердловском районе. Километров 25 от станции Змиевка. Проедем по льготному тарифу. У меня сосед по дому, что на Выгонке то же из тех краев, рассказывал, что там грибы на телегах вывозят, так их много.

— Согласен. Люблю осваивать новые места.

— Вот и ладненько. Завтра, в 5.45 утра жду тебя на остановке «Текмаш» — первым троллейбусом на автовокзал доберемся.

Ни Леонид, ни я опаздывать не любили. Точно в назначенное время доехали до автовокзала, а затем и до поселка Змиевка. От него на маршрутном автобусе прибыли к зданию местной школе, где была конечная остановка.

Осеннее утро было сумрачным. Лес темною стеной виднелся в полутора верстах от села Червяк. Решили зря не мешкать, а сразу отправляться к бору.

— Пока до леса дойдем — рассветет, — успокоил меня Цуканов, — а сейчас, шагая по дороге, внимательно оглядывай ориентиры. Видишь высокую силосную башню? Когда окажемся в лесу, она от нас в западной стороне будет — не заблудимся. К тому же здесь идет асфальтированная трасса. Обязательно, если пойдем по солнцу, в нее упремся.

— Понятно, что вся надежда на тебя, — скаламбурил я.

— На бога-то надейся, но и сам не плошай, — в тон мне ответил он, — мало ли что, ведь ненароком можем и разминуться. Всякий, а тем более, чужой для тебя и столь могучий лес — всегда загадка. Ну да ничего, я заранее уже кое-что предпринял.

— Что?

— Скоро узнаешь.

За беседу, мы не заметили, как оказались у ветвистых сосен, между стволами которых пробегала тележная колея. Леонид Павлович достал из кармана рюкзака несколько цветных целлофановых пакетов, разорвал их.

— Это и есть наши ориентиры, — пояснил он, пригнул высокую ветвь березы и повесил на нее один из ярких лоскутов.

Так на всем пути следования по лесу, на изгибах тропы, он устанавливал маяки памяти. Забегая вперед, замечу, что они нам здорово помогли. Ведь мы углубились в чащу на целых пять — шесть километров. И дошли до небольшого лесного поселка, на окраине которого виделся пруд. Недалеко от его берега росли яблони с удивительно крупными и сладкими плодами. Мы не устояли и набрали их по корзине. Тут наше внимание привлек грубо срубленный ствол молодой яблони.

— Да это же работа бобров! — оторопел Леонид, — только они так грызть умеют.

Действительно, подойдя к пруду, что был весь завален разными суками деревьев, мы увидели по берегам длинные и узкие следы их хвостов.

— Вот она вотчина неутомимых работников! — просиял Леонид Павлович, — зайдем в гости к моим землякам, узнаем, где здесь в обилии опята растут.

У двора доила корову пожилая женщина, назвавшаяся Вален-

тиной. На наш вопрос, она ответила: «Я сейчас Степана позову!». На ее зов откликнулся хозяин дома, еще крепкий, загорелый старик.

— Вы ребята, насчет грибов интересуетесь?

— Именно так, а то мы все одиночки собираем.

— Да их, по молодому березняку, да по елкам, много растет. Идите по дороге, только левее забирайте.

— Это, где дом лесника Федота?

— Вы, что его знаете?

— Я с отцом бывал у него, — ответил Леонид, — я родом из Червяка.

— Понятно — земляк значит. Лесник умер, но от его двора видно что-то осталось.

— Жаль, хороший был дед.

— А как ваш поселок зовут? — поинтересовался я.

— Жареным!

— Почему, так?

— В годы коллективизации дома кулаки спалили, чтобы их добро коммунарам не досталось. С тех пор большевики Жареным, его и окрестили. В бумаги вписали.

— Символично! — не удержался я от комментария.

— Жареный так Жареный. Нам, что ни поп, то батька, — заулыбался Степан.

Попрощавшись с хозяевами, мы направились в лес. Грибы попадались, больше летнего образца. Зимнего вида — толстых, и твердых было мало. Тем не менее, мы смогли полностью затарить свои корзины, в рюкзаках хрустели яблоки. В обратный путь двинулись, быстро и смело — по своим же ориентирам.

Через день наведались вновь. Однако следы наших поисков даров леса, мы оставили, на этот раз, уже в другой стороне. Набрали столько, сколько могли унести, путь-то не ближний, по 5-6 ведер. На телегах, действительно, возили грибы. Но, мы пришли к шапочному разбору, когда их заготовку жители села уже завершили.

Для сокращения названия мест — село Червяк и поселок Жареный, где мы охотились за опятами, мы обозначили воедино. Отчего получился веселый каламбур — Жареный червяк.

Платформа — 53 км

*В семи верстах от Хотынца,
Грибами полнятся леса.
Всем горожанам шлет привет —
Пятьдесят третий километр!*

Летом и осенью, в жару и холод едут на 53 км орловцы и брянцы. И никогда не уезжают пустыми. Леса окрест богаты грибами, клубникой и земляникой. Завсегда вдоволь можно набрать: спелого шиповника, яблок и груш. Всевозможных сортов боярышника так много, что можно аптечный завод открывать.

Тут, на платформе, я познакомился с выпускником Орловского Университета искусств и культуры Виктором Евгеньевичем Хомяковым. По моему совету он посетил березовые рощи, что располагались в направлении автотрассы «Орел — Брянск». И не зря — его вместительная корзина до верху была наполнена белыми грибами. Удачливый грибник не преминул поблагодарить меня за доброе напутствие.

— Спасибо, что не обманул, — серьезно говорил Виктор, — ведь подшутить над конкурентом, много охотников. Наговорят, рисуют небыль яркими красками, а на поверку — пустой прожект.

— Лгать, не мое амплуа, — отозвался я, — ибо верил в удачу. На то у меня были веские основания — днем ранее, в тех местах, повезло и мне.

— Тогда, понятно, — Хомяков расплылся в счастливой улыбке.

С Леонидом Павловичем Цукановым мы приехали на 53-й, чтобы проведать дальние леса. Они располагаются в направлении села Меловое, где я года три назад, промозглой осенней порою, заблудился и вышел, аж, к станции Шахово, что от платформы — 53, находится в 9 километрах. Вряд ли пошутить, что семь верст — не крюк. Мой крюк составил не менее четверти сотни верст под беспрестанно льющимся дождем и холодным, пронизывающим ветром. Продрог так, что едва смог согреться у теплой батареи станции. Теперь таковая закрыта для пассажиров. Повторись

подобный блуд сегодня, можно вообще замерзнуть в ожидании редких поездов.

Правда, на этот раз, нам с Леонидом Павловичем повезло. Осенний день выдался, на редкость теплым и солнечным. Наш путь проходил по сухой, торной дороге, а потому мы быстренько отмахали три — четыре версты и ринулись в первый попавшийся лог. По обыкновению, мы шли параллельно, по противоположным сторонам оврага, дабы не мешать друг другу. Опята не радовали нас своим урожаем. В основном все они были с крупными, изъеденными лизунами, шляпками. Выбирали, что свежее и пристойнее, складывая их в корзины.

Мой приятель, как истинный следопыт, успевал обследовать все ближайшие пни, нарезая по склонам, то круги, то зигзаги. При этом вел спокойную, вроде не брала его усталость, беседу.

— Сюда я изредка навещался с женою, — в его голосе слышалась неприкрытая грусть, — когда она была еще здорова. Шесть лет прошло, как ее не стало. Живу один, как перст. Тоска заедает. Правда, две дочки да пятеро внуков согревают душу. Но живут они отдельно. Приходят, навещают, радуют. Бываю с гостинцами и я у них.

— Но тебе же едва за 60. Ты еще свеж и здоров, — серьезно замечаю я, — мог бы еще себе новую половинку отыскать.

— Ха-ха-ха! — засмеялся он, — кандидаток на замещение свободной вакансии жены, достаточно, да только все не то.

— Как?

— Все они грезят лишь материальными категориями. Что им нужно от меня? Тепло общения, радость совместного труда? Как бы не так. Им подавай права на квартиру, на мою пенсию. А, что я внукам оставляю после себя — это им не интересно.

— Понятно, — соглашаюсь я, — не спроста грибники — сестры Рая и Зина толковали мне, что ты жестокосерден к своим поклонникам.

— Не жестокосерден, а объективен. Не отрекаются, любя. Я же, выходит, однолюб. Не могу свою благоверную забыть. Вот тут, среди высоких берез мы с нею два лукошка одних только белых насобирали. Вон, видишь пологий овраг. Близ него много растет

лисичек. И тогда нам подфартило — желтоглазыми красавицами наполнили ведро и корзину. Подберезовиков заготавливали в избытке, жаль лишь, что они портятся быстро. Рядом с нею — и лес был светлее, и цветы ярче, и грибов гуще.

Обследовав, один за другим, пять — шесть логов и мало, чего, набрав, мы решили перейти в дальний противоположный лес. Добирались до него, минуя три поля и несколько перелесков. Наконец, усталые, все в колючках и репейниках, достигли заветной цели. Неподалеку от одинокой избушки, в сыром овраге наткнулись на грибную поляну. И пошла работа. Опята — веселые ребята. Они быстренько, под нашими руками и ножами, забегали к нам в лукошко. Правда, огорчали конкуренты. Не столько тем, что они сокращали наши возможности по сбору даров, а больше своими непрерывными перекличками и ауканьями. «Тихая охота», она же предполагает покой и звонкую тишину. Громкие же крики нарушают дивную гармонию леса.

Затоваривши корзины, сумки и рюкзаки мы поднялись из лога вверх. Цуканов, осмотревшись, указывая на линию электропередач, сказал:

— Теперь я поведу тебя кратчайшим путем к остановочной платформе.

— Но, только не как Иван Сусанин! — пошутил я.

— Не дрейфи, не заблудимся, здесь, каждая тропка до боли моя — все исхожено — перехожено. Берем прямой курс, вон на тот одинокий столб, там будет хорошая дорога. Вперед и с песнями.

— Ты все шутишь, а у меня уже плечи и руки затекли.

— Крепись казак, атаманом будешь!

Когда мы совсем уже вышли из леса, Леонид приказал:

— Стоп. Снимай рюкзак. Бери пакет, идем со мною.

— Это куда и зачем?

— На опушке, видишь, одинокая груша стоит?

— Ну и что? Наверняка, дикарка — плод не укусишь! Обойдусь.

— А зря отказываешься. Отдыхай пока, я один сбегаяю.

Не прошло и пяти минут, как Цуканов принес целый ворох коричневых груш.

— Держи, — протянул он мне пакет, — и жену угостишь, и свою любимую внучку. Если память не изменяет, то ее Настенькой зовут.

— Точно так, — подтвердил я, и вдоволь насладившись ароматно-сладким вкусом спелых плодов, добавил, — спасибо, Павлович, Настя и впрямь будет довольна — великолепные груши.

Шаховская колония

Уважаемый читатель! Оговоримся сразу, что мы совсем не собираемся раскрывать вам секреты Шаховской цитадели, где отбывают свои сроки наказания заблудшие женщины и малолетние преступники. Оговориться же одним словом — Шахово, нельзя. Может случиться путаница, ибо близ Орла две остановки с подобным названием.

Есть Шахово на Брянской железнодорожной ветке, о которой мы ранее упоминали, и второе, где расположилось исправительное учреждение — на Железнодорожной трассе.

О грибных местах, близ «второго» Шахова, и пойдет наша речь. В летнюю пору сюда, за редким случаем наведываются профессиональные грибники. Белых бывает мало, а подберезовики — грибы не товарные. Зато уже по осени — завсегдатаев леса видимо — невидимо. Но разносортных опят, среди болотистых урочищ дубов, берез и орешника, позволим себе пошутить, гораздо больше. Хватает на всех. Случается, что за ними здесь ведется «тихая охота», даже по первоснежью. Покопаясь в снегу палкою, они же, опять, сердце радуют, стоят, будто оловянные солдатики.

С Леонидом Павловичем Цукановым мы наезжали в эти края и на поезде и на раннем автобусе. Чаще всего нам сопутствовала удача. Увозили столько даров, на сколько хватало наших подъемных сил. Дабы не томиться в ожидании позднего пассажирского состава, не жалели тридцатки — уезжали местным рейсовым автотранспортом.

Места здесь глухие, блудные, но с моим следопытом, бродили целыми днями и без особых приключений. Возмущало одно — бесхозяйственная валка деревьев, отчего весь лес превратился из-за оставленных на порубках суков и веток, в непроходимый буре-

лом, что наглядно представлен известной картиной «Три медведя». Офицеры колонии, дабы не терять лица, нанимают чужестранных рабочих, что пилят и возят для них уже готовые бревна. Начальник колонии и его старшие офицеры, с их помощью, обзавелись ныне лесными дачами. Дешево и комфортно.

Уже поздненько осенью, в хладном ноябре, мы, исходив три урочища и, мало, чего, найдя, решили навеститься в сад, что располагался сразу же за массивными стенами тюрьмы. Яблоки были мелкими и, в основном антоновка, нам же хотелось отыскать более крупные и сладкие сорта. Таковых не оказалось, а потому, налегке, мы обошли целых три пруда, по берегам которых обнаружили жилища бобров.

Выйдя из сада, прошагали по огромному полю, где паслись пестрые коровы. Их стадо принадлежало хозяйству колонии. Окрестные поля засеивались и засаживались различными культурами. Их урожай опять же шел на поддержание жизни узниц и юных узников.

Местом отдохновения работников колонии был дальний плотно зарыбленный пруд. В нем водились крупные караси и карпы. Он охранялся и оберегался от непрошенных пришельцев. Однажды, наведаясь сюда с удочками, я выловил всего полдюжечка карасей — не повезло. Как теперь нам с Леонидом не выпала планка набрать грибов. Удивительно, но мой спутник от того совсем не расстраивался, а все шутил:

— Приятно бродить. Душу простор веселит.

— А в корзинах — ветер свищет, — говорю в тон ему.

— Не беда. Нам лес свое богатство уже отдал сполна. Да и соседу — другу грибов на зиму хватило. Насолил и намариновал.

— Это, которого ты с сыном на урожай привозил? — спрашиваю я.

— Было, чего скрывать. Пригласил, не зазря же добру пропадать.

— Добрая душа.

— Уж, какой есть, — заискрился светлой улыбкой мой верный спутник.

Яблоки на снегу

Грибники — сестры Зина и Рая, мои давние знакомые, пригласили меня совершить путешествие в Чернь, за яблоками. По прибытии на станцию, они сказали мне:

— Петр Дмитриевич! Вы, в отличие от нас, хромых и старых, быстро ходите. Зря не тащитесь с нами. Идите себе напрямиком вдоль автотрассы. Пройдите заправку, а там увидите сады. Первый пропустите, он обобран, а во втором — третьем собирайте все, что понравится. Там вдосталь всего: антоновки, пепина шафранного, орловского синапа, богатыря и прочих сортов. Урожай ныне богатый. И арендаторам под завязку хватило и нам, сколько надо достанется.

— Сказано — сделано! — отшутился я и пустился напрямиком по асфальту.

Зайдя в сад, я неожиданно встретился со следопытом:

— Как и ты здесь? Но, в электричке я тебя не видел.

— Да я с соседом ехал во втором, а ты с дамами в четвертом вагоне. Вот и разминулись, — объяснился он.

— Понятно.

Пока Леонид Павлович внушал мне, где какие растут яблоки, к нам подошел плотный, краснолицый мужчина, жуя огромный ярко — красный плод.

— Вот и мой приятель.

— Михаил Павлович! — представился тот.

— Вы, никак братья?

— Почти, — отшутился сосед Цуканова.

Позже, я узнал, что у краснолицего совсем другое отчество. Но до сих пор не пойму, толи он меня обманул, толи я ослышался. Всякое бывает.

Во вторую поездку, мы решили навестить другие сады, что расположились на северо-востоке от станции. На ветвях высоких яблонь красовались огромные розовые плоды. Я, как мог, подпрыгивал вверх и срывал их. Корзина наполнялась мгновенно.

— Удивительно, — говорю, — почему такая красота так долго сохранилась, уже и снег выпал, а они все, как в песне поется: лежат — розовые на белом?

— Ха-ха-ха! — захохотал Цуканов.

— Ты это чего? — не понял я причину веселья товарища.

— Но, ты же заметил, что я такие яблоки не беру.

— Почему? Сорт не нравится?

— Именно. Это же — строевка! Выведена она орловскими учеными во главе с нынешним академиком Строевым. Его же именем и обозначили этот сорт. С одной стороны — красные, другая же — вся в парше, как душа лживого коммуниста и демократа. Из-за этой парши такие яблоки никто на базаре не покупает. Да и себе не берут — брак!

— Но, я-то беру.

— Это потому, что ты не торгуешь ими. И, наверное, два тома сочинений губернатора, с уважением изучаешь?

— Его ученые фолианты я действительно видел на столе заместителя председателя и руководителя фракции «Единая Россия» горсовета Музалевского Леонида Семеновича, когда бывал у него на приеме. Но, никогда не читал. И книг нет, а также и должного интереса к теме.

— А интерес к яблокам есть?

— Зачем же добру пропадать?

— Пусть птицы «строевку» клюют, а я предпочитаю орловский синап или богатырь — стоящие яблоки.

В последнюю свою поездку в Чернь, что выпала на 1 декабря 2008 — уже зимнюю пору, я долго стоял и любовался яблоками на снегу. И сам не зная почему, к моему сердцу подступали — тоска и грусть.

Сергей Шмелев



СКАЗЫ

(о Петре Козине)

Предлагаем вниманию читателей третью подборку моих очерков «СКАЗЫ» — о жизни и творчестве орловского поэта и прозаика Петра Дмитриевича Козина, с кем меня уже более 30 лет прочно связывают личная и творческая дружба. Первая из них была опубликована в его книге «Дым Отечества» за 2007 , вторая — в «Глумлении», за 2008 год.

В предлагаемой серии зарисовок, мы попытаемся рассказать о читательском резонансе на повесть «Глумление», а также о работе над новыми произведениями, посвященными Русской бане и ее сородичам, как важнейшему инструменту сбережения духа и здоровья нации.

ПРОВИДЕНИЕ

Еще на стыке 2007 и 2008 годов, когда страна активно готовилась к президентским выборам, а наши правители — единороссы, находились в газо-нефте-долларовой эйфории, Петр Козин, работая в это время над своим произведением, как историк и общественвед, уже отчетливо понимал, что вся эта их радость — суть легкомыслия. Она вскоре омрачится, уйдет, растает в тумане льдинкою, а нам оставит — тоску и грусть. Не случайно в повести «Глумление», он раскрыл коварную сущность революций 1917 и 1991 годов в России, которые совершились далеко не во благо трудового народа. Нынешняя же реставрация капитализма, с крайне необузданным разгосударствлением всего и вся — промышленности, сельского хозяйства, отраслей науки и просвещения, военного строительства, вообще, пагубна для трудящихся.

Петр Козин оказался истинным провидцем. Разразившийся в 2008 мировой кризис, из США проник в Европу, а затем больно ударил по экономике России, что на 80 процентов уже зависела от международного экспорта инвестиций и товаров.

Народ, вслед за чековой приватизацией 1991, дефолта 1998, а теперь в кризис 2009 года, уже — третий раз обездоленный и ограбленный, униженный и оскорбленный вышел в пикеты. Некоторые горячие головы, доведенные жестокими тарифами на жилье, безработицей и нищетой, вспомнили бессмертные строки песни военной поры:

Вставай страна огромная,
Вставай на смертный бой!

Но на митинги и демонстрации выходят лишь старики. Безропотны военные — под прессом долга и дисциплины. Молодежь развращена аморальным, антирусским радио и телевидением. Бюджетники — учителя, врачи, милиционеры, работники культуры и искусства бездействуют из страха потерять последние крохи, даруемые им бездумными правителями, цинизму которых, по

словам орловца В. Гончарова, меры нет. Он с гневом пишет («Орловская искра» №5 от 1 февраля 2009):

Набатом бьют колокола —
Премьеру Путину — хвала,
Что обещал на много лет
Нам процветать, не зная бед.
Дана команда из столицы:
Всем от души повеселиться.
Собрать на площадях народ —
Пусть власти славу пропоет!
Веленье свыше исполняют:
Народ на площади сгоняют,
Чтоб власть могли благодарить
И верить, как прекрасно жить!
Конечно, славить — от народа
За кризис,
За останки от завода,
За цены и тарифы, прочую заботу,
За то, что не найти работу!

Один факт просится в куплет —
Цинизму власти меры нет!

Это гнев горожанина, а что же сегодня может сказать селянин? На этот вопрос дает ответ лирик Виктор Васичкин, опубликовавший в том же номере газеты стихотворение «Все реже деревни»:

Родина милая, ты не исчадие зла,
Но почему, почему ты опять бурьяном заросла?
Ветер полынный и серая даль без межи,
Что за хозяин страну им засеял, скажи?
Кто научил этой хитрой науке, какой агроном?
Время, как ветер над ними,
Стучит и стучит метроном.

Где твои песни и в утреннем небе дымки?
Где же сегодня трудяги твои мужики?
Родина милая, самая близкая в мире родня,
В самом простом, ты сегодня обходишь меня.

Смотрит Сэм на меня, на Россию хитро.
Пригляделся получше бы с трона:
Есть ружье у меня, мое верное ПРО,
А в столе, возле печки, патроны.

Больно за город и совсем страшно за разоренные деревни. О горькой участи родного Сивково Петр Козин подробно поведал еще в провинциальных записках «Родная сторона». Сегодня он признает, что единственной оппозицией опасному режиму власти является компартия во главе с ее лидером — орловцем Геннадием Зюгановым. Ведь в резолюции XIII съезда КПРФ отчетливо говорится: «Капитализм изживает себя. Идет обострение системного кризиса империализма. Его опоры шатаются на наших глазах. Главари транснационального капитализма и их полпреды в политике спешно объединяются ради спасения капитализма. Растет стремление народов избавиться от царства лжи (Радзинских и Познеров, стремящихся не обустроить, а окончательно разорить Россию), от грязи и угнетения».

ГОЛОСА ДОНА И ВОЛГИ

*Не весело нынче казак молодой
Поет свои песни о славе донской!
Петр Козин.*

*Выйдь на Волгу.
Чей стон раздается,
Над великою русской рекой?
Н. А. Некрасов.*

Кто читал «Донские очерки», тот хорошо знает, что Дон — вторая родина писателя. Здесь, в Ростове, главном городе края, воспетого великим Шолоховым, Петр Козин шесть лет работал и учился. И, сегодня он не порывает добрых связей с товарищами и друзьями славной студенческой поры.

23 сентября 2008, по сотовому телефону ему позвонил редактор газеты «Казачий спас» полковник Николай Дергунов. Он выразил свое высокое мнение о прочитанной повести, сказал: «Ты нашел удивительно емкое слово — глумление. Действительно, сегодня надо мною издеваются судьи, которым я доказываю, что запрет пропаганды творчества великого русского художника, профессора Академии художеств Сергея Бочарова есть не что иное, как глумление над патриотом России, подлинным мастером живописи, вторым Айвазовским. И, вообще, судебные тяжбы — суть глумления над здравым смыслом. Ты, сам того не подозревая, помогаешь мне в борьбе с произволом, удачно найденным эпитетом и воплощенными в книге идеями добра и справедливости».

— Спасибо, — отвечал Козин.

— Да, еще новость Петр Дмитриевич, — продолжал Дергунов, — 30 сентября состоится съезд, который провозгласит казачье государство на новой основе — Донскую республику.

— Не забудьте выслать материалы — это интересно.

— Хорошо, есаул Борисов тебе их вышлет.

И теперь, получив бандероль от своего друга, Петр Козин

углубился в чтение письма. Александр Михайлович Борисов, чей отец родом из казаков Новосила, сообщал:

— Донская республика. Национальность — казак. Привилегии, как репрессированному народу. Думаю, это то же что и разработанный сценарий с крымскими татарами. Это дело одних кукловодов. Сплошные мистерии для стравливания и дальнейшего истребления пострадавшего русского духа. Геноцид продолжается и облекается лишь в новые формы.

В Азове был круг. После него начались репрессии. Избит, по команде главы администрации, русский патриот атаман Азовских казаков Колобродов. Доказательств и прямых улик нет, тем не менее, Колобродов теперь — инвалид! Реакция казаков пассивная. Да и где оно племя воинов? Абравиатура одна — Всевеликое войско Донское «ВВД», Всевеликое казачье общество «ВКО». В иные времена было вооруженное, организованное и обученное войско.

Все истинно русские Атаманы под контролем главного Атамана, генерала Водолацкого. Кто он такой сам? На этот вопрос отвечает автор статьи «Информация к размышлению» Т Чумак, опубликованной в газете «Казачья лава». Он пишет: «6 июля 2008 года по РТР прошел фильм Аркадия Мамонтова о казачестве. В нем реалистично воспроизводятся события возрождения казачества и его геноцида на Кубанской и Донской земле. Фильм произвел бы благоприятное впечатление, если бы в него не были вмонтированы изречения жалкой, косноязычной посредственности, в лице пока еще играющего роль атамана ВКО ВВД, генерала В. Водолацкого. Он заявил, что только теперь казаки стали хоть что-то из себя представлять. А в начале 90-х нашили себе форму по дедовским лекалам, из чего попало, и цепляли себе кресты из консервных банок, имитирующие дедовские награды. И кто бы говорил?! Это человек, которого в начале мая 2008 года свои станичники с позором единогласно изгнали из станицы. Изгнали за многолетнюю анти — казачью политику, в том числе за проявление большевизма и коррупции по отношению к казакам.

Необходимо отметить, что подобного прецедента в казачьей истории не существует. Этот деятель в кавычках, выведенный в

фильме, как председатель комбеда опорочил воевавших казаков. Тех, которые защищали братьев — славян в Сербии, Приднестровье, Южной Осетии, Абхазии и Чечне. Это благодаря их ратным подвигам казачество, после 80-летнего забвения, заявило о себе в полный голос, как реальная воинская сила. Чем же занимался в это время Виктор Петрович Водолацкий?

Известно точно. В окопе он не сидел, в танке не горел. А за свое тогдашнее ремесло (слесарь-сантехник) и по сегодняшний день в Азове, имеет, погоняло «Витька — унитаз». Именно в то время у него зародилась мысль примазаться к казачьему движению. Он выдумал себе казачьи корни подобно тому, как в советские времена многие граждане старались отыскать у себя родственников еврейского происхождения для того, чтобы выехать из СССР. В книге «АЗОВ», выпущенной в 2008 году есть фотография мешанина посада Янкеля Водолацкого — видного члена партии левых эсеров, члена Азовского ВРК, проводившего в жизнь резолюцию Свердлова по расказачиванию. Хотелось бы спросить «казака Водолацкого» о степени родства с тем социалистом — революционером. Не является ли потомственной и наследственной для нынешнего казачьего генерала маниакальная страсть к большевизму, фашизму и расказачиванию? Братья — казаки, задумайтесь!».

Да, есть над чем, задуматься и нам. Александр Борисов далее пишет:

— Пообщался с казаками и Союзом офицеров во главе со Станиславом Тереховым, вошедшим в состав партии НДПР. Высылаю ксерокс номера их газеты «Казачий народ». Народ, здесь понимается, не русский, а — казаки. Они стоят за привилегии, за признание геноцида казачьего народа русскими (украинский вариант на Дону). Если же я не отрекаюсь от своих русских — новосильских корней, значит — не казак! Есть повод подраться вначале на святом Дону, затем с хохлами, потом и с кацапами. А там, если «им — тереховым» повезет, то можно и «войнушку», как в 17-ом устроить. Чего не бросить славянам дубинку Перуна! Если учесть, что атаманов у нас больше чем рядовых казаков, то есть повод поистреблять друг дружку. Ничего нового, все — по старой схеме.

Так что о Донской земле, воспетою Шолоховым и тобою, писать грустно. Уныние же — духовное самоубийство» и, как правильно и точно ты заметил — идет подлинное глумление над русским на-
родом, разрушается логика всей нашей жизни».

Мало добавило оптимизма Петру Козину и письмо с берегов Волги. Верная подруга молодых лет, инженер Галина Куликова, горячо благодарила автора за книгу, но откровенно призналась, что очень боится за его писательскую судьбу.

— Работал у нас в городской газете честный и порядочный, как ты, смелый журналист. Писал о горькой правде, — сообщала уроженка древнего Углича, — как мог, он защищал простых людей от коррумпированной власти. И что же? Его выбросили из окна многоэтажного дома, а все списали на суицид. Был он в расцвете сил — плотный, 40 — летний здоровяк. Никто из угличан таким объяснениям не поверил. Но его нет. Очень прошу, береги себя, ты нам дорог. Повесть навеяла грусть, но когда я стала читать «Записки грибника» мое сердце вновь воспарило. Сразу припомнилось, как мы с отцом Юрием Ивановичем Филипповым по целым дням бродили в лесах, что близ матушки Волги, собирали полные лукошки чудесных грибов. Спасибо за то, что подарил мне минуты радостных воспоминаний.

РАДОСТЬ ЗЕМЛЯКОВ

*Моим любимым землякам
Родного Болховского края,
Деревням, селам, родникам,
Я эти строки посвящаю.*

Петр Козин.

Первые публикации стихов и заметок юного селькора «Болховской коммуны» состоялись еще в середине 50-х. Поэтому для земляков Петра Козина, казалось, не было большой новостью

выход в свет, в начале 90-х, его поэтических сборников «Отчий край», «Перелески», «Русь». Ученики Михневской, Репнинской, ряда Болховских и Орловских школ заучивали его стихотворения наизусть, декламировали их на торжественных вечерах. Они совершали путешествия в Сивково — родное гнездо поэта, проходили маршрутами его героев, бывали на могиле его родителей в печально-знаменитых «Елках».

После же появления в библиотеках провинциальных записок «Родная сторона» в 2006 году о Петре Козине заговорили всерьез и надолго. Об этом мы рассказывали вам в очерке «Митинг в Елках», «Синдром Хрущева» и других. Не прошло и года, как появилась в печати повесть «Дым Отечества» — новая радость для селян.

Уроженец села Долбилова, а ныне преподаватель Орловского медицинского училища Юрий Константинович Прохорцев, ставший одним из героев повести, не замедлил благодарно откликнуться. Он долго и настойчиво уговаривал автора посетить с ним Сурьянинскую школу, где в конце 60-х, Петр Дмитриевич директорствовал. В свою очередь выпускники Золоторевской средней школы, которую он руководил уже в 70-е годы, с нетерпением ожидали писателя в гости.

Публикация «Донских очерков» не оставила равнодушными казаков Дона. Один из организаторов возрождения казачества, атаман Юдин купил у автора 15 экземпляров книги, при этом заявил: «Я буду на них воспитывать своих казаков, как нужно беречь и приумножать славу донского воинства».

Многоплановая, глубоко патриотичная книга «Глумление» появившаяся в 2008 году заставила обратить на себя серьезное внимание такого крупного литератора Орловщины, как Петр Родичев. Он не преминул заявить о Петре Козина, как о достойном авторе и набирающем высоту писателе.

Все чаще Петру Дмитриевичу звонили земляки. Они просили о книгах. Уроженец села Лохань Болховского района Вячеслав Николаевич Потапов потратил много сил и времени, чтобы отыскать, через библиотеки, творческий Союз и издательство адрес писателя. А, встретившись с Козиным, купил у него не только для своей семьи, но и для брата, проживающего в Москве, 6 книг.

Житель Болхова, а ныне орловский пенсионер, некогда директор автотранспортного предприятия междугородных перевозок Иван Алексеевич Лукьянчиков долгие годы следящий за творчеством земляка все дни проводит за чтением.

— Петр Дмитриевич, когда к вам можно придти? — спрашивал он по телефону, — нужно поговорить, кое-что уточнить. Ведь я делаю для себя выписки.

— Сейчас я занят, — извиняется писатель, — срочно готовлю к изданию сразу две книги о Русской бане и ее сородичах.

— А я к вам зайду после работы, чтобы не нарушать творческий процесс.

— Хорошо, заходите, коль это так надо

— Спасибо, — благодарит писателя его земляк, — встретить с вами для меня всегда — большая радость.

НОСТАЛЬГИЯ

После получения в типографии издательства свежих экземпляров книг, Петр Козин, не мешкая, садится в свою, синего цвета «Оку» и мчит в родные края. Первые, еще пахнущие краской сборники, он передает в руки земляков — журналистов «Болховских курантов». Редактор газеты Светлана Викторовна Глотова за всегда тепло встречает именитого селькора. Усаживает в кресло, долго расспрашивает о здоровье и творческих планах. Она первую читает книги Петра Козина и готовит по ним «Литературные страницы».

Затем Петр Дмитриевич навещает педагогический колледж, 3-ю школу, районную администрацию, библиотеку и краеведческий музей. Не забывает он также подарить свою книгу и поэту — земляку Альберту Луценко, с кем их связывает многолетняя творческая дружба.

Мне доводилось с Петром Дмитриевичем бывать на Щербово. В поселковой библиотеке едва ли не целую витрину занимают

его книги, к которым у земляков особый интерес. Их запоем читают все селяне. Петра Козина здесь любят и чтят. Вначале, как селькора, затем, как учителя и поэта и, наконец, теперь, как зрелого писателя.

Летом 2008, когда Петр Дмитриевич со своею женой Валентиной Алексеевной Козиной собрался ехать в Репнино, чтобы в местную библиотеку и школу передать новые книги, с ними в поездку напросилась его кузина Антонина Ивановна Бондарева.

— Давно не была в Репнино, — сказала она, — хочется и на село взглянуть и родную школу навестить. Ведь три года в нее бегала за десяток верст. Все учителя, коих и в живых уже нет, как будто вчера виделись, перед глазами стоят.

— Что сестра, — шутит поэт, — ностальгия замучила?

— Еще как! — согласилась Антонина Ивановна.

— Тогда, садись в машину, тронем.

— Вот спасибо, вот молодец, что приехал.



Выпускница Репнинской средней школы (50-е годы) Антонина Ивановна Бондарева.

От Калиновского поселка, где живет кузина, до села Репнино надо ехать в объезд, через деревню Зубари, а потому на спидометре накручивается более 16-ти верст. За воспоминаниями, да шутками не заметили, как миновали реку Машок и взобрались на крутую Сельскую гору. Свернув вправо, увидели двухэтажные здания. Первое, из белого кирпича, Дом культуры, где размещалась библиотека, а через спортивный городок, высилось строение из красного кирпича. Это — школа, родная альма матер — и Петра Козина, и Антонины Бондаревой.

Пока Петр Дмитриевич беседовал с директором Дома культуры, которая, за отсутствием библиотекаря, что была в отпуске,



П. Козин у школьного крыльца, Репнинской средней школы.

приняла у него книги, Антонина и Валентина бегали осматривать школу. Затем к ним присоединился и поэт.

— Помнишь, Петя, нашего строгого директора Георгия Гавриловича Тимохина? — спрашивала сестра, — а завуча Минаева Серафима Михайловича, что с моим мужем Васей в дружбе состоял?

— Всех помню. И литератора Савостьянову, и военрука Кондрашова, и физрука Новосельцева, и свою классную даму Власову Веру Михайловну. Как говорится: никто не забыт и ничто не забыто.

— Да и что я зря спрашиваю, ведь ты о них, репнинских учителях, целую серию очерков в «Дыме Отечества» поместил — с удовольствием читала.

— Было такое, — с улыбкою подтвердил брат.

— Петя, а ты заметил, что стены школы все продырявлены снарядами. С войны эта памятка осталось.

— Еще бы! И в пору детства я эти выбоины видел и представлял, какие жестокие в 43-ем, здесь, по Оке, Нугрю и Мошку шли бои. Под обстрел попала и наша школа.

— А я помню, как мы с тобою по спортплощадке и по школьному саду бегали. Как кроликов кормили.

— Мне же приятнее вспоминать, как рано, по утрам, когда еще не рассеялись сумерки, а кругом было все таинственно и загадочно, мы с неумным азартом носились с ребятами, из класса в класс. Там подолгу любовались, как чудесно, ярким пламенем, горели в топках печей сухие дрова. Мы брали по палке из их ворохов и, представляя себя мушкетерами, отчаянно фехтовали.

— У мальчишек одна забота — побегать, да подурчиться, а

мы, девчонки, зубрежкой формул да правил больше занимались. Дисциплина в школе была строгая и требования высокие, не то, что сейчас. Не учатся, а мучаются.

После осмотра школьного хозяйства, прекрасно оборудованной спортплощадки и футбольного поля, само здание учебного заведения было на замке, дамы зашли к директору Дома культуры. Антонина Ивановна была с нею хорошо знакома. Фамилию ее Петр постеснялся спросить, но запомнил, что она назвала себя армянкою и вот уже семь лет руководит не только очагом культуры, но и созданным ею народным музеем крестьянского быта.

— Какая, молодец! — тогда мысленно похвалил он ее, — человек иной культуры, а добро несет тем людям, с кем ныне делит и хлеб и кров.

— Сколько в школе учеников? — спросил он.

— По разному — 15, 20.

— А учителей?

— Десяток наберется.

— А, когда мы учились, в конце 50-х, — вздохнула с горечью Антонина Ивановна, — ребят было за 300 человек, а учителей, вдвое больше, чем сейчас. По два-три класса параллельных было. В две смены учились. Вымирает село, детей не стали рожать и некому — молодежь в городе. Старики уходят в мир иной — кладбище, что прямо у школы с каждым годом все шире.

— Ностальгия тебя замучила, сестра, — улыбается поэт.

— Куда от нее денешься, — соглашается Антонина, — ты городской, а я сама по сей день в деревне живу. Нелегко это — разор терпеть, да одиночество переживать.

Спустя месяц, после пребывания на малой родине, жена поэта получила из города Фурманова от своей племянницы Марины, приглашение приехать на свадьбу ее дочери. Валентина Алексеевна не только побывала на свадьбе, но и, используя случай, навестила селение Марково Комсомольского района Ивановской области. Здесь она когда-то окончила среднюю школу. Поселок Марково в шестидесятые насчитывал полторы тысячи



Козина Валентина Алексеевна — выпускница Марковской средней школы (50-е годы).

жителей, сегодня тут осталось меньше половины. Производства закрылись. Марковцы же отправились в отхожий промысел. Некоторые, как дочь Марины, что нашла себе мужа — туляка, работают в Москве. Своему дяде Валентина Алексеевна подарила книги мужа, сказала:

— В них все о нашей с ним жизни.

— Спасибо, прочту, молодец, твой супруг — писатель.

— О, вы знаете, как он родину свою любит?! — отозвалась Марина, — я его «Родную сторону», когда прочла, — сама расплакалась.

КРАСНЫЕ ДАТЫ

Первого августа 2008, ввиду служебной необходимости, я оказался на родине великого пролетарского писателя Алексея Максимовича Горького в Нижнем Новгороде. И вот, когда я стоял почти у самой кромки воды и любовался широким и могучим простором матушки Волги, мне с берегов далекой Оки позвонил по сотовому телефону Петр Козин. Он поделился со мною своею радостью: его внук Максимка оказался зачисленным в число студентов технического Университета.

Уже, будучи в Орле, мне довелось прочесть его эпистолярное послание. Он писал юному герою — наследнику:



Максим Корнеев, студент Орловского Государственного технического университета, 18 лет (24.04.2009 г.)

Дорогой Максим!

Безмерно рад и горд, что ты не по благу, как многие, а по примеру деда и своей мамы Ирины Петровны, за счет собственного старания и ума, сумел стать студентом ВУЗа, который некогда окончила твоя мать. Просто, молодец!

Отсюда вывод: ум и знания — сила! Они больше, чем деньги. Они, как сказал великий Ломоносов — в счастливой жизни украшают, в несчастный случай — берегут!

Однако, помни: завоевать право учиться в Университете, как захватить власть, бывает легче, чем удержать ее. Отсюда следует второй постулат: не расслабляться, а постоянно, подобно бесстрашному буревику революции Алексею Пешкову, работать

над собой, образовываться и самообразовываться. Трудиться до пота лица своего, неустанно копить знания и совершенствоваться. Добиться, в первую очередь, самоуважения. Через него достичь — признательности у преподавателей, друзей и близких. Терпение — это гений!

Прими привет, и горячие поздравления по случаю обретения тобою статуса студента Университета, также от моего лучшего друга и соратника Сергея Ивановича Шмелева. Он просил передать их, будучи сам в Нижнем Новгороде.

Твой счастливый дед — Петр Козин

Орел, 1 августа 2008 года.

Сегодня Максим Корнеев успешно сдал первую в своей студенческой жизни сессию. Правда, на экзамен по математике, пришлось сделать два захода. «Не беда, Максим, — успокаивал внука дед, — в свое время и юный Тургенев срезался на испытании по

русскому языку и, тем не менее, сумел в совершенстве овладеть — великим и могучим».

24 апреля 2009 года Максиму Корнееву исполняется 18 лет. Ко дню совершеннолетия Козины — старшие приберегли для внука 100 долларов. Пусть они станут, полагают они, первым стартовым капиталом в его новой, самостоятельной жизни. Ведь некоторые успешно начинали свой бизнес с пятью долларами в кармане. Главное, чтобы к деньгам были приложены — ум и знания.

Несколько ранее, а именно, 24 ноября 2008 года Корнеевой — Козиной Настеньке исполнилось 10 лет. Обращаясь к ней, дед написал:

Пусть серебром звенит сонет
В честь славной внученьки моей.
Сегодня Насте — 10 лет,
А значит — первый Юбилей!

От имени бабушек: Антонины Афанасьевны Разумовской и Валентины Алексеевны Козиной, а также от себя лично он направил в адрес юной Юбилярши такие «Поздравления»:



Антонина Разумовская, Пётр и Валентина Козины, 2009 г.

Милой художнице,
Скульпторше юной,
Самой красивой,
Самой разумной —

Радости, счастья
На долгие Лета,
Желают всем сердцем
Две бабушки
С дедом!

В ответ на эти, теплые и добрые пожелания, ученица 4 класса Орловского лицея № 28 Анастасия Корнеева предложила на суд старших, ею сочиненную и собственноручно записанную, первый опыт в прозе — сказку. Она родилась в ее прелестной головке, когда она, поздней осенью, гуляла с бабушкой Валей в городском парке, где подбирала с земли коричнево — черные каштановые орехи. Написала же ее на бумаге, уже снежной зимой, в начале 2009 — года Быка.



Настя Корнеева в образе сказительницы Шахерезады.

Сказка о каштане

— Почему каштан коричневого цвета? — спросила девочка у своей бабушки. Та же ей в ответ поведала притчу — сказку.

— Когда-то жила — была девочка — красавица. Волосы у нее были гладкие словно шелк и коричневые, как цвет каштана. Была у той девочки сестра. Ее волосы были также шелковыми — красивыми и гладкими. Только цвет у них был белый. А ей хотелось, чтобы они у нее были, как у ее сестры — каштановые.

Ходила, она как-то раз по городу, зашла в кафе. Тут ей добрый повар предложил съесть жареный каштан.

Она полагала, что теперь и ее волосы станут коричневыми. Этого, однако, не случилось. Тогда она пошла к предсказательнице. Старуха — предсказательница, у которой побывала девочка, строго вразумляла ее:

— Будь осторожна. Если ты еще раз съешь жареный каштановый орех, то сама превратишься в каштан.

Но не послушала девочка ворожею — старуху. Съела красавица еще один жареный каштан и в то же утро превратилась в плодоносящее каштановое дерево. Вот почему все каштаны коричневые — они произошли от нее.

А то, что стало с сестрою девочки — дерева, у которой от рождения были прекрасные каштановые волосы, и которая была опечалена потерей любимой сестренки — это уже совсем другая история, совсем иная сказка.

Анастасия Корнеева-Козина.
Орел, 5 января 2009 г.



Настя и Даша.

В своей прошлогодней зарисовке «На Кремлевской Елке» мы рассказывали о том, как Настя проводила свои зимние каникулы в год Крысы в Москве, вместе со своею любимой подружкою — сестренкою Дашей Емельяновой.

Летом же, они долгое время гостили вместе на поселке Калиновском у бабушки Антонины Ивановны Бондаревой. Родители Даша: отец — полковник Владимир Васильевич Емельянов и мама — учительница Татьяна Васильевна много времени уделяли детям. Ходили с ними

в лес за грибами, рыбачили в ближнем пруду, ездили купаться в Рожковское водохранилище. А на будущее лето 2009-го они пообещали Насте, что возьмут ее с собою отдыхать на Черное море. Вот этой заветной мечтой и живет сегодня любимая внучка поэта.



Корнеева — Козина Ирина Петрова.

В повести «Дым Отечества», посвященной дочери Ирине, Петр Козин подробно рассказал о ее рождении на древней Болховской земле и первых днях жизни. И вот теперь, 3 февраля 2009 года родные и близкие, собравшись за праздничным столом, торжественно отметили 40-летний юбилей Ирины Петровны Корнеевой — Козиной.

В своем поздравительном послании Петр Дмитриевич горячо благодарил дочь за то, что она выполнила с честью высокое предназначенье женщины — подарила на радость родителям двоих прекрасных внучат.

Представительница славного рода графов, свекровь Антонина Афанасьевна Разумовская подчеркнула, что она гордится своей невесткой, которую уважают в рабочем коллективе. Не зря ей, заместителю Генерального директора проектного учреждения, в тяжелейший год кризиса, выделена премия в четыре тысячи рублей. Это достойный подарок к Юбилею, за ее добросовестный труд.

Мама Ирины — Валентина Алексеевна, ее муж Игорь Николаевич Корнеев, сын Максим были, на редкость кратки. Их чувства выразились горячим поцелуем счастливой юбилярши и пожеланием ей здоровья. Настенька же подарила любимой маме целую скульптурную группу из всевозможных сказочных птиц и зверей, крысы и быка, что были выразительно художественно, изготовлены ее тонкими, но чрезвычайно искусными пальчиками.

На этом мы, подобно юной сказочнице Насте Корнеевой, закончим свое сказание о «красных датах», отмечаемых в дружной семье Корнеевых — Козиных и перейдем к повествованию совсем других историй — былей.

НА СТРЕМНИНЕ ЖИЗНИ

Церковь, по мнению Петра Дмитриевича, всегда стоит на стремнине жизни и у нее есть важнейшая миссия — объединение страны. Бессмертен в веках духовный подвиг святого Сергея Радонежского призвавшего князя Московского, ставшего Донским, и весь православный народ — порадеть во славу Отечества, дать достойный отпор татарским поработителям — несметным Ордам хана Мамаю.

Поэт, по убеждению, русский патриот — государственный. Не случайно в опубликованной книге «Дым Отечества» помещено, хотя на его взгляд и неудачное, стихотворение, которое так и озаглавлено «Церковное единение». Оно было навеяно конкретными событиями мая 2007 года, когда через 90 лет (1917-2007) произошло объединение Русской православной патриархии, во главе, с почившем, в декабре 2008, патриархом Московским и Всея Руси Алексием II и православных церквей зарубежья. Прежде всего, с церковью США. Поэт писал:

Революция разделила
Православную церковь на части,
А сегодня объединило,
При участии нашей власти.

Путин прав: это дело чести,
Архиепископ Лавр
Патриарх Алексий,
Православию служат вместе.



Патриарх Кирилл.

К сожалению не только патриарха Алексия, но и архиепископа Лавра ныне нет с нами, но память об их пастырском служении идее «единения» не умрет.

Известно, что когда в июне 1990 года, Алексей 11 возглавил церковь, то в ней насчитывалось 76 епархий, 6893 прихода, 22 монастыря, две духовные академии и три семинарии. Сегодня в РПЦ 157 епархий и 29 263 прихода, 804 монастыря. Из них только в России мужских — 234, женских — 244.

27 января 2009 года в России был избран новый православный пастырь. 702 делегата Поместного собора, голосами 508 к 169 (они были отданы митрополиту Калужскому и Боровскому Клименту), провозгласили своим главой митрополита Кирилла, который еще в школе искал компромисс с Дарвиным.

Петру Дмитриевичу импонирует, что Кирилл призывает своих архиереев служить делу Бога с душевной радостью. Отказаться от устаревших канонов. Не ограничивать молодых людей, приходящих в церковь: в одежде, увлечениях спортом и музыкой. Хорошо и правильно сказал в одном из своих выступлений 16-ый Патриарх всея Руси Кирилл, что христианство не должно быть музейным. Вот его мудрые слова: «Насаждая фольклорное, костюмированное Православие, мы словно сигнализируем обществу и человеку о том, что наша вера якобы не имеет никакого отношения к современной жизни. А между тем место Православия — на стремнине жизни и в современном обиталище наших Чувств».

ОСАДОК

*Пришли в Россию «черны дни»,
Уж больно тягостны они.
Гниль — старики, как в тяжком сне,
В отчаянье, горят в огне...*

Последние годы, в зимне-весенний период, когда за окнами, то мороз, то снежная слякоть, Петр Козин проводит большую часть времени в своем рабочем кабинете. В качестве подпитки свежими новостями, я нередко привожу ему из офиса местные газеты. Он тут же набрасывается на них. «Орловскую правду», «Орловский комсомолец», «Просторы России», вкупе с «Городом Орел», он лишь бегло просматривает. Но, вот «Орловский вестник», порою, надолго задерживает его внимание. Еще бы! Ведь в каждом номере здесь выступает энергичный редактор Виктор Балакин. Острие своего журналистского остроумия он неуклонно обращает против коллег из оппозиционных органов печати, как-то: «Красная строка», «Орловские новости» и, в особенности, «Орловская искра». Мужественный апологет губернатора Строева, запретивший печатать в Орле вышеназванные газеты, он камня на камне не оставляет от их идеологических, антистроевских концепций.

От неугомонного Балакина здорово достается не только «левым», пытающимся через суды против его газеты и губернаторского произвола, бороться за свободу слова, но и, так называемым, «правым». Особенно его волнуют «лохматая борода» Д. Краюхина и »пышная прическа» его супруги В. Катковой, кои представляют «Единую Европу». Он также горячо парировал деятелю «Другой России» Г. Саркисяну, который, по его выражению, «кричал на непрозрачном «круглом столе» об ответственности президента Дмитрия Медведева и правительства РФ за экономический кризис в России? Но при этом он, Саркисян, явно умалчивал о том, что один из основателей его партии, бывший премьер-министр Михаил Касьянов распродал богатства России без зазрения совести».

Дабы пригвоздить позором своих недоброжелателей, Балакин в полемическом задоре, свои статьи озаглавил не иначе, как:

«Шакалы» и «Лицемеры от политики» (Орловский вестник» № 6 от 11 февраля 2009 года).

Петр Козин, однако, более политики интересуется литературой, а потому непременно читает «Слово», где выступают со своими произведениями, как маститые, так и малоизвестные литераторы. Не оставляет он без внимания и рубрику «Мнение», которую ведет писатель Владимир Ермаков.

Каждый материал орловского поклонника философов, типа Фрейда и Зиновьева снабжен его портретом. На нем он выглядит, как явно неухоженный, худой, небритый, в неизменных очках, интеллигент, что весьма озабочен состоянием мыслей и души русского человека обезумевшего, по его словам, от бесконечно дальних просторов своей поруганной, несчастной родины

Петр Козин солидарен с мнением Владимира Ермакова в том, что человеческая зависть, есть «Зло, не имеющее предела». Действительно, зависть в качестве источника социальной энергии из всех ментальных ресурсов человека наиболее опасна и наиболее эффективна. Тому мы тьму примеров отыщем.

Прав также автор заметок на полях календаря, когда повествует в статье «Осадок дня» всю свою боль и горечь за «черные дни» России. Он, в частности, пишет: «В поселке Подъельск (республика Коми) сгорел дом престарелых. Погибли 23 старика: троим, как-то удалось выбраться. Это уже двадцатый подобный пожар за пять лет. Оказывается, дом этот в сводках социальных служб не числился. Местные чиновники привычно кивали друг на друга и стыдливо отводили глаза от камер. А чего отводить? Стыд не дым, глаза не выест».

— Писатель Ермаков — молодец, — поделился своим впечатлением от прочитанного со мною Петр Козин, — ведь отношение государства к старикам и детям — это лакмусовая бумажка здорового общества. Ясно, что оно болезненное, если забывает об их нуждах. В советское время все было не так. Вспомни фильм Лизовой «Семнадцать мгновений весны». Его главный герой, полковник Исаев, он же Штирлиц искренне любил стариков и детей.

Боролся за их судьбы. А, как сегодняшние демократы относятся к старикам? Безобразно. Хотя бы и на моем горьком примере.

Случилось же следующее. 2 ноября 2008 поехали мы с Козыным в Чернь за яблоками. Сад старый, неухоженный, непролазный. Усталый, впопыхах, он не заметил, как из его нагрудного кармана пиджака выпало удостоверение «Ветерана труда», а с ним проездной билет на ноябрь и сто рублей денег. Спихнулся лишь дома.

На следующий день он поехал на поиски. Вместе с товарищами: Леонидом Цукановым, Зинаидой Будовской и Раисой Мартиновой обшарили яблоневые ряды, что поросли травой и бурьяном. Все тщетно. Ибо найти пропажу в непроходимых дебрях, все равно, что искать иголку в стогу сена. Не повезло ему и в следующий визит.

Я посоветовал тогда: «Петр Дмитриевич, а не легче ли будет дубликат взять?».

— Пожалуй, что так, — согласился он.

Когда мы с ним оказались в отделе соцзащиты Железнодорожного района, то, молодая и симпатичная чиновная леди, строго распорядилась:

— Пишите заявление, — и протянула ему фирменный бланк.

Когда он выполнил ее указание, она его просто озадачила очередным требованием:

— Теперь берите, как выражаются, ноги в руки и обегайте четыре отдела милиции города. Там вам поставят печать, если у них не окажется вашей пропажи.

— А не лучше ли зайти в областное УВД? — спросил он, — ведь там должна концентрироваться вся база данных по области. К тому же я утерял документ на территории Чернского района Тульской губернии. Не придется ли мне обращаться еще и туда?

— Нет, — отрезала чиновница, — наших четырех отделов милиции будет достаточно.

— Но, чтобы их объехать на такси и дня не хватит и материально накладно.

— Это уже ваша печаль!

— Но, я же пенсионер, пожилой человек.

— Не будете терять.
— Но в век компьютеризации подобные походы — глупость.
— Такой порядок! — услышал он безопеляционный ответ прекрасной леди.

Дабы не томить читателя подробностями, сообщу, что я помог другу выполнить его непростую миссию. Объехал с ним на личном автомобиле милицейские участки. Печати были поставлены и через неделю, Петр Козин получил, наконец, дубликат, взамен утерянного удостоверения «Ветерана труда».

Дело было сделано, но «осадок», как правильно выразился Владимир Ермаков, на душе остался. И был он горьким, как и упрек в адрес бездумных, а может быть просто коварных чиновников, которым печали и заботы стариков-ветеранов, не иначе, как в случае с пожаром, трын-трава.

ТАЙНЫ «ПОЭТИЧЕСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ»

Когда автор и редактор стали определять жанр «Русской бани», то пришли к единому мнению, что это не поэма, а «поэтическая энциклопедия». Как по форме, так и по содержанию. Произведение охватывает «банную» тему, поистине от Адама и Евы до наших дней, раскрывает состояние «борьбы за гигиену» многих народов мира. Работа Петра Козина знакомит читателей со многими специфическими — научными, философскими, медицинскими, спортивными терминами.

Один из опытейших и мудрейших писателей современной России Василий Михайлович Катанов, поднаторевший на редакторской стезе еще в советские годы, твердо сказал автору:

— Петр Дмитриевич! Будем считать твою «Русскую баню» «поэтической энциклопедией» и никак иначе. Хотя подобного жанра в литературе еще не было. Ты стал пионером. Суди сам. О бане писали крупные прозаики: Алексей Толстой и Александр

Фадеев, Леонид Леонов и Василий Шукшин, поэты: Маяковский и Твардовский, Чуковский и Вознесенский и даже твой приятель Виктор Рассохин. Да, да теме «бани» посвящены сотни книг. В их числе и любимая тобою монография Алексея Галицкого «Щедрый жар». Но твоя «Русская баня», на сегодняшний день, самое крупное, подчеркиваю, поэтическое произведение. И написано оно, как некогда сказал о своем «Василии Теркине» Александр Твардовский: «вот стихи, а все понятно, все на русском языке».

— Спасибо на добром слове, — поблагодарил редактора автор.

Беседа поэтов состоялась на квартире Василия Катанова 12 февраля 2009 года. Присутствуя на ней, я старался сдерживать улыбку. Причина моего загадочного веселья была понятна лишь моему другу, который меня предупредил не открывать редактору, до времени, чтобы избежать упреков в спешке, тайны создания его творческого труда. Ведь еще в 1979 году Василий Михайлович в пух — прах раскритиковал повесть Козина «Звено». И главным фактором обвинения были — языковая небрежность, вызванная нетерпением и спешкой. Упрек редактора в ту пору выразился в формуле: и жить торопимся, и чувствовать спешим. Но теперь, когда «Русская баня» Петра Козина вышла в свет, есть возможность и даже необходимость приоткрыть завесу авторских секретов.

Тайна первая

Свой огромный поэтический труд, в 19 глав с прологом и эпилогом и, более чем в сто страниц, Петр Козин, только вдумайтесь, создал всего за 19 дней. По главе в день! С 3 января, когда он получил в дар от больного писателя Петра Родичева книгу Галицкого «Щедрый жар» и до 22 января, когда мы с автором уже передали его рукопись на редактирование Василию Катанову. Такая скоропись свойственна разве лишь гениям, таким как Пушкин и Есенин. К примеру, если Пушкин за одну «Болдинскую осень» создал массу творений, то и Петр Козин только за одну «Орловскую зиму» подготовил к изданию сразу две книги: поэтическую — «Русская баня» и прозаическую — «Жар малиновый». В них, помимо, «поэтической энциклопедии» и «Повести Ракитина»,

включены: подборка стихов «Сердцу дорого», «Записки грибника и рыболова», а также мои «Сказы».

Тайна вторая

Петр Козин, в отличие от своего коллеги по творческому цеху Николая Круглова, издавшему, по существу, всего одну книгу стихов и прозы в 200 страниц «Теплись, моя лампада», себя писателем не называет. Он скромно, как и его земляк — болховчанин, поэт Алексей Апухтин считает себя всего лишь литератором — дилетантом. Однако это не мешает ему, как некогда Апухтину создавать серьезные вещи.

Но, вышесказанное мною, это так, к слову. Вторая тайна скорописи поэта заключается в следующем. Когда он, получил от Родичева монографию Галицкого и стал ее изучать, то, вдруг, вспомнил, что она уже есть у него в личной библиотеке. И он не только читал ее по выходу в свет в далеком 1986 году, но и на ее основе успел написать такие стихотворения, как вошедшие в «Энциклопедию» — «Чипучина» и «Ода березе». Более того, как оказалось, он подготовлен к теме, в плане практики банной внутренней жизни, лучше ученого знатока Алексея Галицкого, ибо последний не работал непосредственно, как Петр Козин, банщиком. И не тянул, так сказать, верблюжью лямку рабочего горячего цеха.

Тайна третья

О секрете успеха ярко и образно, в свое время, поведал великий американский писатель Джек Лондон в романе «Мартин Идеен». Читатели «Родной стороны» хорошо помнят, как Петр Козин, будучи молодым, увлекся этой чудесной книгой, и многие качества — настойчивость, упорство, долготерпение ее главного героя были присущи и ему самому. Нет, Петр Дмитриевич не работал над рукописями, как Мартин Идеен по 16-19 часов. Ему было достаточно 10-12. Вставал он, по обыкновению, в половину шестого утра. Подогревал, заранее приготовленный доброй супругой Валентиной завтрак, быстро ел, и отправлялся в свой рабочий кабинет. В семь утра, когда за окнами еще лежало черное покрывало зимней ночи или брезжили серые сумерки он, не на печатной ма-

шинке, как герой Лондона и как это делал многие годы он сам, а на клавишах компьютера отстукивал строки своих будущих повестей и поэм. В короткие перерывы выпивал по несколько глотков черного кофе или заедал яблоком горечь, от невероятно многих, три — четыре пачки в день, искуренных дешевых сигарет марки «Ностальгия». И уже в шесть — семь часов вечера, он вместе с женою, одновременно, обедал и ужинал. Просматривал по телевизору ряд интересных программ или кое-что читал и уходил ко сну. Случалось, что он сочинял и во сне. Вставал, зажигал свет. Брал бумагу и авторучку — записывал интересные мысли, а затем вновь продолжал спать.

Терпение и труд. Они то и были третьей тайной поэта. Не даром великий Гете сказал: «Терпение — это гений!».

Тайна четвертая

Творческие работники прекрасно знают, что не всегда даже самый упорный и кропотливый труд, приносит весомые плоды. Крайне необходимо чувство вдохновения. Оно же приходит от любви. Ее же объектом могут быть люди, книги, природа. Петр Козин — добрый человек. Он любит своих земляков, друзей и жену, но более всего внуков Максима и Настю. Любовь к ним и озаряет все его творчество. И не случайно в его жизни, бывают периоды наивысшего взлета типа «Болдинской осени» великого Пушкина. Это и есть четвертая, и может быть самая главная тайна автора «поэтической энциклопедии».

ЕГОРОВО ГОРЕ

Это словосочетание пришло ко мне после известных событий. А именно, 16 февраля 2009 года Президент РФ Дмитрий Медведев подписал Указ об отставке губернатора Орловской области Егора Семеновича Строева и рекомендовал областному Совету утвердить в должности губернатора Орловщины заместителя министра сельского хозяйства РФ Александра Петровича Козлова. Дело, о котором постоянно трубили сегодняшние большевики, свершилось.

Всего пять дней назад, а именно, 11 февраля 2009, главный редактор «Орловского вестника» Виктор Балакин, в № 7 газеты, в статье «Шакалы» писал: « Очередную сплетню о том, что губернатор Егор Строев уходит в отставку, растягивали на всю область те, кто питается сплетнями, как падалью». Выходит, что Балакин поспешил с выводами, коммунисты оказались более дальновидными и прозорливыми. Еще бы ведь речь шла не просто о главе области, а бывшем члене Политбюро, секретаре ЦК КПСС по сельскому хозяйству, который неожиданно для них стал ренегатом, отступником от коммунистических идей, ради власти и денег, перешедшим в стан представителей «загнивающего капитализма».

Активная оппонентка губернатора корреспондент «Орловской искры» (№ 7 от 18 февраля 2009) Валентина Остроушко о «Егоровом горе» дала свой комментарий: «Радуюсь отставке губернатора, мы помним, что провожаем действительно опытного политика. Уникального человека из простой крестьянской семьи. Сделавшего себя, сделавшего известной на всю страну Орловскую губернию. И в то же самое время, ренегатством и корыстью, погубившего свое имя».

В беседе со своим соседом Федором Ивановичем, также как, и Остроушко радующимся данному событию, Петр Козин сказал: «Для нас, пенсионеров, это мало что изменит. Нам, что ни поп, то батька».

— Нет, это хорошо, что его убрали — настаивал на своем мнении пожилой сосед, — как не крути, а на одного черта меньше станет. У Строева, что ни зам, то жулик! Кочуев арестован, Сошников в бегах, где-то в Израиле, Меркулов отставлен, племянник под следствием. Мэра Касьянова вынудили отсиживаться в долгосрочном отпуске.

— В России, как еще Карамзин заметил, воруют все, — отшутился поэт.

Коллега по перу, писатель Петр Родичев оказался так же в трансе.

— Вместе с губернатором Строевым уйдет и наша литературная стипендия, плакали наши 10 тысяч — огорчался он, — все

литераторы покинут Союз, разве только один секретарь Попов останется.

— Да, действительно, Егор Семенович радел писателям. Беда только, что памятник поэту Виктору Дронникову, как обещал, так и не поставил.

— Он много что обещал, да не сделал.

— Это уже его горе!

Петра Дмитриевича больше «Егорова горя» волновали тревожные события, произошедшие в его родном граде Болхове, где был осквернен, а затем расстрелян памятник вождю пролетариата Ленину. Хотя он сам критически относится к его духовному наследию, но, тем не менее, убежден, что «расстреливать» историю могут лишь вандалы. Для них ничего, кроме денег, в жизни нет святого. Но, не тот же Егор Строев своим ренегатством пробудил в людях эти нездоровые инстинкты? Но, это уже не только Егорова, а наше общее горе.

ВСТРЕЧИ С МЭТРОМ

Благодаря Петру Козину мне довелось не только познакомиться, но и относительно хорошо узнать о жизни и творчестве крупнейшего современного орловского писателя, автора 35 книг, первого лауреата литературной премии «За Отечествоведение» Василия Михайловича Катанова.

Еще в июле 2006 года мы посетили с другом Большую Фоминку — малую родину писателя. Побывали так же и в родовом гнезде его жены — Волоконке. Тогда, по свежим следам, Петр Дмитриевич написал, пока еще нигде не опубликованный, одноименный с деревней очерк.

24 августа 2008 мы приняли в доме купца Бакина совместное участие в тризне по ушедшему в иной мир крупному орловскому стихотворцу, названного экс-губернатором Егором Строевым великим, Виктору Дронникову. Это ведь именно Виктор, в 1970 познакомил директора школы Петра Дмитриевича Козина, тогда



начинающего поэта, с сотрудником «Орловской правды», членом Союза писателей Василием Катановым.

В январе-феврале 2009, по издательским надобностям, мы четырежды посетили квартиру Катанова в Орле. Встречая друга, Василий Михайлович, улыбаясь, не устоял, чтобы не скаламбурить:

Кто к нам пришел?

Поэт Петр Козин!

Веселый он, —

Совсем не грозен.

На тут же врученной книге «Богатырская застава», Катанов углубил свою мысль в собственноручном автографе: «Дорогому человеку, поэту и прозаику с горячим, веселым сердцем — Петру Козину — от души! В. Катанов. Орел, 22 января 2009 года». Такую же книгу подарил он и мне. Позже я сделал фотоснимки двух поэтов.

Василий Михайлович, как мне показалось, с охотой согласился отредактировать рукописи двух книг Петра Козина: поэтическую энциклопедию «Русская баня» и прозаическую — повесть «Жар малиновый», а так же мои «Сказы».

— Хорошо, сделаю. Предисловие? Напишу, — сказал он, — а теперь послушайте о содержании моей «Богатырской заставы».

Василий Михайлович начал читать целые главы из романа в стихах «Александр Горбатов» и поэмы о великой княгине Елизавете «Дочь России».

Особенно же он ударял на струны веры:

Дорога совести и мира,
Как божья заповедь проста:
«Не сотвори себе кумира
Помимо Господа Христа!».

И именно о себе он с упоением продолжает:

Без суеты и суеверий,
Борясь с печалью и тоской,
Находит в вере,
Только вере
Душа отраду и покой.

Не устоял старый и седой поэт прочесть гимн и своему любимому духовному наставнику, из одноименной поэмы, Иоанну Кронштадтскому. Два тома трудов этого архипастыря он всегда держит под руками:

«Когда он спит? —
Народ дивился. —
Он — богатырь, наш Иоанн».
Широким куполом светился
Над ним небесный океан.

Мы долго наслаждались прекрасной декламацией стихов. Их автор — подлинный поэтический мэтр современной России. Заметим, что Василий Катанов исключительно добросовестно отнесся к нашей просьбе. Как творения Петра Козина, так и мои «Сказы» были превосходно отредактированы, подготовлены краткие предисловия.

Мы наглядно еще раз убедились в высоком профессиональном мастерстве и мудрости выдающегося орловского писателя.

Содержание

Слово о бане (В. Катанов)	3
Пролог	4
Часть первая. ТИХАЯ ОБИТЕЛЬ	8
Глава первая. Вхождение в баню	8
Глава вторая. Братья-голуби	15
Глава третья. Плакат на стене	19
Глава четвертая. Бабий бунт	24
Глава пятая. Пиррова победа	35
Глава шестая. Переполох	41
Глава седьмая. Октябрьский переворот	47
Глава восьмая. Аренда	49
Глава девятая. Качели	51
Часть вторая. ПАР И ДЫМ	58
От автора	58
Глава первая. Крутые степени	60
Певцы.	60
Обида.	62
Парная с (вениками)	63
Что же случилось?	68
Глава вторая. Помехи	70
Глава третья. Мошенники и юмористы	74
Глава четвертая. Почетная ссылка	79
Глава пятая. Годовщина	86
Глава шестая. Рокировка	91
Глава седьмая. Клиенты	96
Глава восьмая. Сатрапия	100
Глава девятая. Интриги	105
Глава десятая. Отпуск	110
Глава одиннадцатая. И не только баня	114
Глава двенадцатая. Цветок преткновения	122
Глава тринадцатая. И снова в бой!	126
Глава четырнадцатая. Разгром	130
Словесник Гошин	130

Вокруг «Сейфа»	131
Западня	132
Анонимка	132
Проделка Боливары	134
Конфузия	136
Глава пятнадцатая. Январские метели	137
Год обезьяны	137
Визит Штефина	138
Серафимыч	141
Глава шестнадцатая. Двухлетие	144
Простыни	144
Уборщица Пронина	145
Ганна, Батов и Бурков	146
Глава семнадцатая. Эксперимент	148
На приеме	150
Глава восемнадцатая. Прорыв	152
Подарок земляка	152
Неудавшаяся интрига	154
«Божий одуванчик»	155
Глава девятнадцатая. Отрезвление	156
Чеки	157
Лжевыборы	159
Провокация	160
Выговор	161
Глава двадцатая. Ремонт	164
Обвал	166
Глава двадцать первая. Увольнение	169
Ядовитый «цветок»	172
Эпилог	175

ЗАПИСКИ ГРИБНИКА И РЫБОЛОВА

Африканец	179
Причуды юрьевского пруда	190
Спекулянты на милосердии	195
Ротозей	195
Синдром Мули	196
Лукавые сестрицы	197
Хлеб для Бэма	200
Антисусанин	203
Директор леса	207
Следопыт	211
Гостомля	212
Бог есть!	216
Жареный червяк	219
Платформа — 53 км	222
Шаховская колония	225
Яблоки на снегу	227

СКАЗЫ (С. И. Шмелёв)

Провидение	230
Голоса Дона и Волги	233
Радость земляков	236
Ностальгия	238
Красные даты	242
Сказка о каштане (Настя Корнеева)	245
На стремнине жизни	248
Осадок	250
Тайны «Поэтической энциклопедии»	253
Тайна первая	254
Тайна вторая	255
Тайна третья	255
Тайна четвертая	256
Егорово горе	256
Встречи с мэтром	258

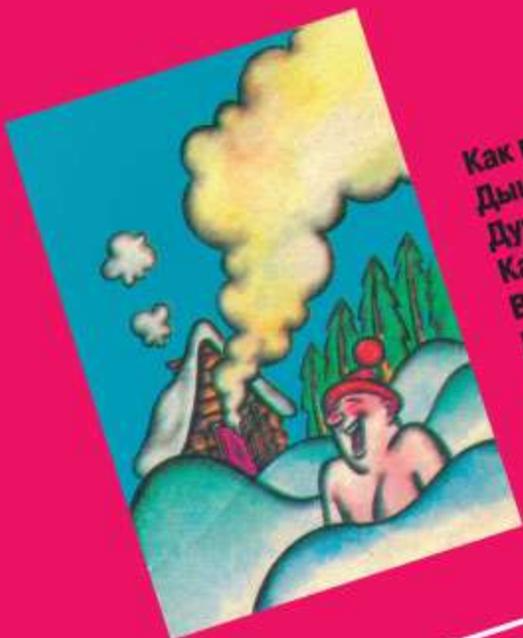
Козин Пётр Дмитриевич
ЖАР МАЛИНОВЫЙ

Редактор *В. М. Катанов*
Технический редактор *Д. Ю. Зенин*
Вёрстка *А. В. Лебёдкин*

Подписано в печать 20.03.2009 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,35. Тираж 100 экз. Заказ №

Издатель Светлана Зенина
302001 г. Орёл, ул. Черкасская, 36-168.
Тел./факс: (4862) 75-27-46
www.orel.ru/book
book@orel.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Полиграфическая фирма «Картуш»
г. Орёл, ул. Васильевская, 138.



Как после бани
Дышится легко!
Душа парит,
Как птицы,
Высоко.
Готов прощать
И пламенно любить,
Творить добро
И долго-долго
Жить!